

Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев

**ПОСТКРИМИНАЛЬНЫЙ СУИЦИД УБИЙЦ:
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ**

Монография

Улан-Удэ
Издательство Бурятского госуниверситета
2020

УДК 343.985.7:343.619
ББК Х629.431.311
А 79

Авторы: Р. Г. Ардашев (введение, главы первая, вторая, третья, заключение), Н. Н. Китаев (глава третья)

Рецензенты

В. В. Яровенко, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой правосудия, прокурорского надзора и криминалистики Юридической школы Дальневосточного федерального университета

В. С. Ишигеев, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Бурятия, профессор кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета экономики и права

Ардашев Р. Г.

А 79 Посткриминальный суицид убийц: криминалистическое обеспечение расследования : монография / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского государственного университета, 2020. — 216 с.

ISBN 978-5-9793-1453-2

DOI 10.18101/978-5-9793-1453-2-2020-1-216

Монография посвящена актуальной и малоизученной проблеме криминалистического обеспечения расследования посткриминального суицида убийц. Данная работа основывается на эмпирическом материале, собранном в течении нескольких лет в различных регионах Российской Федерации, исследованиях юристов, судебных медиков, психологов, психиатров и других специалистов. Понятие посткриминального суицида раскрывается в различных аспектах, анализируется роль судебных экспертиз в выявлении и расследовании убийств, осложненных суицидом виновного лица, а также рассматриваются отдельные направления расследования посткриминального суицида.

Книга предназначена для научных и практических работников, сотрудников правоохранительных органов, преподавателей, аспирантов, адъюнктов и студентов юридических вузов.

Ardashev R. G.

Murder–suicide: Forensic Investigation : a monograph / R. G. Ardashev, N. N. Kitaev. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing Department, 2020. 216 p.

The monograph is devoted to the urgent and poorly studied problem of forensic investigation of murder–suicides. This work is based on the empirical material collected over several years in various regions of the Russian Federation, researches of lawyers, forensic doctors, psychologists, psychiatrists and other specialists. The concept of a murder–suicide is revealed in various aspects. We have analyzed the role of forensic examinations in the investigation of murders complicated by suicide of the guilty person, and considered certain aspects of murder–suicide investigation.

The book is intended for researchers and practitioners, law enforcement officials, teachers, graduate students, adjuncts and law students.

УДК 343.985.7:343.619
ББК Х629.431.311

ISBN 978-5-9793-1453-2

Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последние два десятилетия как в России, так и в других странах происходит рост особо тяжких преступлений против личности, сопряженных с последующим суицидом убийцы.

Так, 4 июня 2001 г. Дипендра — наследный принц Непала — расстрелял свою семью, после чего застрелился сам. Поводом преступления послужил конфликт Депендры с матерью, препятствующей браку сына с неудобной ей Девьяни Рана — дочерью экс-министра иностранных дел Непала.

20 апреля 1999 г. учащиеся школы «Колумбайн» (США) Эрик Дэвид Харрис и Дилан Беннет Клиболд убили 12 учеников и одного учителя, ранили еще 23 человека, после чего покончили с собой.

В России (г. Керчь) 17 октября 2018 г. Владислав Росляков совершил убийство 20 человек в учебном заведении и застрелился сам. В одном из сел Ульяновской области в ночь на 18 августа 2019 г. 16-летний школьник Тимерлан Камалетдинов совершил умышленное убийство шести членов своей семьи, после чего покончил с собой.

Эти массовые убийства, отраженные в СМИ, затмевают своими масштабами аналогичные единичные преступления (муж убивает жену и совершает суицид). Подобных посткриминальных самоубийств в нашей стране совершается ежегодно несколько сотен, но никакой статистики по ним не ведется. К сожалению, в настоящее время российские следователи недостаточно подготовлены в профессиональном плане к качественному расследованию убийств, сопряженных с последующим суицидом преступников. Часть таких деяний может являться и криминальными инсценировками [312, с. 171].

Очевидно, что расследование случаев смерти с признаками суицида требует соответствующего информационно-методического сопровождения. В то же время до сих пор нет полно-

ценного решения данной проблемы на уровне взаимосвязи криминалистики, судебной экспертологии и суицидологии.

В 2013 г. в Российской Федерации была издана книга Р. Г. Ардашева «Вопросы теории и практики расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя» [28]. Будучи первой монографией по исследуемой проблеме в истории отечественной криминалистики, названная работа достаточно широко используется различными вузами, а также правоохранительными органами России и ближнего зарубежья, имеет одиннадцать положительных рецензий, написанных известными учеными. Монография вызвала большой интерес у криминалистов, криминологов, психиатров, психологов, судебных медиков, суицидологов, откликнувшихся на ее появление серией исследований, посвященных вопросам посткриминального суицида, включая кандидатские и докторские диссертации¹.

Предлагаемое читателям настоящее издание предназначено ученым и судебным экспертам, сотрудникам правоохранительных органов, непосредственно занимающимся раскрытием и расследованием преступлений против жизни, также оно может представлять интерес для студентов юридических вузов.

Доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Бурятия
В. С. Ишигеев

¹ Бозров В. М., Костовская Н. В., Яворский А. А. Криминальный суицид (психолого-психиатрические, уголовно-правовые и процессуально-криминалистические аспекты). М., 2015; Вардадян А. В., Андреев А. С. Эмоциональные переживания и суицидальные поступки как часть посткриминального поведения лиц и их значение для раскрытия и расследования убийств (криминалистические и психологические аспекты) // *Философия права*. 2016. № 2(75). С. 74–78; Постгомицидные убийства в России / А. В. Голенков [и др.] // *Суицидология*. 2019. Т.10. № 2. С. 32–41; Лисовецкий А. Л., Бертовский Л. В., Поздняков В. М. Суицидология и криминалистика: пути взаимодействия // *Суицидология*. 2008. Т. 9. № 1(30) С. 80–86.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время уровень криминальной агрессии в Российской Федерации на фоне показателей других государств является крайне высоким и превышает более чем в 25 раз показатели Европейского Союза. Наша страна занимает второе место в мире по уровню смертности от самоубийств, основными детерминантами которых выступают социальные и психопатологические факторы.

Авторы дают различные определения посткриминального (постпреступного) поведения правонарушителя, рассматривая его в широком смысле, когда конечной границей такого поведения является прекращение уголовно-правовых последствий совершенного субъектом преступления (В. А. Авдеев, И. Э. Звечаровский, Р. А. Сабитов), или в узком смысле — как элемент механизма преступного поведения (А. В. Яшин). Ю. В. Пономаренко указывает на выявление корреляций между преступлением и сопутствующими ему некриминальными событиями. С. В. Лаврухин классифицирует механизмы поведения преступника на междисциплинарном уровне:

- по отраслям знаний — уголовно-правовой, криминологический, криминалистический и пенитенциарный;
- по времени — поведение преступника разделяется на допроцессуальное, процессуальное и постпроцессуальное [238, с. 23].

Посткриминальный суицид этими исследователями не изучался, лишь кратко упомянут С. В. Лаврухиным [238, с. 25].

В следственной практике нередко встречаются случаи, когда убийца после совершенного им деяния прибегает к суициду, покушению на самоубийство либо же инсценирует суицид мнимого правонарушителя, убивая невиновное лицо. Серьезные трудности у работников правоохранительных

органов могут возникать при отграничении самоубийства от несчастного случая, который может иметь место при нарушении правил техники безопасности труда или движения автотранспорта. В подобных ситуациях возникает ряд вопросов, касающихся не только криминалистики, но и судебной экспертологии, оперативно-разыскной деятельности.

Проблемы самоубийства на протяжении многих лет изучаются представителями различных научных направлений, поэтому существует несколько определений суицида. И. Б. Паперно пишет, что «в научном сознании самоубийство... представляется неразрешенной загадкой, ученые затрудняются не только в объяснении, но и в определении самоубийства» [291, с. 5]. Н. В. Говорин и А. В. Сахаров, указывая на множество классификаций мотивов суицидального поведения, предложенных отечественными и зарубежными авторами, делают обоснованный вывод, что эти классификации не в состоянии охватить весь спектр возможных суицидально-поведенческих мотивов [139, с. 28].

Мы солидарны с определением Л. З. Трегубова и Ю. Р. Вагина, по мнению которых, самоубийство «есть сознательное, самостоятельное лишение себя жизни. В этих двух основных дефинициях заключается его коренное отличие от убийства, в котором, по понятным соображениям, отсутствует элемент самостоятельности, и от несчастного случая, в котором отсутствует элемент сознательности и доминирует случайность» [367, с. 11].

По справедливому замечанию ряда авторов (Л. В. Франк, Н. А. Ин, П. Ольхин), самоубийство в той или иной степени тесно соприкасается с убийством. А. Г. Амбрумова и Л. И. Постовалова отмечают, что суицидальное поведение представляет собой поведенческую модель, распространенность которой зависит от многих социокультурных переменных [19, с. 61]. Исследования С. В. Бородина и А. С. Михлина позволяют клас-

сифицировать мотивы и поводы самоубийств по нескольким группам, к одной из которых относятся конфликты, связанные с антисоциальным поведением суицидента: а) опасением уголовной ответственности; б) боязнью наказания или позора; в) самоосуждением за неблаговидный поступок [102, с. 26]. Все это так или иначе может относиться к случаям посткриминального суицида убийц. А. Г. Амбрумова и В. А. Тихоненко указывают на то, что лица, совершающие самоубийство из боязни уголовной ответственности, характеризуются в целом с отрицательной стороны и обнаруживают предшествующий суициду период антисоциального поведения [20, с. 26]. По нашим наблюдениям, некоторые убийцы, совершившие посткриминальный суицид, ранее не раз угрожали будущим потерпевшим (родственникам, знакомым) покончить с ними, а затем с собой [60, с. 142–143].

С учетом изложенного можно предложить следующее определение: посткриминальный суицид — это добровольное, умышленное лишение себя жизни лицом непосредственно после совершения им преступления или спустя некоторое время, причинно обусловленное совершенным преступлением.

За последние десятилетия проблема противодействия раскрытию и расследованию преступлений приобрела характер острого негативного социального явления. В трудах ученых получила активное развитие теория преодоления противодействия расследованию (В. Н. Карагодин, И. А. Николайчук, В. В. Трухачев и др.), которая в настоящее время входит в структуру частных криминалистических теорий. Многие исследователи изучали проблемы выявления и преодоления противодействия расследованию отдельных видов преступлений, в том числе убийств. Однако вопрос о посткриминальном суициде преступника как способе (виде) противодействия расследованию преступлений не был предметом научного обсуждения. Многие акты противодей-

ствия, как указывает Э. У. Бабаева, не являются противоправными и не относятся к преступной деятельности [82, с. 64].

В нашей работе приводится структура противодействия расследованию путем совершения посткриминального суицида, где субъектом выступает сам преступник, на выбор способа противодействия которого влияет не только характер преступления (убийство) и его последствия, но и психические свойства личности правонарушителя. Цель осуществления противодействия путем посткриминального суицида — уклонение от уголовной ответственности или иные причины.

Мотивами противодействия со стороны преступника, прибегнувшего к суициду (покушению на самоубийство), являются боязнь уголовной ответственности, позора, самоосуждение за свое деяние и т. п.

Посткриминальный суицид реализуется после совершения убийства как до обнаружения признаков преступления, так и после их обнаружения. Одним из основных способов противодействия расследованию является сокрытие преступления. Мы солидарны с мнением Р. С. Белкина, писавшего о такой группе способов сокрытия, как уничтожение: «... имеется в виду уничтожение как самой доказательственной информации, так и ее носителей» [90, с. 366–367]. Аналогичную точку зрения высказывал В. А. Овечкин, который, рассматривая способы сокрытия преступлений, отмечал «уничтожение материальных, а в некоторых случаях и идеальных (люди) источников информации о преступлении» [280, с. 7].

Вышесказанное позволяет утверждать, что посткриминальный суицид является одним из способов сокрытия преступления, входящих в группу «уничтожение». Преступник как носитель доказательственной информации после совершения убийства лишает себя жизни с целью уклонения от уголовной ответственности или по другим причинам.

В диссертационных работах, посвященных различным аспектам расследования преступлений, посткриминальный суицид не рассматривался как своеобразный «индикатор» убийств, совершенных ранее, когда самоубийство выступает в качестве улики поведения.

М. С. Строгович относил к таким уликам «поведение обвиняемого после совершения преступления, обусловленное фактом совершения им преступления» [356, с. 373]. Мы разделяем мнение Н. И. Малыхиной, которая относит к уликам поведения «действия (бездействия) и высказывания лиц, события, факты, по которым можно установить причинную связь между лицом и совершенным преступлением» [455, с. 22]. Различные определения улик поведения давали М. М. Гродзинский, А. И. Винберг, Г. М. Миньковский, Р. Д. Рахунов, Н. Т. Ведерников, Г. Н. Мудьюгин, А. И. Ковалев, В. К. Лисиченко, А. С. Зеленковский, С. С. Чегодаева и др.

Анализ научных работ показывает, что улики поведения с древних времен служили важным средством изобличения виновных в убийстве, по данной категории дел они встречаются гораздо чаще, чем по другим преступлениям (Г. Шнейкерт, А. И. Ковалев).

Изучение практической деятельности сотрудников Следственного комитета РФ и полиции в разных регионах страны показывает, что подавляющее число суицидальных актов убийц совершается в условиях достаточной очевидности, на бытовой почве, в состоянии алкогольного опьянения. Трупы самоубийц при этом, как правило, находятся вблизи останков жертв, что отмечали еще дореволюционные авторы (П. Ольхин).

Гораздо сложнее установить истину, если на месте происшествия имеются только тела потерпевших и отсутствует информация о подозреваемом и обстоятельствах случивше-

гося преступления. В работе на конкретных примерах рассмотрены ситуации, когда самоубийство лица выступало уликой поведения, даже если суицид произошел на значительном расстоянии от места совершения убийства и через значительное время.

Итак, можно сделать обоснованный вывод о том, что суицид является уликой поведения в тех случаях, когда можно установить причинную связь между фактом данного самоубийства и убийством, совершенным ранее в условиях неочевидности.

Эмпирическую основу исследования составили:

- результаты изучения материалов 134 уголовных дел об убийствах, сопряженных с суицидом подозреваемых (обвиняемых), и 24 материалов, по которым в возбуждении уголовного дела по факту совершенного убийства было отказано (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ), в следующих субъектах РФ: республики Хакасия, Башкортостан, Тыва, Татарстан, Саха-Якутия, Мордовия, Марий-Эл, Карелия, Чеченская Республика, Красноярский, Алтайский, Хабаровский края, Московская, Ленинградская, Тверская, Кемеровская, Иркутская, Ростовская, Пензенская, Самарская, Магаданская, Воронежская, Томская области, Ханты-Мансийский автономный округ;

- анкетирование 63 следователей СК РФ, проходивших обучение в Иркутском юридическом институте (филиале) Академии Генеральной прокуратуры РФ и 56 оперативных сотрудников уголовного розыска по ГУ МВД РФ Иркутской области;

- интервьюирование руководителей бюро судебно-медицинских экспертиз в 30 субъектах РФ; руководителей структур уголовного розыска в 41 субъекте РФ, а также руководителей 8 главных управлений МВД РФ по федеральным округам и руководителей всех управлений МВД РФ на транспорте.

Научные и практико-методические положения, полученные в результате исследования, проведенного одним из

авторов (Р. Г. Ардашев), успешно внедрены в практическую и учебную деятельность различных подразделений ФСИН России, МВД России, ФСБ России, Службы внешней разведки России, ФСО России, ФТС России, МЧС России, Прокуратуры России, Следственного комитета России, Министерства юстиции России, Росгвардии, Министерства обороны России.

Ряд положений, содержащихся в настоящей работе и опубликованных ранее, используется за рубежом в практической и учебной деятельности: МВД Республики Азербайджан, МВД Республики Армения, Следственного комитета Республики Армения, МВД Республики Беларусь, Комитета государственной безопасности Республики Беларусь, Министерства обороны Республики Беларусь, Следственного Комитета Республики Беларусь, Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, Прокуратуры Республики Беларусь, МВД Республики Казахстан, Комитета национальной безопасности Республики Казахстан, МВД Кыргызской Республики, Государственного комитета национальной безопасности Кыргызской Республики, Прокуратуры Кыргызской Республики, МВД Республики Таджикистан, МВД Республики Туркменистан, МВД Республики Узбекистан, МВД Республики Молдова, МВД Монгольской Народной Республики.

Всего за период с 2013 по 2017 г. Р. Г. Ардашевым получено 170 документов о внедрении исследований, включенных в настоящую монографию, из 17 государств, в вузах и правоохранительных органах которых научные публикации названного автора получили широкое использование.

ГЛАВА 1

Проблемы раскрытия и расследования убийств, осложненных суицидом лица, совершившего преступление

1.1 Особенности возбуждения уголовного дела, типовые ситуации и версии

В 2010 г. прокуроры ряда субъектов Российской Федерации изучили 1869 постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел по фактам смерти людей. В результате они пришли к следующему выводу: значительное число убийств остается латентным в связи с тем, что сотрудники правоохранительных органов «недостаточно тщательно проверяют обстоятельства гибели людей, охотно используют в качестве оснований для отказа в возбуждении уголовного дела даже примитивные инсценировки, посредством которых преступники маскируют убийства под несчастные случаи и самоубийства» [101, с. 114]. За девять месяцев 2011 г. прокуроры России выявили более 200 убийств, укрытых от учета¹.

Эти цифры могут быть намного больше, если подсчитать эпизоды преступлений, которые связаны с самоубийством виновных лиц в условиях очевидности. Ежегодно в нашей стране совершаются сотни убийств, сопряженных с последующим суицидом подозреваемых². Точное количество таких деяний установить сложно. Так, по сообщению заместителя начальника Главного информационно-аналитического центра МВД РФ А. Ф. Бушуева, «сбор и обработка сведений о количестве лиц, совершивших убийство и покончивших жизнь самоубийством до направления уголовного дела в суд, в рамках действующих государственных и ведомственных форм стати-

¹ Егоров И. Дел — много // Российская газета. 2012. 12 янв.

² Фалалеев М. Стрелялись // Российская газета. 2012. 12 янв.

стической отчетности не предусмотрены»¹. Также в ответе первого заместителя начальника Управления «И» Аппарата национального антитеррористического комитета указывается, «что регистрация случаев самоподрывов террористов-смертников при попытке их задержания правоохранительными органами не осуществляется»². Отсюда следует, что даже когда убийства с последующим суицидом виновного лица совершаются в условиях очевидности, статистических сведений о таких деяниях нет ни в региональных информационных центрах, ни в ГИАЦ МВД РФ.

Изучение практики правоохранительных органов в России показывает, что далеко не всегда уголовные дела возбуждались в ситуациях посткриминального суицида убийц.

Так, Ш., будучи в состоянии алкогольного опьянения, застрелил из охотничьего ружья трех членов своей семьи, а затем себя. Следователь вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела «...в связи со смертью лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого»³. Другой следователь аналогично отказал в возбуждении уголовного дела в отношении Виктора А., который 30 октября 2012 г. по мотивам ревности убил выстрелом из ружья свою жену, после чего застрелился сам⁴. Житель г. Новокузнецка Алексей Б. 21 ноября 2009 г. вечером по мотивам ревности убил выстрелом из пистолета свою бывшую жену Инну Б., тяжело ранил ее нового супруга, а затем застрелился сам, что фиксировалось видеокамерами наблюдения торгового центра⁵. 30 ноября 2009 г. старшим следователем СО по г. Новокузнецку было вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, в котором говорилось: «В действиях Б. имеется состав преступ-

¹ Письмо № 34/1-А-98 от 3 июля 2012 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

² Письмо № 11/А-68 от 23 сентября 2016 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

³ Материал проверки № 580 // Архив СО по г. Твери СУ СК РФ, 2008.

⁴ Материал проверки № 1417 // Архив СО по г. Якутску СУ СК РФ по Республике Саха (Якутия), 2012.

⁵ Кихаева А. Ревнивый муж устроил кровавую бойню и застрелился... // Комсомольская правда. 2009. 28 нояб.

ления, предусмотренного ст. 105, ст. 30 и ст. 105 УК РФ, так как он совершил убийство Б. и покушение на убийство Д., однако на основании ч. 4 п. 1 ст. 24 УПК РФ уголовное дело не может быть возбуждено в связи со смертью подозреваемого Б.». Прокуратура данное решение не обжаловала¹.

Согласно проведенному нами опросу следователей Следственного Комитета РФ (63 человека), было установлено, что 15 респондентов (почти 24%) считают законным не возбуждать уголовное дело по факту убийства, если правонарушитель покончил с собой на месте преступления или вблизи от него. Такое положение, на наш взгляд, свидетельствует о серьезных проблемах в сфере досудебного следствия.

В подобных случаях факты убийств не отражаются в соответствующих разделах уголовной статистики, поскольку расследований по ним не проводится. Мы солидарны с мнением А. Л. Протопопова, который считает: «Это не что иное, как попытка скрыть тяжкое преступление от учета, или полнейшая профессиональная непригодность сотрудника органа дознания, следователя. Прокурор должен самым принципиальным образом реагировать на подобные факты...» [314, с. 144]. Процессуальный закон однозначно требует, чтобы все случаи выявления убийств, осложненных посткриминальным суицидом правонарушителя, влекли возбуждение уголовного дела и проведение качественного расследования, которое может выявить совершенно иную картину случившегося (например, инсценировку суицида) [473, с. 18–22]. Не исключается и заказной характер такого деяния, когда оплату получает сам будущий суицидент либо иные лица, связанные с ним (родные, знакомые).

Как указывает В. Ф. Енгальчев, смерть, похожая на суицид, в действительности может иметь следующие варианты.

¹ Материал проверки № 431-2937-2009/2101 ск. // Архив следственного отдела по г. Новокузнецку СУ СК РФ по Кемеровской области, 2009.

1. Истинное самоубийство:

- самоубийство по собственному волеизъявлению;
- рациональное (продуманное) самоубийство;
- рациональное аффективное самоубийство;
- рациональное неаффективное самоубийство (по религиозным либо философским основаниям);
- импульсивное аффективное самоубийство;
- самоубийство по неосторожности.

2. Имитация самоубийства:

- имитация самоубийства (косвенное убийство);
- самоубийство под принуждением;
- доведение до самоубийства;
- имитация самоубийства (демонстрация в целях провокации или шантажа).

3. Естественная смерть, имеющая признаки самоубийства по независящим от умершего причинам:

- смерть в результате несчастного случая;
- естественная смерть в результате иных причин (старость, болезнь и пр.).

4. Истинное убийство:

- убийство, замаскированное под самоубийство;
- убийство, имеющее признаки самоубийства по независящим от убийцы причинам [167, с. 616–617].

Приведенная классификация отражает систему выдвижения различных следственных версий по делам, связанным с суицидом, хотя в ней отсутствует еще один вариант: убийство, сопряженное с посткриминальным суицидом правонарушителя.

Многочисленные научные исследования и следственная практика свидетельствуют, что только по двум разновидностям убийств имеет место затягивание сроков возбуждения уголовного дела или необоснованный отказ в его возбуждении: а) убийства, связанные с безвестным исчезновением

граждан [456, с. 4; 277]; б) убийства, сопряженные с последующим быстрым суицидом подозреваемого [67, с. 43–44].

Посткриминальный суицид убийцы, произошедший немедленно после совершения преступления, влечет возбуждение уголовного дела, как правило, в ситуациях большой огласки преступного деяния и статусного положения его фигурантов.

Так было, например, когда работник МВД из г. Самары А. расстрелял свою жену, а затем убил себя¹. Значительный резонанс вызвало дело старшего лейтенанта милиции П., который в нетрезвом состоянии был задержан сотрудниками управления ГИБДД МВД РФ по республике Тыва, отказался ехать на медицинское освидетельствование, из табельного пистолета убил двух работников МВД, а затем застрелился². Очень тщательно расследовалось дело бывшего сотрудника прокуратуры В., который пришел в прокуратуру Ленинского района г. Владивостока, вооруженный пистолетами «ТТ» и «Макаров», и убил заместителя прокурора района и двух помощников прокурора, а затем покончил с собой³.

Важно отметить, что к такой категории уголовных дел, как убийства, сопряженные с быстрым суицидом правонарушителя, некоторые следователи утрачивают интерес и не прилагают достаточно усилий к установлению истины, поскольку, по их мнению, «виновный мертв» [70, с. 236]. Совершенно не берется во внимание, что убийца мог действовать под влиянием подстрекателей, знавших его психологические особенности (вспыльчивость, подозрительность, грубость, ревнивость и т. п.), а также склонность к употреблению алкоголя, который резко активизирует его агрессивные и суицидальные намерения [140]. Поэтому следует согласиться

¹ Уголовное дело № 200962079 // Архив следственного отдела по г. Самаре СУ СК РФ, 2009.

² Уголовное дело № 2-1703/09. Архив следственного управления СК РФ по Республике Тыва, 2009.

³ Сиротина С., Сим С. Убийца прокуроров искал на них компромат? // Комсомольская правда. 2005. 9 фев.

с обоснованным мнением Н. А. Селиванова о том, что «недостаточная квалификация следователя или его перегруженность делами, отсутствие в его распоряжении технических средств не могут служить оправданием незаконного процессуального решения либо применения неоптимальной методической схемы расследования» [335, с. 52].

Процесс расследования преступления представляет собой многообразие различных ситуаций, которые следователь должен адекватно воспринимать, правильно оценивать и грамотно разрешать. Ситуационный подход помогает следователю упростить анализ и мысленную реконструкцию элементов расследуемого события. Кроме того, прикладное значение криминалистической ситуалогии заключается в моделировании и последующей диагностике следственной ситуации для управления ею, в определении оптимальной тактики следственных действий в целях повышения эффективности их проведения, в определении наиболее вероятного исхода ситуаций тактического риска, в диагностике конфликтогенных и предупреждении конфликтных ситуаций [121, с. 18].

Ситуационный подход имеет также методическое значение, так как он позволяет «осуществить научную разработку дифференцированных методических рекомендаций, указывающих на специфические особенности расследования сходных видов преступлений» [122, с. 17].

В криминалистической методике ситуационный подход применяется в целях типизации следственных ситуаций, на основе которых разрабатываются рекомендации по осуществлению расследования преступлений отдельных видов на различных этапах.

Анализ уголовных дел об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, позволил нам выделить следующие типовые следственные и судебные ситуации в зависимости от времени совершения посткриминального суицида.

Ситуация 1

Убийство очевидное, убийца покончил жизнь самоубийством сразу после совершения преступления.

Версии в этой ситуации должны выдвигаться о цели и мотивах убийства; о наличии соучастников (подстрекателей, пособников).

Для проверки этих версий необходимо провести:

- осмотр места происшествия и трупа (трупов);
- судебно-медицинскую экспертизу трупа и вещественных доказательств;
- допрос свидетелей, прежде всего очевидцев;
- обыск у подозреваемого для обнаружения предметов, документов, относящихся к расследуемому убийству;
- осмотр предметов, документов;
- криминалистические экспертизы (дактилоскопическую, судебно-баллистическую, судебно-почерковедческую (если обнаружены предсмертные записки), а также другие судебные экспертизы;
- истребование характеризующего материала на подозреваемого с места его жительства, работы, учебы, а также данных из психоневрологического, наркологического диспансеров; информационных центров МВД (о наличии судимости); ЗАГСа, адресного бюро, УФМС России (в случае отсутствия документов, подтверждающих личность подозреваемого, степень его родства с потерпевшим, заключение брака, место проживания);
- посмертную психолого-психиатрическую экспертизу подозреваемого.

Ситуация 2

Убийство очевидное, убийца скрылся с места преступления, а позднее был обнаружен его труп. Имеется информация, что он покончил жизнь самоубийством.

В этой ситуации необходимо проверить версию о том, связан или не связан суицид преступника с совершенным убий-

ством. Для этого целесообразно провести те же следственные действия и иные мероприятия, что и в первой следственной ситуации.

Ситуация 3

Убийство очевидное, убийца скрылся с места преступления, заявив свидетелям о своем намерении в скором времени совершить суицид. Через некоторое время обнаруживается труп убийцы с признаками суицида.

В этой ситуации должны быть выдвинуты версии о возможных мотивах убийства, а также розыскные версии о местонахождении скрывающегося преступника.

Кроме вышеназванных следственных действий и иных мероприятий органу дознания дается поручение о розыске и задержании скрывшегося подозреваемого.

Ситуация 4

Убийство неочевидное, обнаружено несколько трупов, среди которых имеется труп с признаками, указывающими на самоубийство.

Такие убийства часто совершаются в ходе ссоры между супругами из-за ревности одного из партнеров, в результате конфликта между знакомыми людьми при распитии спиртных напитков и т. п.

Выдвигаются типовые версии о возможных мотивах убийства (убийств), личности убийцы, возможной инсценировке суицида иным лицом.

Для разрешения данной ситуации целесообразно проведения тех же следственных действий и иных мероприятий, что и в первой следственной ситуации.

Инсценировки суицида убийцы происходят нечасто: как правило, одного из потерпевших убивают, создавая картину того, что предыдущее убийство (убийства) совершил он, после чего покончил с собой [267, с. 22–27].

Так, при осмотре дома фермера С. Аметова (Краснодарский край, станица Куцевка) следователи обнаружили 12 трупов детей и взрослых с явными признаками насильственной смерти. Возле руки трупа С. Аметова был найден окровавленный нож, которым, по заключению экспертов, поочередно были убиты взрослые потерпевшие. Создавалась картина, что Аметов задушил детей, зарезал взрослых, а затем убил себя¹.

Ситуация 5

Предполагаемый убийца покончил с собой при задержании.

К следственным действиям, используемым в первой ситуации, добавляется допрос сотрудников правоохранительных органов, проводивших задержание.

Ситуация 6

Предполагаемый убийца был задержан (заключен под стражу) и прибегнул к суициду в ходе предварительного расследования: а) в СИЗО; б) в другом месте (при производстве следственного действия и др.). Возможен парасуицид, когда покушавшийся выживает.

Выдвигаются типовые версии, что суицид (парасуицид) обусловлен (не обусловлен) совершением убийства, в котором лицо подозревается (обвиняется).

В случае суицида подозреваемого (обвиняемого) по делу об убийстве проводятся следственные действия и иные мероприятия, перечисленные для первой типовой ситуации. Если суицид подозреваемого (обвиняемого) произошел в ходе следственного действия, то уголовное дело об убийстве целесообразно передать в производство другому следователю, а следователь, который до этого вел производство по делу, должен быть допрошен в качестве свидетеля.

Для разрешения указанной ситуации необходимо провести:

- допрос подозреваемого (обвиняемого) о мотивах его поступка;

¹ Павловская Т. Куцевка: раскрытые тайны // Российская газета. 2012. 21 сент.

- допрос свидетелей (лиц, которые пресекли суицид и (или) которым подозреваемый (обвиняемый) говорил о своем намерении совершить суицид);
- психолого-психиатрическую экспертизу подозреваемого (обвиняемого);
- судебно-медицинскую экспертизу подозреваемого (обвиняемого).

Лицо, обвиняемое в совершении убийства, может покончить с собой также в ходе судебного следствия или после вынесения обвинительного приговора.

В таком случае выдвигаются типовые версии, что суицид обусловлен (не обусловлен) убийством, в совершении которого обвинялся подсудимый (осужденный).

Первые пять обозначенных следственных ситуаций могут иметь место на первоначальном этапе расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя. Шестая следственная ситуация может возникнуть либо на первоначальном, либо на последующем этапах расследования убийств.

Необходимо отметить, что по делам об убийствах, в которых отсутствует информация о личности подозреваемого, возможны ситуации посткриминального суицида правонарушителя, когда правоохранительные органы не связывают причинно-следственными отношениями нераскрытое убийство и суицид человека, не значащегося в списке лиц, подлежащих оперативной разработке. Здесь мы полностью разделяем мнение Р. С. Белкина: «В большинстве случаев то, что преступление остается нераскрытым, — следствие недостатков в организации и осуществлении расследования...» [493, с. 185]. Поэтому в процессе оперативно-разыскных и следственных мероприятий по делам о нераскрытых убийствах необходимо проверять версию о возможном посткриминальном суициде правонарушителя.

1.2 Тактические аспекты осмотра места происшествия и трупа

Основные положения теории и практики осмотра места происшествия и трупа на месте его обнаружения нашли достаточно подробное освещение в трудах судебных медиков и криминалистов, часть из которых на сегодня устарела. Существуют и более поздние исследования, посвященные осмотру трупа при суициде или криминальной инсценировке фактов самоубийства [113, с. 56–61; 343, с. 35–36].

Полагаем, что сложность следственных осмотров по многим делам об убийствах, сопряженных с поскриминальным суицидом правонарушителя, является неоспоримой, однако в научной литературе этот вопрос недостаточно разработан.

В данном контексте уместно вспомнить изречение известного английского судебного медика Альфреда Тейлора: «Нет таких ран, наносимых самоубийцей самому себе, каковые не могли быть нанесены рукой убийцы, но есть целый ряд ран, наносимых убийцей, которые не могут быть нанесены рукой самоубийцы»¹. Так, в ходе проведения прокурорской проверки в одном из учреждений ФСИН (2010) было выявлено 10% отказных материалов (из общего их числа) по факту обнаружения трупа, обоснованность которых вызвала сомнения. Например, телесные повреждения на трупе одного «суицидента», по заключению судебного медика, определялись как «колотые раны в лопаточной и подлопаточной области слева», но вопрос о возможности причинения самому себе этих смертельных повреждений в ходе проведения доследственной проверки не ставился [101, с. 109].

В свое время Г. Р. Гольст и Г. Н. Мудьюгин верно отметили, что «исходя из обстановки места преступления, следователь должен уметь представить себе происшедшие там события и

¹ Гамбург А. М. Судебно-медицинская экспертиза обвиняемого. Киев, 1948. С. 89.

поведение преступника» [145, с. 91]. Именно такое мысленное моделирование событий позволяет следователю правильно определить картину происшедшего [425; 455], что требует от него хорошей профессиональной подготовки и привлечения помощи соответствующих специалистов.

В свете вышесказанного важной задачей, решаемой следователем в ходе осмотра места происшествия и трупа по делам об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, является выдвижение и проверка следственных версий. При проведении такого осмотра следователь всегда исходит не только из установленных фактов и обстоятельств происшествия, но также из обоснованных предположений о сущности расследуемого события. Версии могут выдвигаться как до осмотра, так и в ходе его на основании материалов дела и информации, получаемой при опросах очевидцев, живых потерпевших, а также при исследовании объектов на месте происшествия.

Важно помнить и о возможности инсценировки суицида убийцы.

Например, студент П., совершивший убийство малолетней девочки, рассказал о содеянном своей матери. Последняя заставила сына написать предсмертную записку, напоила его водкой и вскрыла ему вены, отчего студент умер от острой кровопотери. Следователь при осмотре квартиры, где находился труп П., обнаружил записку с признанием вины в убийстве девочки, после чего прекратил уголовное дело в связи со смертью лица, совершившего убийство. Истинные обстоятельства смерти П. были выявлены гораздо позже [313, с. 48–49].

Число подобных инсценировок суицида не фиксируется в официальной уголовной статистике ни в России, ни за рубежом. Так, западногерманский криминалист Гентерих отмечал, что в Федеративной Республике Германия «каждый

третий случай, признанный самоубийством, на самом деле является убийством» [310, с. 376], но эта пропорция представляется нам явно преувеличенной, так как отсутствуют доказательства, ее подтверждающие.

Характер последствий, которые находят выражение в следах (следовой картине), определяется различными факторами: способом, орудием, механизмом преступных действий, обстановкой, в которой они совершались, индивидуальными данными личности субъекта преступления и жертвы и т. п. По делам об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, могут иметь место несовпадение места обнаружения трупа (трупов) потерпевших с местом совершения убийства, значительный промежуток времени между совершением преступления и обнаружением трупов жертвы и убийцы, внесение изменений в обстановку места происшествия третьими лицами (нашедшими следы преступления и совершившими хищение каких-либо ценных предметов, оружия с места происшествия) и др. Эти факторы обуславливают особую сложность расследования данной категории преступлений.

Мы разделяем мнение В. В. Яровенко о том, что место происшествия содержит информацию о субъективной стороне убийства, и поэтому в самом начале проведения осмотра следователь должен ставить перед собой цель получения сведений о направленности действий обвиняемого, их однократности или многократности, причине наступления желаемого результата, конкретной обстановке, поведении потерпевшего, поводе совершения убийства, навыках обвиняемого [490, с. 7–8]. Все это необходимо учитывать и в ситуации посткриминального суицида убийцы.

Иногда при осмотре места происшествия не удается сразу выявить признаки инсценировки суицида, что требует проведения следственного эксперимента с участием специалиста.

Так, при проверке версии, что потерпевший не прибегал к самоубийству, а был задушен и подвешен к перекладине в сарае, проведены опытные действия с участием специалиста в области трасологии. В результате эксперимента было установлено, что только при поднятии имитирующего труп груза путем натягивания свободного конца веревки, перекинутой через перекладину сарая, возникают признаки, обнаруженные ранее при осмотре места происшествия (волокна на перекладине были направлены по ходу движения веревки, а волокна на свободном конце веревки — в противоположную сторону). Выявление данных признаков, засвидетельствованное специалистом, позволило сделать вывод, что потерпевшего вначале задушили, а затем его тело было подвешено к перекладине, что подтвердилось при дальнейшем расследовании [336, с. 7–8].

Судебно-медицинский эксперт, принимающий участие в осмотре трупа (трупов) на месте происшествия, может предоставить следователю сведения о:

- вероятной причине смерти и приблизительном времени ее наступления [193, с. 164–170; 201, с. 49–50];
- наличии и особенностях повреждений на трупе (трупях);
- вероятном орудии (орудиях), которым причинены повреждения;
- соответствии места обнаружения трупа (трупов) месту совершения преступления;
- признаках, указывающих на возможное положение потерпевшего (потерпевших) в момент получения ранений и возможное перемещение потерпевшего после полученных повреждений;
- признаках, характеризующих изменение первоначальной позы и местоположения трупа (трупов)¹.

¹ Подобное имеет место при попытках оказания медицинской помощи умирающему, а также при любом ином вмешательстве посторонних лиц, обнаруживших место совершения преступления и посткриминального суицида. — *Примеч. Р. Г. Ардашева.*

Каждый из названных параметров может быть очень важен. Так, «лишь имея достоверные данные, свидетельствующие о времени нанесения телесных повреждений, о продолжительности и последовательности их нанесения, о длительности существования человека после нанесенных ему повреждений и тому подобных обстоятельствах, можно воссоздать картину происшедшего, выдвинуть обоснованные версии и приступить к целенаправленному расследованию» [463, с. 8].

Нами было опрошено 63 следователя СК РФ по специально разработанной анкете. Из них 27 человек (43%) признали, что проводили осмотры места происшествия по фактам суицида убийц. Одновременно респондентам задавался вопрос «Какие признаки инсценировки суицида вы можете назвать:

- а) при нахождении трупа в петле (самоповешение);
- б) при наличии колото-резаных повреждений на трупе;
- в) при обнаружении трупа с огнестрельным повреждением и огнестрельного оружия рядом?».

Из 63 человек только 5 (8%) дали удовлетворительный ответ на вариант вопроса «а»; на вариант «б» удовлетворительно ответило 7 человек (11%); на «в» достаточно полно ответило 47 человек (74,6%). Объясняется это тем, что респонденты достаточно хорошо помнили из вузовского курса судебной медицины признаки близкого выстрела, произведенного собственноручно. Итоги опроса свидетельствуют о том, что следователи испытывают существенные затруднения при осмотре трупа на месте происшествия в ситуации определения признаков инсценировки суицида¹.

¹При оценке ответов следователей использовались следующие источники: Мудьюгин Г. Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками. М., 1973. С. 68–103; Сапожников Ю. С. Криминалистика в судебной медицине. Киев, 1970. С. 71–222; Концевич И. А. Судебно-медицинская диагностика странгуляций. Киев, 1968; Татаренко В. А. Статистико-вероятный метод определения степени достоверности экспертных выводов // Судебно-медицинская экспертиза. 1990. № 2. С. 47–48; Ципковский В. И. Осмотр места происшествия и трупа на месте его обнаружения. Киев, 1960. С. 107–132; 161–197; 235–251; Осмотр трупа на месте его обнаружения: практическое руководство / под ред. А. А. Матышева. СПб., 1997. С. 97–112; 118–138. — *Примеч. Р. Г. Ардашева.*

Правильное определение границ осмотра возможно лишь при условии, что следователь выдвигает все обоснованные предположения о расположении следов преступника на месте происшествия. В ситуации посткриминального суицида убийцы это затруднительно, если преступление было совершено без очевидцев. Труп правонарушителя может находиться на весьма значительном расстоянии от трупа потерпевшего, даже если между актами убийства и суицида убийцы прошло всего несколько минут. В таких случаях, естественно, проводится осмотр двух мест происшествия, а причинно-следственная связь между данными событиями устанавливается оперативным и следственным путем.

Определяя границы осмотра места происшествия по делам названной категории, следователь должен учитывать конкретные особенности события, в частности, где находились и какие действия совершали преступник и потерпевший. Если к моменту осмотра недостаточно информации о расследуемом событии, что не позволяет установить точно все места, где могут находиться следы преступления, то на основании сведений о происшествии, общего обзора места происшествия следователь выдвигает версии, исходя из которых определяет подлежащую обследованию территорию.

А. Ф. Лубин рекомендует следователям перед проведением осмотра места происшествия сначала локализовать объект исследования — место происшествия в целом (изолировать материальную обстановку в пространстве, создать организационные предпосылки для системно-структурного анализа). Для этого необходимо использовать: а) сведения от работников МВД; б) сообщения свидетелей, потерпевших, иных лиц; в) результаты ориентирования, осуществляемого в результате беглого осмотра. Только после этого, по мнению А. Ф. Лубина, следователь может решать другие задачи осмотра: дифференцировать локализованную систему на отдельные позна-

вательные ситуации, чтобы установить последовательность их решения; интегрировать познанные и проблемные ситуации на уровень отдельных следов и их комплексов («узлов»), чтобы понять общий (по времени и пространству) механизм слеодообразования, последовательность действий участников расследуемого события [454, с. 11–12].

С перечисленными выше рекомендациями нельзя согласиться, поскольку границы следственного осмотра места происшествия не могут быть жестко определены до начала осмотра. Следователь, не обладая достаточными сведениями о характере происшедшего события (в нашем случае — убийстве, сопряженном с посткриминальным суицидом правонарушителя), не может принять качественное решение по определению границ осмотра лишь на основании «беглого осмотра». Как верно отмечал В. И. Попов, обзор — «это общая ориентировка в обстановке места происшествия с одновременным продумыванием плана действий» [303, с. 25]. Реальная возможность корректировки границ осмотра появляется лишь на заключительном этапе этого следственного действия, когда завершается работа по выявлению всех значимых в криминалистическом отношении следов, их комплексов и связей между ними. В противном случае работа следователя, не опирающегося при осмотре места происшествия на надежную методологическую базу, будет сведена к хаотическому сопоставлению групп разрозненных сведений и столь же непродуктивным попыткам выявления связей между ними, т. е. к использованию метода проб и ошибок.

Действия убийцы, совершенные в определенном пространстве и с использованием определенных предметов, оставляют всевозможные следы. Между конкретными действиями и соответствующими следами имеется прямая причинная связь [394, с. 138]. Предположения следователя о том, где и какие следы могут быть оставлены при совершении убийства, сопряжен-

ного с суицидом преступника, — рабочие версии. Их не отражают в письменном плане расследования и проверяют непосредственно при осмотре места происшествия, где могут быть найдены данные, подтверждающие правильность предположения следователя о характере и местонахождении следов преступления, или доказательства, опровергающие выдвинутую версию.

Обычно при осмотре места происшествия по указанной категории дел следователь получает от оперативных работников МВД РФ сведения о происшедшем событии, которые могут подтверждать ранее выдвинутые версии и служить основанием для построения новых, их проверка порой требует осмотра дополнительной территории. При этом нельзя ограничиваться исследованием только фактов, очевидно связанных с происшествием, поскольку может быть утеряна часть следов преступления, причинная связь которых с расследуемым событием еще не выяснена. Поэтому в процессе осмотра важно определить, могут ли установленные обстоятельства и обнаруженные предметы относиться к расследуемому событию. Так, до настоящего времени актуально наблюдение В. Кравцева: «Вместо того чтобы для поиска преступника активно разворачивать работу, извлекать максимум информации из обнаруженных следов преступления и вещественных доказательств, следователи подчас занимают выжидательную позицию, рассчитывая на установление подозреваемого оперативным путем и признание им своей вины»¹.

Г. И. Пичкалева справедливо указывает, что следователь при осмотре места происшествия по делу об убийстве должен незамедлительно передать работникам уголовного розыска сведения о личности потерпевшего, характере телесных повреждений, предположительные данные (в том числе судебно-медицинского эксперта) о времени наступления смерти, име-

¹ Кравцев В. Умышленные убийства: состояние тревожное // Социальная законность. 1990. № 11. С. 5.

ющихся на месте происшествия следах, орудиях преступления и иных вещественных доказательствах, чтобы проверка информации началась еще до окончания осмотра. Основным недостатком в налаживании взаимоотношений между следователем и сотрудниками органа дознания чаще всего является субъективность оценки этими участниками осмотра материальных объектов, следов, обнаруженных на месте происшествия [299]. Сказанное в полной мере относится и к ситуации посткриминального суицида убийцы на месте совершения им преступления.

Ни один тактический прием осмотра места происшествия законом не предусмотрен, все они разработаны в рамках криминалистических рекомендаций при изучении и обобщении следственной и судебной практики. Их называют методами [286], способами [285] или примерной последовательностью осмотра [508], но все они по сути своей тактические приемы, под которыми надлежит понимать наиболее целесообразный, эффективный порядок производства осмотра места происшествия исходя из конкретных обстоятельств [166].

В криминалистической литературе, посвященной методике расследования убийств и доведения до самоубийства, имеются рекомендации по поиску следов на месте происшествия, но эти источники не могут предусмотреть всего многообразия расследуемых событий. Поэтому следователь при осмотре места происшествия обязан учитывать не только научные рекомендации, но и собственные обоснованные предположения о характере и месте нахождения следов преступления [153, с. 47–60].

О типичных недостатках протоколов осмотра места происшествия пишет ряд авторов. Исследование следственной и судебной практики, в том числе опубликованной, по делам об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителей, позволило выявить различное отно-

шение следователей к качеству осмотра места происшествия, что нашло отражение в протоколе. В ситуациях, когда убийство очевидное, убийца покончил жизнь самоубийством сразу после совершения преступления, протоколы осмотров зачастую составлены лаконично, кратко (следователям «все ясно»). Обширность текстов протоколов осмотра с привлечением к их составлению специалистов имеет место в случаях «резонансных» уголовных дел (убийство чиновника на его рабочем месте с последующим суицидом правонарушителя, убийство нескольких человек, подозреваемым является сотрудник правоохранительных органов).

В ситуации неочевидного убийства, когда обнаружено несколько трупов с признаками насильственной смерти, среди которых имеется труп с признаками, указывающими на самоубийство, протоколы осмотра места происшествия, как правило, составляются достаточно подробно.

Как справедливо отмечает В. Саньков, недостатки первоначальных осмотров места происшествия существенно затрудняют выдвижение правильных версий, в результате чего некоторые умышленные убийства остаются нераскрытыми, а в случае установления личности преступника затрудняют доказывание его вины [327, с. 17]. Именно такие недостатки имел в виду М. П. Шаламов, когда рекомендовал специально изучать на материалах конкретных уголовных дел об убийствах особенности версий, инсценированных на месте убийства, «и на основе этого тщательно разработать систему признаков, указывающих на ложность выдвинутых версий, инсценированность обстановки места происшествия и т. д.» [395, с. 83].

В. С. Бурданова, посвятившая ряд специальных работ таким криминальным инсценировкам, пишет: «Следует прийти к выводу, что всегда должны исследоваться по крайней мере две противоположные версии: убийство и самоубийство, убийство и несчастный случай, умышленное и неосторожное

убийство и т. д.» [108, с. 88–89]. По обоснованному мнению В. С. Бурдановой, «...когда следователь или эксперт работают с установкой "это самоубийство", они могут не заметить следов убийства. Именно на это нередко рассчитывает преступник. Он создает обстановку убийства таким образом, чтобы в глаза бросались следы, типичные для самоубийства или несчастного случая, а следы убийства могли быть обнаружены только при целенаправленном поиске. Нужно умение следователя преодолеть этот своеобразный психологический барьер и заставить себя проверить противоположную версию так же тщательно, как и основную» [109, с. 72–73]. В. Антипов отмечает: «Для сокрытия убийства преступник иногда инсценирует самоубийство жертвы. Поэтому, если при осмотре места происшествия будут обнаружены следы другого человека, то, сопоставляя эти данные с типичным для подобной ситуации предположением о способе сокрытия преступления, следователь должен выдвинуть и проверить вторую версию — об убийстве»¹.

Как известно, версии о криминальной инсценировке суицида проверяются в ходе проведения осмотра трупа и места происшествия, а также при анализе заключений судебных экспертиз (в основном криминалистических и судебно-медицинских). Количество ежегодных разоблачений таких инсценировок по России неизвестно, т. к. не предусмотрено существующей статистической отчетностью. Существуют разноречивые сведения о распространенности криминальных инсценировок гибели людей в России.

С. Ю. Рывкин «выборочно изучил 296 архивных уголовных дел, по которым проводились следственные действия в 1974–2004 гг. органами военной юстиции» [473, с. 6]. Он утверждает, что установил «...признаки инсценировки самоповешения при изучении 45,8% уголовных дел об убийствах»; признаки инсценировки утопления — в 8,3% случаев; признаки инсцени-

¹ Антипов В. Значение типичных версий при расследовании преступлений // Социалистическая законность. 1977. № 3. С. 61.

ровки самоубийства, совершенного с использованием острого предмета — в 10,7% преступлений данной категории; инсценировку самоубийства, совершенного путем выстрела из огнестрельного оружия — в 35,2% случаев. При этом отсутствует конкретное число убийств, замаскированных этими инсценировками, поскольку в диссертации, как и в ее названии, речь идет в основном не о расследовании инсценировок убийств, а об убийствах, совершенных военнослужащими. Все это вызывает обоснованное сомнение в объективности приведенных данных.

Л. Н. Богданова, изучавшая проблему латентных убийств в Российской Федерации, провела опрос «экспертов», в качестве которых выступили сотрудники «безымянных правоохранительных органов», судебно-медицинские эксперты, родственники потерпевших и даже сами обвиняемые по ст. 105 УК РФ¹. Она пишет: «По вопросу убийств, замаскированных под самоубийство, опрашиваемые лица считают, что доля убийств в самоубийствах может составлять 0,8% в связи с тем, что российские преступники в настоящее время «не доросли» в своей общей массе до такой изобретательности, как имитация самоубийства... По данным опроса, цифра скрытых убийств, завуалированных под самоубийство, может составлять 287 случаев»².

Такая разнородность опрошенных «экспертов» просто не позволяет считать их мнение близким к достоверности с учетом «низкой квалификации следственных кадров» [361, с. 125]. При осмотре места происшествия в ситуациях, когда кроме трупа потерпевшего (потерпевших) имеется и тело убийцы, прибегнувшего к суициду, у следователя и оперативных работников возникают следующие трудности:

а) зачастую отсутствуют очевидцы случившегося;

¹ Богданова Л. Н. Снижение уровня убийств: реальные тенденции или укрытие? // Уголовное право. 2010. № 4. С. 118–119.

² Там же. С. 119.

б) необходимо обнаружить на месте происшествия одновременно доказательства как убийства, так и суицида виновного лица.

В подобных случаях, по нашему мнению, при осмотре необходимо выявить:

а) доказательства, устанавливающие личность потерпевшего (потерпевших) и убийцы;

б) доказательства, свидетельствующие о мотиве преступления и посткриминального суицида.

Здесь, как указывает П. Гросс, «...синтез отдельных доказательств и исчерпывающее выяснение личных взаимоотношений потерпевшего должны дать ответ на вопрос о том, имеем ли мы дело с преступлением, вытекающим из отношений. Если на этот вопрос мы ответим утвердительно, то шансы раскрытия преступления резко возрастают» [150, с. 148]. Такое наблюдение особенно важно, когда посткриминальный суицид совершается не на месте нахождения трупов потерпевших [51, с. 78].

При проведении осмотра места происшествия в случаях, когда предполагается убийство с посткриминальным суицидом убийцы, необходимо искать доказательственную информацию по следующим вопросам (их перечень является примерным и может меняться в зависимости от каждого конкретного случая):

1. Что делали на месте происшествия убийца и потерпевший? (Нередко ответ на этот вопрос дают следы совместного употребления спиртных напитков, супружеской ссоры и т. п.).

2. Каким было точное местоположение лиц, трупы которых обнаружены, перед наступлением смерти?

3. Кому из лиц, трупы которых обнаружены на месте происшествия, первому были причинены смертельные повреждения и что являлось орудием причинения данных повреждений?

4. Не оказывал ли убийца какую-либо помощь травмированному потерпевшему?

5. Не предпринимал ли убийца попыток скрыть совершенное преступление (спрятать тело потерпевшего, уничтожить его и т. п.)?

6. В каком месте убийца прибегнул к суициду, каким способом, в каком положении и с помощью какого орудия?

7. Не могли ли убийство потерпевшего (потерпевших) и суицид убийцы быть совершены с помощью одного и того же орудия (способа)?

8. Каков примерный промежуток времени между актами убийства и суицида (по результатам судебно-медицинской экспертизы)?

9. Кто мог слышать или наблюдать события на месте происшествия?

10. Мог ли кто-либо еще находиться на месте происшествия, где совершить убийство двух или более человек, инсценировав убийство с посткриминальным суицидом либо суицид нескольких человек?

11. Имеются ли признаки инсценировки убийства, суицида и какие именно?

Для успешного осмотра места происшествия необходимо проведение фотосъемки (а по возможности и видеосъемки), поскольку в протоколе невозможно отразить достаточно наглядно все особенности наблюдаемой картины случившегося криминального события. С той же целью требуется составление плана места происшествия, на котором надлежит запечатлеть позы и положение трупов, следов крови, орудий убийства и суицида и т. д.

Нередко подобные преступления совершаются в жилом помещении, причем преступник запирает дверь изнутри, после чего совершает убийство и посткриминальный суицид. Осмотр в таких случаях начинается со входа в помещение,

где находятся трупы. Для исключения возможной инсценировки важно установить факт того, что двери и окна закрыты изнутри, это позволяет сделать вывод об отсутствии постороннего влияния на изучаемую обстановку. С той же целью необходимо провести первичный опрос лица, которое первым обнаружило событие преступления, поскольку сведения об изменениях в обстановке места происшествия, сделанных до прибытия следователя, будут способствовать правильной оценке события и определению дальнейшего направления расследования.

Важно установить, что делал убийца в период между совершением преступления и суицидом. Это можно определить по следам обстановки места происшествия, иногда об этом, а также о мотиве убийства и суицида, говорят оставленные предсмертные письма и другие записи [207, с. 2–4]. «Один из основных вопросов, возникающих при чтении предсмертных записок суицидентов, это вопрос о том, зачем их пишут» [19]. Такие документы позволяют: а) установить обстоятельства, входящие в предмет доказывания по совершенному убийству (убийствам); б) раскрыть преступление в ситуации, когда виновное лицо уже прибегло к суициду и не может быть привлечено к уголовной ответственности; в) определить мотив посткриминального самоубийства и др.

Так, 24 августа 2010 г. в г. Нижнем Тагиле Свердловской области одинокий инвалид Р., придя в отделение фонда социального страхования, застрелил двух работников фонда, а затем покончил с собой, оставив заранее приготовленное письмо, в котором высказывал претензии по поводу отказа ему в дополнительных выплатах¹.

Иногда предсмертные письма убийц можно обнаружить не на месте преступления.

¹ Добрынина С. Беспредел вместо перерасчета // Российская газета. 2010. 24 авг.

Например, в здании столовой г. Асино Томской области был обнаружен труп работавшей там С., имевший множественные колото-резаные повреждения. В квартире потерпевшей нашли труп ее мужа О., повесившегося на веревке, а также его письмо, в котором он объяснял совершенное убийство супруги ее «неверностью»¹.

Иногда убийца перед тем как прибегнуть к суициду ставит в известность о совершенных преступлениях правоохранительные органы не только с помощью писем, но и другими способами.

Например, В. Гуськов (он же Владимирас Стуйна) после разрыва отношений с женой написал заявление на имя прокурора Литовской республики (1999) о том, что он совершил ранее с соучастниками убийства 9 человек на территории Литвы и России. Затем Гуськов-Стуйна позвонил в полицию г. Вильнюса, сообщив с помощью диктофонной записи о своих преступлениях, после чего убил малолетнего сына и сам повесился в личном гараже. При осмотре места происшествия обнаружили предсмертное письмо в прокуратуру. Проверка этого документа подтвердила информацию об убийстве Гуськовым-Стуйной в группе девяти потерпевших по корыстным мотивам, что позволило выявить и осудить сообщников этого самоубийцы в России и Литве².

Имеется немало примеров, когда заключенные под стражу убийцы прибегают к суициду, оставляя предсмертные записки (дело об убийстве 12 человек в станице Куцевской Краснодарского края)³. Здесь ценность для следователей представляет информация, которая была ранее неизвестна правоохранительным органам, но при проверке объективно подтверждается. По наблюдениям психологов, записки по-

¹ Уголовное дело № 2007/887. Архив Асиновского межрайонного следственного отдела по Томской области, 2007.

² Уголовное дело № 2-19/2001 // Архив Нижегородского областного суда, 2001; Уголовное дело № 1-24/2001 // Архив Вильнюсского окружного суда, 2001.

³ Павловская Т. Наказал сам себя // Российская газета. 2011. 1 июля.

жилых суицидентов часто выражают сожаление о прошлом, в то время как молодых людей указывают на гнев или желание отомстить¹.

Довольно часто орудие убийства выступает и орудием самоубийства, поэтому оно находится рядом с трупом убийцы, прибегнувшим к суициду (огнестрельное и колюще-режущее орудие). Именно соотносительное расположение трупов и орудия причинения смерти на месте происшествия позволяет следователю предположительно определить, кто является потерпевшим (потерпевшими), а кто — убийцей. Тесное переплетение вопросов, разнородных по своей природе, которые приходится решать следователю при проведении осмотра, требует кооперации знаний, почерпнутых не только из области криминалистической тактики и методики расследования убийств, но также из судебной медицины и судебной баллистики. При использовании для убийства и последующего суицида огнестрельного оружия большое значение играет определение места, откуда был произведен выстрел, и направления выстрелов, на что указывают места обнаружения стреляных гильз, пуль и иных следов действий огнестрельного оружия.

Как правило, убийцей, совершившим суицид на месте преступления, является то лицо, на трупе которого имеются признаки выстрела в упор, а рядом с ним обнаружено огнестрельное оружие. Немаловажное значение имеет установление возможности нанесения таким лицом самому себе смертельного огнестрельного ранения в определенную область тела. Осмотр также может дать ответ и на вопрос о том, одним ли огнестрельным оружием были совершены убийства (убийство) и суицид. По нашему мнению, качественному осмотру

¹ Современная медицинская энциклопедия / под общ. ред. Г. Б. Федосеева. СПб., 2002. С. 336–337.

в указанных ситуациях может способствовать использование следователями блок-схемы «Структура криминалистической реконструкции убийства, совершенного из огнестрельного оружия (аспекты элементов, связей, цельности)», которая включает в себя десять структурных элементов: 1) блок информации о субъектах; 2) времени; 3) месте; 4) оружии; 5) характеристике огнестрельного снаряда; 6) количестве и технической характеристике выстрелов; 7) действиях участников расследуемого события; 8) дистанции выстрела; 9) траектории огнестрельного снаряда; 10) наступивших последствиях [313, с. 72–99].

Расположение, форма и размер следов крови на трупe, его одежде и окружающих предметах позволяют определить расположение потерпевшего во время причинения повреждений, последовательность их нанесения, определить факт перемещения тела после нанесения повреждений и т. п., «что также помогает определить, собственной или посторонней рукой причинены повреждения, обнаруженные при осмотре трупа»¹. Иногда такие особенности следов крови позволяют выявить инсценировку суицида, что имело место по делу К., который убил свою малолетнюю сестру, а потом застрелил родителей, создав видимость акта двойного самоубийства [312, с. 160–162].

1.3 Особенности допросов при расследовании убийств, сопряженных с суицидом лица, совершившего преступление

В диссертационных работах, посвященных расследованию различных видов убийств, далеко не всегда уделяется достаточно внимания особенностям одного из самых распространенных следственных действий — допроса.

¹ Матышев А. А. Определение возможности причинения повреждений собственной рукой // Осмотр места происшествия и трупа. СПб., 2011. С. 391.

И. В. Тимонина к специфике допроса относит «характер убийства и механизм совершения преступления, особенности психологии преступников» [479, с. 20]. С учетом условий содержания в местах лишения свободы и прохождения военной службы изложены особенности допроса осужденных и военнослужащих в исследованиях Б. Л. Прокопенко [471, с. 20–21] и С. Ю. Рывкина [473, с. 27–18, 25]. Однако не получила развития и конкретизации тема особенностей допросов при расследовании убийств, сопряженных с суицидом виновных лиц, единичные публикации по которой встречаются в специальной литературе по уголовному процессу, криминалистике и в старых изданиях судебных медиков.

К первой особенности таких допросов можно отнести их оперативность, поскольку во многих случаях речь идет о необходимости получения важнейшей доказательственной информации от лиц тяжелораненых и даже умирающих. Авторы научно-методического пособия советуют: «Учитывая значимость показаний жертвы, ее допрос откладывать нецелесообразно. По возможности сразу же после поступления сообщения о происшествии необходимо провести краткий допрос или, по крайней мере, опрос жертвы» [319, с. 307]. В цитированной работе «жертвой» именуется потерпевший, но в нашем исследовании речь идет о любом тяжелораненом участнике криминальных событий. Н. А. Селиванов рекомендует список вопросов, которые нужно задавать тяжелораненому, но не упоминает об организационной стороне такого мероприятия [162, с. 354–355]. Ф. А. Терещук пишет о поручении этого следователем органу дознания, который, в свою очередь, должен обязать медицинский персонал задать пришедшему в сознание раненому пациенту ряд необходимых вопросов [478, с. 17].

Такая рекомендация на практике имеет низкую эффективность, поскольку не входит в круг обязанностей медиков.

Поэтому следователю необходимо незамедлительно организовать получение нужной информации от травмированного лица с привлечением к данному процессу сотрудников лечебных учреждений в качестве специалистов, о чем мы уже писали [55, с. 76–77]. В России нет специальных документальных указаний на условия производства допроса (опроса) пострадавшего в случае оказания ему первой медицинской или специализированной помощи, включая реанимационные мероприятия [7]. В настоящее время в нашей стране отсутствуют нормативно-правовые акты, определяющие клинические критерии допуска представителей правоохранительных органов к травмированному лицу для проведения оперативных и следственных действий.

О доказательственном значении показаний умирающих лиц сообщали еще дореволюционные авторы. Так, Н. А. Терновский отмечал: «Заявление, данное лицом перед смертью, если оно сознавало наступающую смерть, дает возможность предполагать, что это заявление не лживо, хотя и умирающий может дать ложное показание невольно, по заблуждению... Есть однако много примеров, где больные расстаются с жизнью в здравом уме и твердой памяти»¹. Так может быть в случаях, когда показания дает травмированная жертва покушения на убийство, или лицо, совершившее парасуицид.

Согласимся с авторами, указывающими на важность изучения медицинских характеристик обвиняемых следователем, что позволяет ему «успешно раскрывать тяжкие преступления, совершенные в условиях неочевидности» [203, с. 20]. Здесь в полной мере можно рассматривать в качестве больных лиц, совершивших покушение на самоубийство, но оставшихся в живых².

¹ Терновский Н. А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей Председательствующего по уголовным делам. Тула, 1901. С. 92–93.

² Щерба С. Психологические особенности допроса раненых и больных потерпевших // Социалистическая законность. 1978. № 10. С. 55.

Медицинская психология определяет больного как страдающего человека с расстройством биосоциальной адаптации и ощущением зависимости от болезни [85, с. 12]. Система «болезнь — больной» имеет различные аспекты. С психологической точки зрения важнейшим вопросом здесь выступает следующий: как формируется отношение больного к своему заболеванию (травме, последствиям хирургической операции)? Врач должен учитывать не только личностные особенности больного и клинику его заболевания, но и ситуации, порожденные болезнью¹.

Для определения типа реагирования на болезнь врач выясняет наиболее значимые для больного психологические стороны заболевания и его последствий. Само выделение больным наиболее значимых компонентов может отразить его личностные особенности, характер оценки значимых для больного факторов, тип его отношения к болезни. Зная это, врач получает возможность определить тип личностного реагирования пациента на болезнь. При этом нередко между больным и врачом возникают теплые, доверительные отношения². В связи с этим «Инструкция по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» обязывает медицинские подразделения учреждений УИС осуществлять меры медицинского характера по предотвращению противоправного поведения и суицидальных попыток подозреваемых, обвиняемых и осужденных³.

Все это необходимо учитывать и следователю в случаях, когда задержанный или арестованный убийца пытался покончить с собой, после чего ему была оказана медицинская

¹ Блохин Н. Н. Деонтология в онкологии. М., 1971. С. 17–21; Галачьян А. Г. О некоторых основах целостного понимания больного. М., 1954. С. 14, 36.

² Бассин Ф. В. Значение переживания и проблема собственно психологической закономерности // Вопросы психологии. 1972. № 3. С. 105–124; Шевелев Е. А. О переживании болезни // Советская психоневрология. 1936. № 4. С. 19–34.

³ Инструкция утверждена приказом Министра юстиции РФ № 72 от 20 мая 2013 г. См. Российская газета. 2013. 5 июня.

помощь в условиях ИВС или следственного изолятора. Известно, что психологическое состояние таких хирургических больных существенно отличается от такового, например, больных терапевтического профиля¹. От способности врача выстроить максимально доверительные отношения с больным, полноценно собрать анамнез и провести обследование нередко зависит успех лечения. Но и следователь также должен стремиться расположить обвиняемого к себе, чтобы получить от него подробные объективные показания, способствующие дальнейшему успеху расследования.

Обвиняемый, проходящий лечение в условиях лишения свободы, понимает, что его откровенность с врачом по самым острым вопросам не грозит в правовом смысле его будущему, чего нельзя сказать об откровенности со следователем. Однако ситуация лишения свободы в совокупности с обострившимся течением хронического недуга приводит многих, молчавших ранее обвиняемых, к деятельному раскаянию. Особенно ярко это проявляется при показаниях к серьезным хирургическим операциям [203, с. 21], что бывает в случаях парасуицида убийц. Однако на этапе получения признания вины от таких лиц многие следователи допускают распространенную ошибку — они ненадлежаще фиксируют информацию, не детализируют вопросы по всему предмету доказывания, не выявляют виновную осведомленность арестованного. В результате через некоторое время обвиняемый, оправившийся от последствий покушения на суицид, обретает иное психологическое состояние, его духовный и физический кризис проходит, и он отказывается от признательных показаний, которые должным образом не были закреплены. В подобных случаях следователю необходимо использовать раскаяние арестованного убийцы, проходящего лечение последствий покушения

¹ Губачев Ю. М. Психосоматические соотношения при ишемической болезни сердца и некоторых нервно-психических заболеваниях: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. Л., 1973. С. 18–23; Руфанов И. Г., Ремезова А. С. Значение психологического фактора в клинике хирургических заболеваний // Врачебное дело. 1947. № 8. С. 671–680.

на посткриминальный суицид, чтобы получить полные, подробные показания, позволяющие затем проверить и закрепить изобличающую правонарушителя информацию, которые не зависят от изменения линии поведения обвиняемого. Для этого следователь должен обладать соответствующей профессиональной подготовкой. К сожалению, представители СИЗО, по авторитетному мнению Ю. М. Антоняна, «...совершенно не подготовлены к тому, чтобы проникнуть в душу заключенных, в ее сокровенные глубины и интимные переживания, вызвать исповедь и покаяние, а тем самым и очищение»¹.

При расследовании фактов умерщвления людей субъектами, находящимися в так называемых «исключительных состояниях» (патологическое просоночное состояние, сумеречное расстройство сознания, патологический аффект, патологическое опьянение) [296, с. 43–46], следователь на начальном этапе работы по делу, не обладая специальными психиатрическими знаниями, не может самостоятельно диагностировать психологическую патологию, с наличием которой уголовное или уголовно-процессуальное законодательство связывает наступление правовых последствий. В то же время при получении информации о необычном поведении лица в момент совершения им противоправных действий большое значение имеет первый допрос подозреваемого, «который следует провести как можно раньше, "по свежим следам", пока не утрачены воспоминания об обстоятельствах случившегося и не выработана защитная линия поведения. Если подозреваемый уснул после совершения противоправных действий, надо допросить его сразу после пробуждения. Показания вскоре после совершения противоправных деяний очень важны. Ссылки же в последующем на якобы галлюцинаторные или иллюзорные расстройства в момент правонарушения, как правило, клинически неправдоподобны» [160, с. 34–35].

¹Антонян Ю. М. О покаянии преступников // Правители преступного мира. М., 1992. С. 275.

Незамедлительность допроса лиц, умертвивших потерпевших в исключительных состояниях психики, очень важна, поскольку изучение следственной практики показывает, что изучаемая категория преступников склонна прибегать к суициду, что требует назначения посмертных судебных экспертиз психики (судебно-психологической, судебно-психиатрической или психолого-психиатрической) [61, с. 99–100].

Второй особенностью проведения допросов при расследовании убийств, осложненных посткриминальным суицидом, является сбор обширного ретроспективного (свидетельского) материала о личности правонарушителей для последующего назначения перечисленных выше посмертных экспертиз¹. Следователь должен знать факторы, которые определяют высокую вероятность заверщенного суицида, и при осуществлении допросов свидетелей отражать необходимую информацию в протоколах. К социальным и личным факторам, определяющим высокую вероятность самоубийства, относятся мужской пол суицидента; возраст (45 лет и старше); суицидальные попытки в прошлом; психические расстройства у членов семьи и случаи суицида (парасуицида) в семье; недавний развод или потеря супруга; социальная изоляция с реальным или предполагаемым негативным отношением со стороны родственников или друзей; алкогольная или наркотическая зависимость; недавнее унижение; значимые даты (например, годовщина смерти любимого человека); безработица или финансовые трудности, особенно если они вызвали резкое снижение экономического статуса; тщательное планирование самоубийства и меры, принимаемые против его обнаружения (суицид в безлюдной местности, на чердаке и т. п.)².

¹ Коченов М. М., Ефимова Н. И., Кривошеев А. С. Изучение следователем психологии обвиняемого. М., 1987. С. 46–48; Качаев А. К., Иванец Н. Н. Значение материалов уголовных дел для экспертизы исключительных состояний // Вопросы организации и проведения судебно-психиатрических экспертиз в уголовном процессе. М., 1973. С. 29–34.

² Современная медицинская энциклопедия / под общ. ред. Г. Б. Федосеева. СПб., 2002. С. 336–337.

К психическим и физическим факторам, определяющим высокую вероятность завершённого суицида, относятся: депрессия с идеями самообвинения; депрессия с возбуждением, беспокойством и тревогой; чувство вины, несоответствия и безнадежности; импульсивность, жестокость; ощущение низкой ценности собственной личности; ложное убеждение в наличии онкологического заболевания, болезни сердца или другой серьёзной болезни; психозы с императивными (настойчивыми, непреодолимыми) галлюцинациями, когда «голос приказывает совершить самоубийство»; прием лекарств, которые могут вызвать тяжелую депрессию (например, резерпина); хроническое соматическое заболевание, сопровождаемое интенсивными постоянными болями; болезнь, которая в прогнозе является смертельной или приводит человека в беспомощное состояние (риск увеличивается, если до этого человек был совершенно здоров)¹.

Д. П. Котов отмечает, что при расследовании дел о преступлениях, когда потерпевший входил в непосредственное взаимодействие с обвиняемым, необходимо дополнительно устанавливать значимые для правильного разрешения дела особенности его [потерпевшего] психики, проявившиеся до, во время и после совершения преступления [224, с. 64]. В ситуациях расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом, такой сбор сведений о личности потерпевших возможен при допросе лиц, знавших ранее покойных. Полученная информация может быть использована при назначении посмертных судебно-психологических экспертиз, которые могут установить (или опровергнуть) виктимное поведение потерпевшего, спровоцировавшее совершение преступления (убийства) [513, с. 83–85, 163, 190].

Третьей особенностью проведения допросов подозреваемых (обвиняемых) в убийстве может выступать их готов-

¹ Современная медицинская энциклопедия / под общ. ред. Г. Б. Федосеева. СПб., 2002. С. 336.

ность к совершению суицида в обстановке следственного действия (или при подготовке к нему).

Так, оперуполномоченный Чемеровецкого РО МВД Хмельницкой области (Республика Украина) З. совершил серию убийств женщин по сексуальным и корыстным мотивам на территории Хмельницкой и Тернопольской областей. Двое потерпевших, несмотря на полученные ножевые ранения, остались живы, что позволило выявить и арестовать преступника, признавшего совершение указанных деяний. Через несколько дней после ареста З., которого вели на допрос, находясь в наручниках, применил физическую силу к своим конвоирам, разбил оконное стекло и погиб от падения из окна 7-го этажа здания Тернопольского областного управления МВД Украины [34, с. 37].

В таких случаях немаловажное значение имеет деятельность следователя, направленная на изучение личности обвиняемого¹, в результате которой могут стать известны сведения об агрессивности подследственного и иных его качествах, способствующих проявлению активных форм сопротивления.

Суицид лиц, подозреваемых в совершении убийств, может произойти не только в ходе их допроса или подготовки к нему, но и при других следственных действиях.

Так, летом 2000 г. в Алтайском государственном техническом университете (г. Барнаул) были похищены поочередно пять абитуриентов, обнаженные трупы которых обнаружили случайно спустя длительное время за чертой города². По оперативной информации, одним из «заподозренных» в причастности к данному преступлению был назван Александр А., ранее дважды судимый. В рамках расследуемого дела у А. в гараже провели обыск, обнаружили обрез ружья, что позволило заключить А. под стражу (ч. 1 ст. 222 УК РФ). При оперативной разработке А. заявил о своем согласии

¹ Изучение следователем психологии обвиняемого / М. М. Коченов [и др.]. М., 1987. С. 40.

² Сапожникова Г. Вернется ли маньяк в Барнаул этим летом? // Комсомольская правда. 2001. 26 июня.

выдать ювелирные украшения, принадлежавшие исчезнувшим потерпевшим, якобы спрятанные в одном из зданий города. При проверке показаний А. привел членов оперативно-следственной группы в подъезд одного из высотных домов, откуда внезапно выбросился в оконный проем наружу с лестничной площадки 8-го этажа и погиб¹. Его причастность к совершению убийств этих потерпевших осталась недоказанной, а преступления остались нераскрытыми², что повлекло наказание руководителей прокуратуры Алтайского края³. «По уголовному делу № 66444 в качестве подозреваемых задерживался ряд лиц, однако обвинение никому из них не предъявлялось»⁴.

К *четвертой особенности* допросов относится получение показаний от убийц, которые затем совершили покушение на суицид путем самоповешения, но были вскоре извлечены из петли и возвращены к жизни. По наблюдениям судебных медиков, степень выраженности асфиксии и постасфиктических явлений находится в прямой зависимости от длительности странгуляции. При длительности странгуляции в пределах от 3–4 до 5–7 минут в постстрангуляционном периоде отмечается период бессознательного состояния, продолжающийся часами, а иногда и сутками, примерно в половине случаев имеет место амнезия (возвращенный к жизни не помнит событий совершенного преступления и покушения на суицид). В случаях суицидальных попыток, совершенных в состоянии резкого алкогольного опьянения, ретроградная амнезия обуславливается главным образом не странгуляцией, а алкогольной интоксикацией [371, с. 41–44]. Об амнезиях после покушения на повешение писали А. С. Ильин, А. И. Ковалев, И. А. Концевич, П. М. Вроблевский,

¹ Уголовное дело № 78464 // Архив Индустриального РОВД г. Барнаула, 2000.

² Купчинский О. В Барнауле похоронили человека, похожего на маньяка // Комсомольская правда. 2000. 9 ноября.

³ О наказании: приказ Генерального прокурора РФ № 363-К от 8 ноября 2000 г.

⁴ Письмо заместителя руководителя СУ СК РФ по Алтайскому краю № 6/601-213-20-2013 от 22 июля 2013 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

Б. А. Целибеев. Последний отмечал, что лица, страдающие алкоголизмом, пытавшиеся повеситься, после приведения их в чувство могли не помнить о периоде, предшествовавшем повешению, многие даже не помнили причину суицидальной попытки. «Это указывает на то, что при алкоголизме самоубийство может произойти под влиянием мимолетного аффекта, возникшего в период опьянения» [390, с. 31]. Именно такие «мимолетные аффекты» имеют широкое распространение по делам об убийствах алкоголиками членов своей семьи и знакомых при распитии спиртных напитков, завершаемых посткриминальным суицидом.

При расследовании убийств, сопряженных с суицидом правонарушителя, очевидцами криминального события нередко становятся малолетние. Так, из 134 уголовных дел указанной категории малолетние были свидетелями по 21 (15,6%), а по 24 «отказным» материалам они наблюдали событие преступления в 6 случаях (25%). В современной юридической литературе доминирует точка зрения, что малолетние дети допрашиваются в качестве свидетелей в условиях явного дефицита доказательств по наиболее сложным уголовным делам [128, с. 19]. М. М. Коченов и Н. Р. Осипова сообщают, что в подавляющем большинстве случаев малолетние допрашиваются по делам о насильственных преступлениях: убийствах, нанесении телесных повреждений, изнасилованиях, совершении развратных действий (в двух последних случаях обычно в качестве потерпевших). Гораздо реже малолетние дети выступают свидетелями по делам о грабежах, разбоях и некоторых иных преступлениях [226, с. 4].

Использование показаний детей в расследовании преступлений издавна было предметом дискуссий для криминалистов. Так, Н. А. Терновский писал: «Показания эти не достоверны, потому что дети не имеют достаточной степени разумения смысла присяги и не понимают того, что говорят...

а кроме того, посторонние лица могут оказать на них слишком большое влияние... Но, с другой стороны, перед взрослыми дитя имеет много преимуществ: оно еще непорочно, не научилось в школе жизни хитрить, лицемерить, продавать свою совесть и упорно запирается, не краснея, несмотря ни на какие улики»¹.

Анализ возрастной психологии показывает, что у детей умение строить самостоятельный рассказ развивается примерно в 5 лет. Наиболее устойчивы, надежны и точны показания детей о действиях людей. В возрасте от 3 до 5 лет ребенок чаще всего уже может верно сообщить, что делали люди в наблюдаемой им ситуации. Начиная примерно с 6 лет дети овладевают способностью описывать действия, т. е. более подробно их характеризовать [226, с. 16]. Мы разделяем точку зрения В. Н. Китаевой о том, что малолетних, ставших очевидцами преступления, следует допрашивать всегда, когда для этого существует возможность. При этом в ходе подготовки к допросу малолетнего необходимо допросить законных представителей, иных взрослых лиц, располагающих информацией о личности ребенка. Для определения тактики допроса и последующей оценки показаний малолетнего важно установить особенности восприятия, внимания, памяти, воображения, речи, мышления малолетнего свидетеля (потерпевшего) [210, с. 202]. В то же время «при постановке детализирующих вопросов следует избегать чрезмерной настойчивости, т. к. это может привести к даче неверного ответа» [210, с. 204].

Так, в апреле 2011 г. в г. Новокузнецке Кемеровской области была убита с особой жестокостью малолетняя Г. Подозреваемый Т., задержанный за совершение данного преступления, дал показания, что деяние совершено им в состоянии алкогольного опьянения, после чего был помещен в камеру ИВС, где повесился. Единственным

¹ Терновский Н. А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей Председательствующего по уголовным делам. Тула, 1901. С. 92–93.

очевидцем случившегося являлся 9-летний Владислав К. (внук подозреваемого), который при допросе с участием психолога дал подробные показания, получившие полное подтверждение в процессе расследования. Для проверки объективности показаний К. проводилась комиссия психолого-психиатрическая экспертиза¹.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы.

1. Умиравшего потерпевшего по делу об убийстве или умирающего подозреваемого-суицидента, находящегося в медицинском учреждении и способного давать показания, необходимо безотлагательно допросить.

2. Допрос задержанного, находящегося под стражей подозреваемого, обвиняемого по делу об убийстве, совершившего парасуицид, необходимо произвести сразу после того, как станет известно от медицинского персонала СИЗО, что он может давать показания. Чем меньше временной промежуток между покушением на суицид и допросом, тем выше вероятность получения наиболее полной и правдивой информации.

3. По делам об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом убийцы, необходимо допрашивать в качестве свидетелей лиц, знавших суицидента в разные годы его жизни начиная с рождения. Это необходимо для сбора максимально полной информации об индивидуально-психологических особенностях убийцы-суицидента с целью последующего назначения посмертной психолого-психиатрической экспертизы.

4. По делам об убийствах изучение личности подозреваемого, обвиняемого должно включать в себя получение следователем информации как оперативным, так процессуальным путем о фактах парасуицида подследственного, высказывании

¹ Уголовное дело № 11240248 // Архив СО по г. Новокузнецку СУ СК РФ по Кемеровской области, 2011. Т. 1. Л. д. 32–35, 255–258. Подробнее о судебных экспертизах психики по делам указанной категории говорится в главе 3 настоящей работы. — *Примеч. Р. Г. Ардашева.*

им мыслей о самоубийстве и пр. в целях профилактики суицида данного лица в ходе производства по уголовному делу.

5. Малолетних свидетелей-очевидцев по делу об убийстве, сопряженном с поскриминальным суицидом правонарушителя, необходимо допрашивать всегда, когда для этого существует возможность (ребенок способен строить связный рассказ, психически здоров, его психическое и физическое состояние позволяет давать показания).

Полагаем, знание указанных особенностей допроса может оказать существенную помощь следователям при работе по делам названной категории.

1.4 Взаимодействие следователя и органа, осуществляющего ОРД, при выявлении и расследовании убийств, сопряженных с суицидом виновного лица

Установление личности преступника, совершившего убийство, и его розыск являются первоочередными и нередко одними из самых трудных задач расследования. Социальная опасность убийств и большие трудности, с которыми нередко связано их расследование, требуют совместных усилий следователя и сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, обязанных незамедлительно принимать меры к розыску преступника и его изобличению. При этом практическое значение взаимодействия оперативных работников¹ и следователя заключается в том, что процессуальная деятельность следователя без применения непроцессуальных методов (оперативно-розыскных мероприятий) являлась бы малоэффективной, а зачастую невозможной. Оперативно-розыскная деятельность без дальнейшего использования ее результатов в уголовном процессе сама по себе бесцельна².

¹ Оперативный работник (оперативный сотрудник) — должностное лицо оперативно-розыскного органа, непосредственно полностью или частично осуществляющее оперативно-розыскную деятельность. См. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскная энциклопедия. М., 2004. С. 187–188.

² Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. М., 1991. С. 80.

Проблему взаимодействия следователя с полицией и основанные на законе пути ее решения затрагивал еще Ганс Гросс: «Правильное положение полиции будет отведено в том случае, если судебный следователь не будет себя ни возвышать, ни унижать перед полицией и в интересах дела будет работать с ней рука об руку, будет постоянно сообщать ей о новых обстоятельствах, добытых им... Он должен самым настойчивым образом требовать и поставить дело так, чтобы руководство и направление действиями полиции всецело перешло к нему, чтобы ничто не происходило без его ведома и чтобы все его поручения исполнялись по его указаниям. С таким положением всякий верный своему долгу полицейский чиновник охотно и добровольно согласится, а это лишь послужит на пользу делу правосудия» [151, с. 22].

Различным аспектам взаимодействия оперативно-разыскных и следственных подразделений посвящен ряд научных работ, вышедших в свет за последние полвека. В широком смысле слова, как его толкуют лингвисты, взаимодействие — это «взаимная связь и поддержка, согласованность действий, направленных на достижение определенной цели» [502, с. 71]. Хотя в понятийном аппарате УПК РФ, законов РФ «Об оперативно-розыскной деятельности», «О полиции», «Об органах Федеральной службы безопасности Российской Федерации» нет термина «взаимодействие», из смысла и содержания законов прямо вытекает необходимость согласованных действий между сотрудниками следственных и оперативно-разыскных подразделений.

Существуют разные дефиниции такого взаимодействия. Так, В. И. Жилияев под взаимодействием понимал «согласованную деятельность следователя при расследовании преступлений с органом дознания, предполагающую рациональное сочетание процессуальных и оперативных действий, осуществляемых каждым из них в соответствии со своими функциями

в пределах представленных им по закону полномочий»¹. Аналогичное по своей сути определение взаимодействия дает И. Ф. Герасимов [132, с. 125]. А. Н. Васильев считал, что взаимодействие следователей и органов дознания есть тактический прием расследования преступлений, основанный на научной организации труда². Он относил к тактическому приему такого взаимодействия: 1) выявление с помощью оперативно-разыскного действия необходимости проведения следственного действия; 2) создание благоприятных условий для следственного действия; 3) параллельное сопровождение следственного действия; 4) развитие результатов следственного действия.

К. Бегалиев и В. И. Попов представляли такое взаимодействие как метод расследования, в процессе которого находят применение различные тактические приемы оказания следователю помощи оперативными средствами [87, с. 61]. Н. А. Аменицкая полагает, что взаимодействием следователей и оперативно-разыскных органов (в органах внутренних дел) называется «основанная на законе и подзаконных актах взаимная, согласованная по цели деятельность с использованием особых полномочий, методов и форм, присущих каждой из взаимодействующих сторон, в системе, имеющей главным направлением деятельности выявление лица, совершившего преступление, и достоверное установление его виновности для решения судом вопроса о его справедливом наказании» [410, с. 30].

Существуют и другие определения, изучив которые, Н. П. Фролкин и В. Ф. Козлов вычленили признаки взаимодействия следственных и оперативно-разыскных подразделений:

1) согласованность деятельности следственных и оперативно-разыскных подразделений по цели — решение задач

¹ Жилиев В. И. Взаимодействие органов следствия и дознания при раскрытии и расследовании тяжких преступлений // Криминалистика и судебная экспертиза. Вып. 23. Киев, 1981. С. 11.

² Васильев А. Н. Тактика отдельных следственных действий // Социалистическая законность. 1977. № 6. С. 61.

уголовного судопроизводства (выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступления);

2) подчиненность деятельности следственных и оперативно-разыскных подразделений единому замыслу;

3) деятельность следственных и оперативно-разыскных подразделений должна быть основана на нормах права, изложенных в нормативных правовых актах (как законодательных, так и подзаконных);

4) оптимальность использования средств и методов, присущих каждому из субъектов взаимодействия [375, с. 18].

Как справедливо указывает А. Ф. Козусев, взаимодействие следователей и оперативно-разыскных подразделений не означает служебного подчинения, слияния процессуальной и оперативно-разыскной деятельности. «Каждый из них продолжает оставаться самостоятельным органом, действуя в строгом соответствии со своей компетенцией. Несмотря на общность задач по раскрытию преступлений, средства и методы, используемые ими для решения, неодинаковы» [216, с. 20].

Основной уголовно-процессуальной формой взаимодействия следователя с органами дознания законодатель называет письменное поручение следователя (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), а также привлечение должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, к работе следственной группы (ст. 163 УПК РФ) и участие этих субъектов в следственном действии (ч. 7 ст. 164 УПК РФ).

Согласованную и целенаправленную деятельность оперативных работников и следователей надлежит рассматривать в качестве «динамично развивающейся структуры тактического комплекса соответствующих действий»¹. Такая совместная деятельность на стадиях возбуждения уголовного дела и первоначального этапа расследования в большинстве случаев осуществляется в ситуациях отсутствия полной информации

¹ Бертовский Л. В. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступного нарушения правил экономической деятельности: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 2005. С. 40.

об обстоятельствах совершения преступления и ограниченности времени [480, с. 14].

На первоначальном этапе расследования убийств, сопряженных с суицидом правонарушителя, при взаимодействии следователя с органами дознания могут решаться следующие задачи: 1) выявление сведений о личности потерпевшего (потерпевших) и убийцы; 2) установление очевидцев, которые могли наблюдать акты убийства и суицида, а также лиц, появившихся на месте происшествия до прибытия туда работников правоохранительных органов¹; 3) при отсутствии на месте происшествия трупа правонарушителя, орудий преступления и ценностей, принадлежавших потерпевшему, организация розыска предметов и преступника (при установлении его личности); 4) сбор и проверка другой информации, необходимой для выдвижения версий.

Как указывалось ранее, при расследовании убийств нередко одной из самых трудных задач, стоящих перед сотрудниками правоохранительных органов, является установление личности подозреваемого и его розыск [443, с. 27]. Для этого у следователя должны быть определенные фактические данные: собранные доказательства и оперативно-розыскная информация, полученная от органов дознания. Такая информация позволяет выдвигать версии о случившемся событии, о том, среди какого контингента надлежит искать скрывшегося преступника, кто это может быть и где он находится [171, с. 154–155]. При розыске преступников, совершивших акты насилия, важно знать, куда пойдет убийца после совершения преступления. В ряде случаев такой преступник находит безлюдное место (лесной массив, чердак здания, берег водоема), где совершает самоубийство. Нередко убийца

¹ Для этого требуется определенное оперативное мастерство, т. к. хищение орудий преступления и ценностей с места происшествия может осуществляться соседями убитых потерпевших, сослуживцами и иными лицами, не имеющими причастности к убийству, а подобное изменение обстановки места происшествия влечет за собой выдвижение ложных версий. — *Примеч. Р. Г. Ардашева.*

уходит домой, там он чувствует себя увереннее всего, «причем это не обязательно должен быть собственный дом» [150, с. 11–15]. При наличии оперативной информации в отношении такого лица ее проверка должна быть качественно проведена и в ситуации суицида проверяемого.

Так, 5 ноября 2011 г. в квартире с. Большой Антибес Мариинского района Кемеровской области были убиты из огнестрельного оружия Ч. и Ш., а 14 ноября 2011 г. в подъезде жилого дома г. Тайга Кемеровской области покончил с жизнью выстрелом из обрезка О., приехавший к своей взрослой дочери. В ходе оперативно-разыскных и следственных действий было достоверно установлено, что преступление совершено именно О. по мотивам личной неприязни¹.

Криминалистическая версия, выдвинутая в процессе расследования преступлений, по своей природе является специфической разновидностью частной научной гипотезы [119, с. 201]. В рассматриваемом аспекте она включает в себя мысленную модель, основанную на описании физических, психологических и социальных признаков виновного, его возможных посткриминальных действий [338; 425].

Существуют методики, основанные на принципах математического моделирования личности убийцы по данным о способе совершения преступления и личности потерпевшего, однако качество данного вероятностно-статистического моделирования нельзя назвать высоким [118; 181; 240; 480].

Представляются заслуживающими интереса сообщения о создании компьютерной программы «ФОРВЕР-Следователь» (г. Нижний Новгород), с помощью которой можно рассчитать условную вероятность признаков лица, совершившего убийство, что позволяет расположить версии по степени их вероятности, поставив наиболее вероятные на первое место [366,

¹ Уголовное дело № 1114153 // Архив СО по г. Мариинску СУ СК РФ по Кемеровской области, 2012.

с. 357–361]. Это важно, поскольку «на практике следователи зачастую не определяют конкретно направленность розыскной работы, а работники уголовного розыска поиск преступника ведут бессистемно, без учета следственной информации»¹.

По делам об убийствах, в которых подозреваемый скрылся с места происшествия, а позднее прибегнул к суициду, возможны два варианта: а) личность убийцы установлена и он объявлен в розыск; б) личность преступника неизвестна [51]. В последнем случае факт самоубийства такого лица может быть воспринят правоохранительными органами без связи с нераскрытым убийством [423, с. 67; 483, с. 49].

Для оценки значимости подобных явлений приведем статистические сведения МВД РФ за 2009–2012 гг. Так, в 2009 г. в России по причине не установления лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности (ст. 105 УК РФ), приостановлено производством 1 841 дело, в 2010 г. — 1 810 дел, в 2011 г. — 1 791 уголовное дело. В 2009 г. в РФ приостановлено за розыском скрывшихся преступников (ст. 105 УК РФ) 258 дел, в 2010 г. — 224 дела, в 2011 г. — 245 дел². В 2012 г. по России осталось нераскрытым 1 528 уголовных дел (ст. 105 УК РФ) и приостановлено производством за розыском подозреваемых 211 дел названной категории³. В то же время сбор информации по фактам суицида лиц, совершивших убийства, не предусмотрен в рамках действующих форм федерального статистического наблюдения и ведомственных форм статистической отчетности в системе МВД РФ. Это означает, что даже когда убийства с последующим суицидом виновного лица совершаются в условиях очевидности, статистических сведений о таких

¹ Кравцев В. Умышленные убийства: состояние тревожное // Социалистическая законность. 1990. № 11. С. 7.

² Письмо заместителя начальника управления по взаимодействию с институтами гражданского общества и СМИ МВД РФ Ельникова О. М. № 23/2067 от 5 октября 2012 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

³ Письмо заместителя начальника «ГИАЦ МВД России» А. В. Бушуева № 34/1-К-306 от 20 августа 2013 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

деяниях нет как в региональных информационных центрах, так и в МВД РФ¹.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, «показатели о количестве уголовных дел по ст. 105 УК РФ, прекращенных по п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ и приостановленных производством по пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, в указанной форме статистической отчетности не выделяются»².

По сведениям Главного информационно-аналитического центра МВД РФ, за 2019 г. остались нераскрытыми 600 убийств и покушений на убийство, а всего в результате преступных посягательств в стране погибло 23,9 тыс. человек³.

Согласно проведенному нами опросу руководителей структур уголовного розыска в 41 субъекте РФ⁴, в 40 подразделениях уголовного розыска не уделяется должного внимания моделированию такого поведения виновного лица, как его возможный посткриминальный суицид, при составлении планов оперативно-розыскных мероприятий по раскрытию убийств и розыску скрывшихся подозреваемых.

Одновременно наблюдаются случаи, когда скрывшийся убийца прибегает к суициду спустя весьма длительное время после содеянного, находясь в другом районе или субъекте РФ (информация из 9 регионов страны).

¹ Письмо начальника Центра статистической информации «ГИАЦ МВД России» И. В. Дурьгиной № 3/177708732110 от 19 июня 2017 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

² Письмо помощника Генерального прокурора РФ Трушкиной О. А. № 11-8699-14/140940 от 16 июля 2014 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

³ Краткая характеристика преступности в Российской Федерации за 2019 г.: официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/19412450/> (дата обращения: 31.01.2020).

⁴ Опрос проводился в Амурской, Астраханской, Белгородской, Волгоградской, Еврейской автономной, Иркутской, Кемеровской, Курганской, Липецкой, Мурманской, Новосибирской, Омской, Оренбургской, Орловской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Сахалинской, Тамбовской, Тверской, Томской, Тульской, Челябинской областях; Алтайском, Забайкальском, Красноярском, Приморском, Ставропольском краях; республиках Калмыкия, Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Тыва, Удмуртия, Хакасия, Чеченская, Чувашия; Ханты-Мансийской и Ямало-Ненецком автономных округах. — *Примеч. Р. Г. Ардашева.*

Только в управлении МВД России по Белгородской области (из числа вышеназванных структур) сотрудниками уголовного розыска во взаимодействии с экспертно-криминалистическим центром управления МВД на постоянной основе проводится дактилоскопирование трупов самоубийц и изъятие у них биологических образцов с целью дальнейшего сравнения со следами, изъятими с мест нераскрытых убийств, для проверки причастности указанных лиц к совершению данной категории преступлений¹.

С учетом изложенного представляется перспективным при раскрытии и расследовании убийств учитывать фактор возможного посткриминального суицида скрывшегося преступника, что требует выявления возможной причастности самоубийц (в первую очередь в районе совершенного убийства) к расследуемому преступлению.

Одним из направлений такой проверки является установление индивидуальной социально-психологической характеристики суицидента, а также определение факта его возможного прежнего контакта с потерпевшим (родственник, сослуживец, знакомый).

Анализ следственной и судебной практики по данной категории уголовных дел позволил создать типичный портрет убийцы-суицидента, которым является взрослый мужчина (старше 18 лет), имеющий импульсивный характер, склонный к физической агрессии, употреблению спиртных напитков или наркотических веществ, ранее судимый. Зачастую такие лица состоят на учете у психиатров и наркологов, ранее высказывали окружающим (родным, знакомым) мысли о расправе с ними и собственном суициде. Преступные деяния с последующим самоубийством совершают, как правило, в состоянии опьянения.

¹ Письмо и. о. начальника полиции УМВД РФ по Белгородской области В. Н. Жигайло от 6 июня 2012 г. № 4/К-18 // Личный архив Р. Г. Ардашева.

Показательно, что в ряде диссертационных исследований и специальных работ, посвященных оперативному сопровождению предварительного расследования, нет упоминания о мерах, которые органы дознания обязаны предпринимать для предотвращения суицида обвиняемых (подозреваемых) в процессе производстве следственных действий [382; 419; 438; 486]. Так, Р. В. Зимин в общих чертах называет проблемы применения органами дознания мер принуждения в связи с оказанием содействия следователю при производстве предварительного следствия, но ситуация возможного суицида обвиняемого не указывается [433]. В. В. Котов упоминает, что органам дознания может быть поручено производство факультативных операций, разрешенных при производстве следственного действия, но не входящих в его содержание, в частности, обеспечения безопасности следователя и других участников [447]. О нарушениях такой безопасности, влекущих суицид подозреваемых, указано в предыдущем параграфе.

При проведении оперативно-разыскных мероприятий по делам об убийствах, сопряженных с суицидом (покушением на суицид) виновного лица, важнейшее значение могут иметь результаты опроса, своевременно проведенного оперативными работниками.

Оперативная, следственная, судебная и медицинская практика знает немало случаев, когда человек, получивший тяжелые телесные повреждения в условиях неочевидности, имел возможность сообщить об обстоятельствах, при которых он был ранен, прежде чем наступала его смерть [309]. Сказанное относится и к так называемым «абсолютным смертельным повреждениям» [84, с. 85–87; 307, с. 50; 316, с. 87–88]. В подобных ситуациях оформление протокола допроса травмированного не представляется возможным, поскольку само уголовное дело еще не возбуждено.

Специалистами описаны случаи железнодорожных травм, когда тела потерпевших были практически полностью разделены на верхнюю и нижнюю половины на уровне нижней части живота или таза¹. Отмечалось своеобразное состояние кровеносных сосудов в области расчленения: они были разможженными, со слипшимися затромбированными просветами, что позволяло организму сохранять определенное кровяное давление, обеспечивающее деятельность головного мозга. Продолжительность жизни после таких травм составляла от 40 до 220 минут, сознание сохранялось от 25 до 60 минут. Смерть наступала от травматического шока на фоне острой кровопотери. Травмированные могли давать достаточно обстоятельные пояснения мотивов суицидальной попытки (обстоятельства несчастного случая) [252; 262].

В Российской Империи при проведении дознания и следствия составлялся «Особый акт спроса умирающего», куда заносилась информация, полученная при опросе раненого человека (потерпевшего, правонарушителя). Сам опрос производился в присутствии понятых².

В настоящее время имеется ряд серьезных исследований, посвященных опросу в оперативно-разыскной и следственной деятельности, но опрос тяжелобольных (умирающих) лиц наиболее подробно описан лишь в работе Ф. А. Терещука, который пишет, что следователь должен дать органу дознания конкретное и обстоятельное поручение организовать наблюдение за тяжело больным, даже находящимся в реанимации. «В этой связи орган дознания должен постоянно производить внутреннее и внешнее наблюдение. Внутреннее наблюдение должно производиться с помощью медицинского персонала, работающего непосредственно с потерпевшим.

¹ Воробьев Ю. В., Стрелец Н. Н. Способность к активным действиям при железнодорожной травме, несовместимой с жизнью // Судебно-медицинская экспертиза. 1981. № 1. С. 55.

² Краткий наказ прокурора Иркутской Судебной Палаты по раскрытию преступлений и обнаружению виновных. Иркутск, 1898. С. 11–12, 20.

По просьбе оперативных работников медицинский персонал должен прислушиваться к тому, что говорит больной, находясь в бессознательном состоянии, записывать произнесенные потерпевшим слова, полученную информацию передавать представителю дознания или следователю. Если умирающий временно приходит в сознание, то медицинский персонал должен попытаться задать ему ряд необходимых для следствия вопросов, заранее рекомендованных следователем» [478, с. 17].

Необходимо отметить, что настоящие рекомендации не основаны на каких-либо нормативных документах и в оперативно-следственной практике, как правило, не исполняются. Персонал медицинских учреждений (претерпевших за постсоветский период ряд реформ), просто не в состоянии выполнять данные «поручения» оперативных работников, не входящие в круг его служебных обязанностей. В таких случаях неоценимый вклад в установление обстоятельств случившегося может внести своевременный опрос травмированного лица сотрудниками правоохранительных органов. Однако нередко у него возникают препятствия, вызванные противодействием со стороны медицинских работников, которые «запрограммированы» на демонстрацию своей ведомственной значимости.

В России не было и нет специальных указаний о том, в каких условиях должен производиться опрос пострадавшего в случае оказания ему первичной медицинской или специализированной медицинской помощи. Таких исследований и, соответственно, публикаций нет в отечественной литературе по ОРД, криминалистике и судебной медицине. В настоящее время в России отсутствуют нормативно-правовые акты, определяющие клинические критерии допуска представителей правоохранительных органов к травмированному лицу для проведения оперативных и следственных действий¹. В таких

¹ Письмо ректора Пензенского Института усовершенствования врачей Минздрава России А. И. Кислова № 430 от 25 июня 2012 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

ситуациях многое зависит как от позиции медицинских работников, так и от настойчивости, изобретательности представителей правоохранительных служб. Необходимо отметить, что диагностические ошибки врачей в отношении пациентов, умерших впоследствии от травм, чаще всего происходят из-за недостатка времени для обследования и несовершенства средств медицины, несколько реже по неопытности медиков [400, с. 34–36].

Л. А. Китаев-Смык, специально изучавший психологию умирающих людей, отметил, что на данный контингент влияют внутренние физиологические предсмертные преобразования в организме и продолжающиеся контакты с окружающими людьми. При этом на определенной стадии умирания происходит быстрый мысленный обзор всей жизни, вызывающий чувство удовлетворения либо раскаяния [211, с. 121, 124]. Именно эти состояния делают умирающего максимально откровенными при словесном общении с окружающими людьми¹, что должны учитывать сотрудники органов дознания. О таких ситуациях получения признания от умирающих в совершении убийств, числящихся нераскрытыми, писал еще Г. Шнейкерт [397, с. 61–62].

В одно из медицинских учреждений г. Иркутска поступил В., имевший колото-резаное ранение сердца. Потерпевший находился в сознании, разговаривал, просил вызвать сотрудника милиции, которому он хотел назвать сведения о лице, причинившем данную травму. Появившегося работника уголовного розыска врачи не допустили к раненому, мотивируя это «тяжелым состоянием» потерпевшего. После хирургической операции В. скончался, не приходя в сознание. Понадобилось более трех лет, чтобы установить личность преступника, который затем был осужден и приговорен к длительному лишению свободы².

¹ Терновский Н. А. Юридические основания к суждению о силе доказательств и мысли из речей Председательствующего по уголовным делам. Тула, 1901. С. 92–93.

² Уголовное дело № 2-112/89 // Архив Ленинского районного суда г. Иркутска.

Из 56 опрошенных нами оперативных сотрудников УМВД РФ по Иркутской области, принимавших участие в работе по фактам убийств и суицида, 14 человек (25%) сообщили, что они столкнулись с категоричным запретом медиков опрашивать тяжелораненых, это завершилось впоследствии смертью травмированных, усугубившей процесс установления обстоятельств преступления и покушения на суицид с летальным исходом.

Заслуживает внимания практика сотрудника уголовного розыска Ф. (г. Иркутск), который постоянно выезжал на раскрытие насильственных преступлений, где имелись раненые потерпевшие. Он добивался разрешения вместе с бригадой «скорой помощи» сопровождать в автомашине раненого до больницы. За это время Ф. успевал в ходе опроса получить от потерпевшего важную информацию о случившемся, что позволяло раскрыть преступление, даже если раненый: а) умирал в больнице; б) давал после выздоровления ложные показания¹.

Проблема конфликта интересов медиков и правоохранительных сотрудников не является неразрешимой и не служит непреодолимым препятствием для срочного получения информации от травмированных лиц в ситуациях существенной неопределенности картины события. Одним из главных факторов решения проблемы выступает повышение профессионализма оперативных сотрудников и привлечение ими к проведению опроса пациентов врачей в качестве специалистов с самого начала оказания медицинской помощи.

¹ Пример взят из анкет опрошенных нами 56 сотрудников органов полиции Иркутской области. — *Примеч. Р. Г. Ардашева.*

ГЛАВА 2

Использование экспертизы при расследовании убийств, сопряженных с суицидом правонарушителя

2.1 Тактика назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз

Расследование убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом виновных лиц, невозможно без проведения соответствующих судебно-медицинских экспертиз, являющихся обязательными по данной категории дел (п. 1, 2 ст. 196 УПК РФ). Обстоятельный перечень вопросов, которые следователи должны ставить перед экспертами, указан в соответствующих монографиях, учебниках и пособиях. По изученным нами 134 уголовным делам 322 человека значатся умершими насильственной смертью (убийство и суицид), 18 человек — ранеными (выжившими), из них 8 являются убийцами, покушавшимися на суицид. В рамках данного исследования обратим особое внимание на такой традиционный вид самоубийства, как повешение, которое совершается, как правило, без очевидцев, и может иметь разные интерпретации¹. По наблюдениям суицидологов, самоповешение преимущественно совершается в состоянии алкогольного опьянения, так как не требует какой-либо предварительной подготовки. У пьяного человека нет времени и желания проводить какую-либо подготовку к самоубийству, в процессе которой состояние аффекта может пройти и суицида не произойдет. Кроме того, самоповешению характерны самоистязание, направленное на собственную личность, и агрессия, свойственная пьяным [390, с. 31].

¹ Вопросы судебно-медицинской экспертизы трупа при других видах самоубийств в настоящей работе не рассматриваются. Аспектам судебно-медицинской экспертизы трупа посвящены достаточно подробные разделы в ряде диссертаций и пособий по расследованию убийств. — *Примеч. Р. Г. Ардашева.*

Экспертная диагностика суицида путем самоповешения

В процессе расследования убийств, сопряженных с суицидом правонарушителей, значительное внимание уделяется способам самоубийства, самым распространенным из которых является самоповешение. Вместе с тем судебно-медицинские эксперты достаточно подробно изучали механизм смерти от самоповешения, однако практически не исследовали частоту признаков смерти от этого вида суицида [349, с. 41]. Еще в 20-х гг. минувшего столетия специалисты отмечали следующее: а) нет ни одного постоянного признака, характерного для самоповешения; б) диагностировать самоповешение можно лишь на основании совокупности найденных при вскрытии признаков [349, с. 44].

Судебно-медицинский диагноз в этих случаях основывается на выявлении и оценке трех групп признаков: 1) острой (быстро наступившей) асфиктической смерти; 2) особенностей странгуляционной борозды (косое, высокое расположение, незамкнутость, неравномерная глубина); 3) прижизненного характера странгуляционной борозды [331, с. 122–129; 459; 445].

Выявлению и определению степени характерности и частоты встречаемости признаков этого вида суицида посвящено большое количество работ, при этом получены весьма противоречивые результаты [220; 473; 475]. Исследования частоты встречаемости признаков острой асфиктической смерти показывают, что характерными для этого вида смерти являются обильные трупные пятна (92%), кровоизлияния в конъюнктиву (53%), жидкое состояние крови (94%), подплевральные кровоизлияния (97%), подэпикардальные кровоизлияния (63%), полнокровие внутренних органов (71%), переполнение кровью правой половины сердца (54%). Проведение этих же исследований на значительном материале показало, что при установлении прижизненного характера

странгуляционной борозды важное диагностическое значение имеют признаки, выявляемые при микроскопическом исследовании кожи, нервных волокон или блуждающих нервов. Такие признаки, как прикус языка, надрывы интимы сонных артерий, надрывы шейных мышц при повешении, встречаются редко и не могут быть использованы при определении прижизненности странгуляции [360].

Известно, что в случаях суицида при установлении обстоятельств и рода смерти основной задачей следствия является выяснение факта самоубийства и исключение его инсценировки. При этом надежность и эффективность решения вопросов, поставленных перед экспертами, во многом зависит от качества собранных материалов, освещающих обстоятельства, предшествовавшие наступлению смерти, и тщательности их экспертного анализа.

Учитывая значимость заключения эксперта как источника доказательств, исследования должны проводиться в пределах, которые соответствуют уровню развития науки. До настоящего времени вероятность в заключениях экспертов-медиков выступала в основном выражением субъективной, не охарактеризованной количественно степени уверенности эксперта в наличии какого-либо факта¹. Введение количественной характеристики, частоты встречаемости признаков, вероятно-статистического метода должно привести к тому, что вероятность в выводах эксперта станет объективным выражением связи между условием и событием. Согласимся с Н. А. Селивановым в том, что применение в той или иной науке математических методов исследования можно рассматривать как показатель зрелости этой науки [337].

¹Исключение составляет выражение статистической достоверности выводов судебно-медицинского эксперта в современной геноскопической экспертизе. См. Новоселов В. П., Шаронова Д. А. Методы геномной «дактилоскопии» в экспертизе идентификации личности и кровного родства. Новосибирск, 1999.

Анализ заключений судебно-медицинских экспертиз по изученным нами делам в регионах Российской Федерации¹ показал, что при экспертной диагностике суицида путем самоповешения эксперты не используют системный и структурный подход к объекту экспертного исследования, в том числе анализ частоты встречаемости признаков для оценки статистической вероятности выводов.

Проведенный опрос начальников бюро СМЭ вышеназванных субъектов РФ позволил выявить следующие причины, по которым рассматриваемый метод не используется в судебно-медицинской практике:

1) отсутствие необходимости в применении статистико-вероятностного метода при производстве судебно-медицинской экспертизы по установлению факта механической асфиксии;

2) данный метод не входит в перечень официальных методических указаний, поэтому не может считаться бесспорным руководством к действию.

Тем не менее применение судебно-медицинским экспертом математических методов, на наш взгляд, является достаточно эффективным при оценке диагностических признаков самоповешения и может сыграть важную роль при выявлении инсценировки суицида.

По мере дальнейшего изучения признаков, выявленных при повешении, оценка степени их характеристики, частоты встречаемости, статистической вероятности отдельных признаков будет подвергнута соответствующей корректировке.

Для отличия акта суицида от замаскированного убийства представляется целесообразным проведение исследования эндокринных органов лиц, погибших от странгуляционной асфиксии. «Удалось проследить четкое различие между струк-

¹ Иркутская область, Свердловская область, Красноярский край, Республика Татарстан, Республика Хакасия, Республика Башкортостан. — *Примеч. Р. Г. Ардашева.*

турой этих органов в случаях самоубийств, с одной стороны, и убийств — с другой. При самоубийствах на фоне относительно тонкого коркового вещества отмечена делипоидизация адренкортикоцитов сетчатой зоны и внутренней половины пучковой при том, что при убийствах делипоидизация касалась лишь глубокой части сетчатой зоны. Кроме того, при убийствах функция щитовидной железы чаще всего была сниженной, а при самоубийствах — повышенной» [282, с. 6]. Казалось бы, что результаты данных исследований и апробированные методы диагностики должны найти свое применение в экспертной практике, однако этого не произошло. В работах по отечественной судебной медицине нам не встретилось ни одного упоминания о судебных экспертизах трупа, при проведении которых учитывалась бы структура эндокринных органов самоубийц.

Следует отметить, что даже отдельные удачные работы в большинстве своем имеют экспериментальный характер и не распространяются на экспертный материал. Как правило, отдельные результаты, которые могли бы быть полезными для экспертной практики, не проходят широкой апробации часто из-за отсутствия соответствующей аппаратуры, реактивов, методических разработок и практической, заранее выделенной базы, в рамках которой те или иные методики получили бы внедрение в практику судебно-медицинской экспертизы.

В ряде работ отмечаются основные причины диагностических экспертных ошибок при исследовании трупа: а) несовершенство методов исследования в судебной медицине¹; б) недостаточное использование дополнительных методов исследования; в) недостаточная квалификация экспертов; г) слабое внедрение в практику научных достижений [147, с. 8–14; 293, с. 14]. В то же время необходимо отметить следу-

¹ Бедрин Л. И., Загрядская А. П., Томилин В. В. Содержание и формы экспертной работы на уровне современных требований // Проблемы теории и практики судебной медицины. Рига, 1987. С. 16–21.

ющее. Недостаточный контакт следователей с сотрудниками бюро судебно-медицинской экспертизы приводит к тому, что эксперту не сообщаются обстоятельства наступления смерти, перед ним не ставятся необходимые вопросы. В ситуации дефицита важной установочной информации эксперт не может предугадать все варианты направления исследования, отчего возникают диагностические ошибки, которые бывает очень трудно выявить и исправить и которые могут повлечь ошибки судебные или вынесение неправомерного приговора [205, с. 36–50; 292, с. 263–267].

В качестве примера неправильной диагностики смерти от механической асфиксии приведем случай по обвинению П. в убийстве Т. Из материалов дела следовало, что бригада грузчиков, в которую входили названные лица, распивала ночью спиртные напитки в помещении, находящемся на огороженной и охраняемой сторожевыми собаками территории. Таким образом, проникновение постороннего лица на данный объект исключалось. В процессе ссоры П. нанес Т. несколько ударов кулаками по голове, а затем схватил руками за шею и стал душить. Присутствовавшие активно пресекли эти агрессивные действия, после чего Т. посидел немного в помещении и вышел наружу. Через некоторое время один из участников застолья, выйдя из здания, обнаружил неподалеку на земле труп Т. При осмотре тела следователь зафиксировал на шее покойного следы пальцев рук, а судебно-медицинский эксперт дал заключение, что причиной смерти явилась механическая асфиксия вследствие удушения руками.

П. был арестован, но вину в убийстве Т. не признавал, а показания всех остальных грузчиков подтверждали, что после пресечения драки потерпевший оставался жив, мог разговаривать и передвигаться, после ухода из помещения за ним никто не выходил, кроме свидетеля, обнаружившего уже мертвого Т. Повторная судебно-медицинская экспертиза, проведенная комиссионно по материалам дела, подтвердила первичное заключение (смерть от удушения руками).

Работу по делу поручили другому следователю, который назначил новую судебно-медицинскую экспертизу в главном бюро Министерства здравоохранения России (г. Москва). Кроме уголовного дела в распоряжение новых экспертов был предоставлен так называемый мокрый архив — аутопсийный материал различных органов Т., хранившийся в гистологическом отделении Иркутского областного бюро СМЭ.

Повторная комиссионная экспертиза установила, что повреждения от пальцев рук на коже шеи Т. образовались примерно за час до наступления смерти, а причиной его гибели стало обострение имевшегося заболевания сердца и почек, инициированное большим количеством алкоголя (в крови и моче умершего концентрация этилового спирта превысила 5 промилле, что считается смертельной дозой)¹. Согласно специальным исследованиям, «в ряде случаев выраженные изменения во внутренних органах и значительное алкогольное опьянение являются конкурирующими; и то и другое может быть причиной смерти»². Уголовное дело в отношении П., содержавшегося под стражей более года, было прекращено, так как причина смерти Т. не носила криминального характера.

Согласимся с А. В. Пермяковым, который отмечает, что недостаточное использование гистологических и гистохимических данных приводит к экспертным ошибкам при установлении причины смерти и давности ее наступления, а также давности телесных повреждений и прижизненности травмы [293, с. 194–195].

При проведении судебно-медицинской экспертизы трупов лиц, обнаруженных в петле, могут быть выявлены:

а) повреждения, возникшие до повешения, причиненные посторонней или собственной рукой;

¹ Прозоровский В. И., Ачеркан Н. Н., Левченков Б. Д. К вопросу о функциональной оценке результатов судебно-химического количественного определения алкоголя в крови живых лиц и трупов // Судебно-медицинская экспертиза. 1961. № 1. С. 3–6.

² Алякритская А. В. Судебно-медицинское значение алкогольного опьянения в генезе смерти // Судебно-медицинская экспертиза. 1961. № 1. С. 13.

б) повреждения, образовавшиеся во время асфиктического периода;

в) повреждения, возникшие после смерти (при извлечении трупа из петли, попытках оживления, транспортировке трупа и т. д.) [110, с. 23].

Необходимо отметить, что различная выраженность кровоподтеков на таких трупах (по интенсивности пропитывания тканей кровью) может быть связана как со временем образования кровоизлияний, так и с особенностями возникновения самих повреждений. Представляют интерес наблюдения судебных медиков, изучавших в сравнительном аспекте кровоподтеки, которые возникли за несколько минут до наступления смерти, в агональном периоде (вследствие реанимационных мероприятий), а также посмертно. Результаты этих исследований позволили сделать ряд важных в практическом отношении выводов.

1. Кровоизлияния могут возникать при заведомо посмертной травматизации и отсутствовать в тех случаях, когда прижизненность травмы сомнений не вызывает.

2. Прижизненные кровоподтеки, возникающие незадолго до наступления смерти (в сроки не более 10–15 минут) практически не отличаются от посмертных в аналогичные и более поздние сроки.

3. Во избежание ошибок в оценке образования кровоподтеков (до или после наступления смерти) недостаточно анализа только одного отдельно взятого кровоподтека (как на макроскопическом, так и на клеточном уровне). Выводы о сроке формирования кровоподтека относительно времени наступления смерти должны основываться на комплексном исследовании всего трупа [358, с. 100–103].

Диагностика давности и проблемы качества исследований при экспертизе вещественных доказательств биологического происхождения

Важное значение в уголовном судопроизводстве имеет доказательственная деятельность, направленная на установление обстоятельств преступления посредством использования вещественных доказательств. Правильная идентификация, интерпретация вещественных доказательств может во многом компенсировать неустойчивость доказательственной базы. Наличие вещественных доказательств, указывающих на субъекта преступления, позволяет объективизировать процесс доказывания.

Большое разнообразие биологических объектов и широкий круг вопросов, решаемых экспертами-биологами, требуют от них совершенного владения современными цитологическими, иммунологическими, серологическими, хроматографическими и электрофоретическими методами исследования.

В следственных подразделениях РФ хранятся многие тысячи объектов, изъятых с мест происшествя, на которых имеются следы биологического происхождения. По этим уголовным делам убийства не раскрыты либо подозреваемый не разыскан. С течением времени данные вещественные доказательства при ненадлежащих условиях хранения теряются, загрязняются, утрачивается возможность проведения по ним качественных экспертных исследований [14, с. 7–11]. О наличии таких объектов в следственных подразделениях сообщило 48 следователей (75% опрошенных).

Для максимального обеспечения следственной и судебной практики научно обоснованными доказательствами возникает объективная необходимость изучать и устранять наблюдающиеся в ряде случаев причины неэффективности исследований вещественных доказательств биологического происхождения.

Особое значение здесь имеет анализ наиболее часто встречающихся в экспертной и следственной практике объектов судебно-медицинских исследований (волос, спермы, слюны, следов крови). При этом эксперт должен учитывать ряд условий, которые могут влиять на результат исследования. Из числа таких условий важное значение имеют свойства предмета-носителя и его возможные различные загрязнения; количественные показатели объекта (его объем и вес, количество); наличие в самом объекте различных примесей, в том числе обладающих специфическими биохимическими свойствами; прежние воздействия, направленные на изменение природы объекта или его уничтожение; изолированное или одновременное влияние внешних факторов (света, влажности, температуры и т. д.); срок существования объекта (от его образования до времени исследования) с учетом тех воздействий, которым мог подвергаться объект экспертизы [217, с. 176; 369, с. 47–49; 389, с. 168–169].

Вышеназванные условия были предметом научных исследований, однако они, как правило, не носили комплексного характера, анализировали узкую тематику, отчего полученные результаты имели относительную практическую ценность¹. Несмотря на продолжающийся поиск новых методов экспертизы вещественных доказательств биологического происхождения, все еще недостаточно внимания уделяется динамике изменения свойств исследуемого объекта [448, с. 17–21; 462, с. 18–21]. Н. А. Звертаев отмечает, что привлеченное сведущее лицо совместно со следователем или по его поручению может: а) оказать помощь в правильной упаковке вещественных доказательств, хранящихся при уголовном деле, для продления срока их хранения в неизменном виде; б) обследовать место,

¹ Аистов И. А. Использование следов биологического происхождения при расследовании преступлений: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 2000. С. 20–23; Болдырева О. В. Значение влияния микроорганизмов на следы крови при судебно-медицинской экспертизе вещественных доказательств: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 1989. С. 13–17.

где хранятся вещественные доказательства, для определения соответствия условий их хранения определенным требованиям (влажность, освещенность, герметичность, температурный режим и т. д.); в) проинформировать следователя о мерах, которые необходимо принять для исключения порчи указанных объектов [178, с. 39]. На практике, как правило, данные рекомендации не соблюдаются.

К следам-наложениям биологического происхождения можно отнести широкий круг объектов судебно-биологической экспертизы. Изолированные клетки, фрагменты волос, засохшая кровь, микрочастицы поврежденных тканей и органов в следах-наложениях обычно находятся в едином комплексе [351, с. 79]. Экспертиза таких следов по существу является комплексной¹, так как изучению подлежат разнородные объекты, для исследования которых следует применять разные методические приемы [173, с. 7–9]. Примером может служить судебно-биологическая экспертиза ножа, которым преступник вначале совершил убийство потерпевшего (потерпевших), а затем суицид.

Существует множество методик определения групповой принадлежности в любых объектах биологического происхождения, но они имеют ряд недостатков, таких как малая чувствительность, неспецифичность, либо влияние предмета-носителя на сыворотки, в результате чего антигенная принадлежность не может быть установлена. Кроме того, в последние годы экспертная практика сталкивается со случаями обнаружения антигенов системы АВО даже в свежих образцах крови, выделений, волос и т. п. [86, с. 26]. Важно учитывать, что при наличии различных заболеваний (туберкулез, грипп, лейкоз, грибковые поражения) отмечается неправильное определение групп крови экспертами².

¹ Толстухина Т. В., Сапожников В. Г. Проблема универсализации процессуального законодательства, регламентирующего производство комплексной экспертизы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 3–2. С. 131–136.

² Бочков Н. П. Перспективы медицинской генетики. М., 1982. С. 19.

Следственная практика показывает, что даже спустя много лет после образования следы биологического происхождения могут показать верные результаты при проведении судебно-медицинской экспертизы.

Так, в 1982 г. на железнодорожной станции Тайшет было совершено убийство Н., ведшего бродяжнический образ жизни. Свидетель Р. дал показания, что преступление совершил ранее неоднократно судимый Т. Последнего задержать не удалось, поскольку он совершил самоубийство, бросившись под поезд. На протяжении 16 лет расследование по делу неоднократно возобновляли и приостанавливали. В 1998 г. дело изучили два опытных работника Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры, обратив внимание на то, что одежда потерпевшего Н. и покончившего с собой Т. не направлялась на судебно-медицинское исследование. В ходе проведенной экспертизы на вещах Т. были обнаружены следы крови Н., что в совокупности с иными доказательствами позволило вынести мотивированное постановление о прекращении уголовного дела в связи со смертью лица, совершившего данное преступление¹.

В то же время в отечественной судебной медицине до сих пор не проводились критический анализ и обобщение отдельных исследований с позиции влияния фактора давности на свойства вещественных доказательств биологического происхождения, что ограничивает реализацию на практике ряда приведенных и опробированных предложений, а также затрудняет в целом разрешение данной проблемы. Из этого следует, что необходимо: а) изучение экспериментальным путем влияния отдельных внешних воздействий и их сочетаний (с учетом различных сроков) на эффективность результатов исследований объектов биологического происхождения; б) установление разрешающей способности применяемых методов, их пороговой чувствительности, поиск новых

¹ Уголовное дело № 6225. Т. 6 // Архив Восточно-Сибирской транспортной прокуратуры за 1998 г.

методов, конкретизирующих сроки давности; в) создание экспертных критериев, позволяющих обоснованно и объективно решать вопросы, ставящиеся следователями и судьями о сроках образования вещественных доказательств биологического происхождения; г) систематическое и своевременное информирование органов следствия, суда и судебно-медицинских экспертов о научно обоснованных возможностях установления сроков давности при экспертизах вещественных доказательств биологического характера.

Проблемные вопросы естественных диагностических признаков самоубийств

При обнаружении трупа со следами насильственной смерти возникает необходимость установления ее рода, т. е. имело ли место убийство, самоубийство или несчастный случай? Известно, что судебно-медицинские эксперты не вправе решать вопрос о роде насильственной смерти. Судебный медик должен установить, является ли смерть насильственной или ненасильственной, т. е. категорию смерти и ее причину.

В криминалистическом аспекте отличить факт убийства от самоубийства бывает сложно, и требуются немалые усилия со стороны следователя, особенно в тех случаях, когда возникает подозрение, что было совершено противоправное лишение жизни человека, замаскированное инсценировкой суицида [265, с. 68–103; 445, с. 9–13; 470, с. 18–22].

Судебных медиков, психиатров и сотрудников правоохранительных органов всегда интересовали патолого-анатомические особенности самоубийц, поскольку «при социальном факторе самоубийства нельзя удовлетворительно объяснить, почему из двух людей одного возраста, пола, одной нации, живущих в одном климате, находящихся в одинаковых условиях существования, физически здоровых, при всех видимых равных условиях один кончает самоубийством, а другому даже

мысль о самоубийстве противна и несвойственна. В жизни часто наблюдаются такие случаи, которые социально-экономическими причинами не объяснить» [126, с. 59].

С 30-х гг. XIX в. взгляд на суицид как на болезнь возник и развивался в Европе в рамках медицинских и общественных дисциплин. Французский врач Этьен Эскироль в своем труде «Об умственных болезнях» (1838) доказывал, «...что человек покушается на свою жизнь только в состоянии умственного помешательства и что самоубийцы — помешанные» [515]. Соотечественник Э. Эскироля врач С.Е. Бурден в работе «Самоубийство как болезнь» (1845) приводил доводы в пользу того, что суицид является самостоятельной болезнью [514].

Английский медик Форбес Винслоу в книге «Анатомия самоубийства» (1840) писал, что «в большей мере, чем обыкновенно думают, предрасположенность к самоубийству происходит от расстройства мозга и органов пищеварения», причем «желудок, печень и кишечник наиболее часто являются областью патологических явлений» [517].

В СССР эти и подобные им исследования именовали «вульгарным биологизаторством в судебной медицине», «ломброзианством»¹. Следует отметить, что небольшая по объему научно-популярная книга итальянского врача-психиатра Ч. Ломброзо, посвященная особенностям «преступного человека», появилась намного позже указанных выше работ, и вопросы суицида в ней почти не рассматривались [516]. Но и после того как ученые перестали называть суицид болезнью, исследователи разных стран продолжили поиск «диагностических признаков» самоубийц.

В начале XX в. австрийский медик Антон Брош вскрыл более 370 трупов самоубийц и заявил, что в 7,6% случаев обна-

¹ Поркшеян О. Х. О вульгарном биологизаторстве в судебной медицине капиталистических стран // Судебно-медицинская экспертиза. 1986. № 1. С. 6–11; Десятов В. П., Шнайдер А. Д. К вопросу о приоритете идеологической борьбы с лженаучной теорией Ч. Ломброзо // Судебно-медицинская экспертиза. 1987. № 2. С. 7–8.

ружил явные признаки душевной болезни [146, с. 79]. К этому же периоду времени относятся исследования немецких ученых Геллера и Оллендорфа, которые изучили головной мозг 600 самоубийц, обнаружив почти у всех изменения, гиперостозы и склерозы черепа¹. Немногом позже А. И. Крюков и другие медики, исследовав черепа самоубийц, обратили внимание на преждевременное зарастание швов черепных костей (в норме швы зарастают после 50 лет, а у самоубийц — уже в молодом возрасте), образование выпуклостей, неровностей («гребешков») и вдавлений на основании черепа, истончение черепной крышки и т. п. [234, с. 56–72]. Правда, через несколько лет А. И. Крюков признал: «Долгое изучение, около 30 лет, черепов как самоубийц, так и умерших от других причин, на громадном числе судебно-медицинских вскрытий привело меня к глубокому убеждению... что дегенерация, особенно черепа, коснулась не только лиц, так или иначе покончивших жизнь, но захватила поражающее число людей на вид почти нормальных» [233, с. 706]. Похожее мнение в XIX в. высказывал итальянский исследователь Джузеппе Пели (Giseppe Peli)².

Советский судебный медик В. П. Гавриловский опубликовал результаты своих 11-летних наблюдений при экспертизе трупов самоубийц. По его мнению, главные отличия таких субъектов — это малое сердце и узость кровеносных сосудов по сравнению с общим весом всего тела, увеличенный тонус, уменьшенные надпочечники и набухание головного мозга. «Наиболее ярко и постоянно подобные изменения находились на трупах лиц, самоубийство которых с точки зрения дознания и следствия не мотивировалось» [126, с. 59–60].

Другой судебно-медицинский эксперт Д. И. Зискинд (Курская губерния) описал дегенеративные признаки черепа

¹Косоротов Д. П. Учебник судебной медицины. М.; Л., 1928. С. 297.

²Ковалевский П. И. Библиография // Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии. Харьков, 1884. Т. IV. № 2. С. 159.

«заведомых самоубийц» (1930): «В некоторых запутанных случаях, когда было весьма трудно решить вопрос, имеется ли в данном случае убийство, самоубийство или несчастный случай, совокупность вышеприведенных наблюдений позволила мне ставить дифференциальный судебно-медицинский диагноз, если позволительно так выразиться: до сих пор судебных недоразумений у меня не было» [185, с. 48–49].

Подобное заявление эксперта для той эпохи звучало вполне обоснованно. «Положение о медицинских экспертах», утвержденное народными комиссариатами здравоохранения и юстиции РСФСР 24 октября 1921 г., давало судебному медику возможность не только определять род насильственной смерти. При проведении экспертизы медицинский эксперт фактически наделялся правами следователя: он имел право требовать для обозрения все документы, относящиеся к расследуемому событию, переписку и вещественные доказательства; он мог производить осмотры местности и помещений, опрашивать потерпевших, свидетелей, сведущих лиц. Участие следователя в указанных действиях медицинского эксперта не предусматривалось [415, с. 10; 290, с. 58–59].

В середине 30-х гг. XX в., как отмечает С. Н. Еремин, вследствие неточностей инструкций Наркомздрава, регулирующих работу судебных медиков, в среде последних начало укрепляться мнение о том, что судебно-медицинский эксперт является научным судьей. Судебные медики стали вторгаться в область квалификации преступлений (убийство, самоубийство, несчастный случай) вплоть до установления вины конкретных подозреваемых [427, с. 8].

Спустя десятилетия проблема взаимосвязи суицида с заболеваниями индивида продолжала интересовать отечественных судебных медиков. Х. Г. Эрлиц отмечал: «Нередко из обстоятельств происшествия, катamnестических данных и медицинских документов и с учетом данных исследования трупа

устанавливалась очевидная связь суицидального поступка с заболеванием... В изученном нами материале в 64% суицидальных случаев были обнаружены различные хронические заболевания, которые могли быть причиной или мотивом суицидального поступка» [401, с. 134–136]. Эта информация могла бы оказать помощь и следователям.

Представляются полезными для диагностики суицида исследования В. С. Тишина (Лаборатория экспериментальной физиологии по оживлению организма АМН СССР). Он изучил случаи насильственной смерти здоровых людей, которые разделил на 5 групп по патогенетическому признаку, и установил следующее: 1) при внезапном глубоком нарушении функций центральной нервной системы, как и при мгновенно наступившей смерти, фиксируется то содержание гликогена и сахара в печени, которое имелось к моменту травмы; 2) возбуждение высших отделов центральной нервной системы (суицидальные переживания), как правило, вызывает обеднение печени углеводами и обуславливает появление сахара в моче [364, с. 6–10]. Иными словами, если самоубийству предшествовал определенный период обдумывания, подготовки к уходу из жизни, то это можно определить при соответствующих анализах, взятых у трупа.

К сожалению, изучив сборник «Следственная практика» за период 1960–1980 гг. (издание ВНИИ Генеральной прокуратуры СССР), мы не встретили ни одного указания на то, что названный В. С. Тишиным диагностический признак суицида был использован следователями. Нет таких сведений и в публикациях издания Следственного комитета РФ «Предварительное следствие».

Другим индикационным признаком суицида являются изменения в надпочечниках. В. И. Алисиевич отмечает: «Судебному медику необходимо знать признаки стимуляции нейро-эндокринной системы, которые могут быть свидетеле-

лями того, что организм перед смертью находился в состоянии стресса... Наибольшее практическое значение для диагностики состояния стресса имеют изменения в надпочечниках» [16, с. 22–24]. Для предсмертного состояния самоубийц, как правило, характерно переживание стресса [22, с. 14–19; 125, с. 133–134], что в определенных случаях может помочь отличить суицид от его инсценировки.

В связи с изложенными выше обстоятельствами в 2012 г. нами был проведен опрос руководителей бюро судебно-медицинских экспертиз в 30 субъектах Российской Федерации [44, с. 97–98]. Респондентам предлагалось ответить на два вопроса.

1. Используют ли судебные медики сведения о раннем заращивании швов черепа у лиц, покончивших жизнь суицидом, как диагностический признак склонности человека к самоубийству?

2. Используются ли в настоящее время экспертами иммуногистохимические исследования, позволяющие определить наличие депрессивного состояния у лица, совершившего самоубийство?

Второй вопрос дополнялся ксерокопией статьи судебных медиков Ю. И. Пиголкина и В. Д. Гончарука, обобщающей результаты иммуногистохимических исследований причин депрессии в России и за рубежом [298, с. 41–42].

Полученные нами ответы свидетельствуют о том, что в приказе Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 12 мая 2010 г. № 346 н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-медицинских учреждениях Российской Федерации» нет упоминаний об утвержденных сертифицированных методиках диагностики склонности к суициду по особенностям заращивания швов черепа, а также диагностики депрессивных состояний иммуногистохимическими методами, эти исследования не используются

судебно-медицинскими экспертами. В настоящее время в судебно-медицинской экспертной практике применяются медицинские технологии, разрешенные Росздравнадзором¹.

В то же время некоторые ответы позволяют сделать вывод о неоднозначности отношения экспертов к исследуемой проблеме.

Например, начальник бюро судебно-медицинских экспертиз (СМЭ) Ростовской области сообщает: «Сейчас повсеместно прослеживается нарушение последовательности зашивания швов черепа, поэтому данная методика для диагностики склонности человека к самоубийству не применяется»².

Начальник областного Мурманского бюро СМЭ считает целесообразным «назначение комиссионной судебно-медицинской экспертизы с привлечением судебного психиатра и оценкой исчерпывающих данных относительно жизни усопшего. Исследование швов черепа следует считать дополнением к уже полученным данным»³.

Некоторые респонденты указывают на отсутствие материальной базы, необходимой для проведения новейших исследований. «В государственном казенном учреждении "Курганское областное бюро судебно-медицинской экспертизы" иммуногистохимические исследования не проводятся ввиду отсутствия соответствующего оборудования»⁴.

Начальник бюро СМЭ Калининградской области сообщает: «Имуногистохимические методы исследования для нашего учреждения пока еще остаются недоступными...»⁵. О попытках экспертов провести исследования на более совершенном оборудовании говорит исполняющий обязанности начальника бюро СМЭ Архангельской области: «По поводу

¹ Клевно В. А. Медицинские технологии, используемые при производстве судебно-медицинских экспертиз: сборник медицинских технологий. М., 2012.

² Письмо № 1467 от 26 июня 2012 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

³ Письмо № 763 от 20 июня 2012 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

⁴ Письмо № 1020 от 18 июня 2012 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

⁵ Письмо № 784 от 18 июня 2012 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

диагностики депрессивных состояний начальник бюро СМЭ обращался в Институт мозга человека, куда направлялись для исследования гистологические препараты...»¹.

На наш взгляд, наиболее доказательной за последние годы научной работой в России, подтверждающей перспективу названных исследований, является монография Ф. В. Алябьева, Ю. М. Падерова и С. Ю. Кладова (2005), предназначенная для эндокринологов, а также работников следствия и суда [17].

В аннотации к книге говорится, что результаты данного исследования позволяют «с высокой долей вероятности диагностировать наличие завершеного суицида». По мнению авторов, «у самоубийц в сравнении с контрольной группой регистрируется статистически значимое увеличение массы левого надпочечника и коркового вещества левого надпочечника» [17, с. 59]. При этом «у самоубийц по сравнению с контролем снижается функциональная активность пучковой зоны левого надпочечника, а также клубочковой, пучковой и сетчатой зон правого надпочечника... Используя дискриминантный анализ, при помощи всего трех показателей морфофункционального состояния надпочечников можно со 100%-ной безошибочностью дифференцировать случаи смерти, вызванные механической травмой, и реализованную попытку суицида» [17, с. 65–66]. Эти данные могут быть полезны следователям в ситуациях неопределенности рода насильственной смерти. Однако, учитывая вышеизложенное, судебно-медицинская экспертиза в таких случаях будет проводиться с участием немногих пока в России узких специалистов.

Кроме иммуногистохимических методов эффективно диагностировать суицид можно с помощью дерматоглифических исследований. «С позиций криминалистической науки предмет дерматоглифики ориентирован на изучение кожного рельефа и представляет собой особую сферу, входящую

¹ Письмо № 2557 от 7 июня 2012 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

в систему антропологических знаний»¹. Основоположник российской криминалистической дерматоглифики В. В. Яровенко дает следующее определение: «Криминалистическая дерматоглифика — это самостоятельный раздел следоведения, изучающий признаки и характеристики папиллярных узоров, волярные поверхности кистей рук и стоп, флексорные (сгибабельные), функциональные складки и кожу человека в целом, а также их следы путем проведения следственных и розыскных мероприятий в целях определения черт характера, свойств организма, обусловленных генетическими, национальными и географическими признаками» [406, с. 61].

Дерматоглифические исследования интересуют не только криминалистов, но также медиков, антропологов, этнографов. В медицинской дерматоглифике имеются сведения об особенностях рисунков кожи рук при значительном числе заболеваний [103; 180]. В последние годы некоторые исследователи обратили внимание на особенности дерматоглифики у самоубийц, описательные признаки кожных узоров которых «имеют отличия строения гребешковой кожи по сравнению с контрольной группой» [359, с. 42]. Как новое направление в криминалистической дерматоглифике следует рассматривать психодерматоглифику, которая направлена на диагностику отклоняющегося или девиантного поведения, к последнему относят агрессивные действия по отношению к другим, употребление алкоголя, наркотиков, курение, бродяжничество, самоубийство [406, с. 156–157].

В контексте изложенного представляют интерес исследования группы российских судебных медиков, изучивших отпечатки кожных узоров стоп трупов 98 мужчин, погибших от передозировки наркотиков, а также 50 мужчин, покончивших жизнь самоубийством (по данным следствия). В качестве контрольной группы использовались отпечатки стоп трупов

¹ Криминалистика / под ред. Т. А. Седовой, А. А. Эксархопуло. СПб., 2001. С. 183.

166 мужчин, достоверно умерших от иных причин. В группе самоубийц описательные признаки дерматоглифики стоп имели значительные отличия строения гребешковой кожи по сравнению с контрольной группой. При этом был выявлен ряд однонаправленных уклонений отдельных признаков дерматоглифики у лиц, употреблявших наркотики и склонных к суициду [359, с. 41–43].

Специалисты в области судебной медицины С. А. Иваненко, А. П. Божченко, И. А. Толмачев разработали методику для диагностики предрасположенности к суициду, используя 20 наиболее информативных признаков различных участков гребешковой кожи рук и ног человека. Причем эта предрасположенность рассматривается как неустойчивость нервной системы человека в условиях хронического стресса, когда суицид только одна из составляющих неадекватного поведения человека. Как утверждают авторы, эффективность разработанных моделей при диагностике по пальцам рук составляет 83%, по пальцам ног — 82%, по ладоням — 76%, по подошвам — 74%. Эти исследования «позволяют в комплексе с другими методиками с большей эффективностью определять риск суицида в практике производства судебно-медицинских и судебно-психиатрических экспертиз, а также могут использоваться в системе профессионального отбора» [188, с. 29]. С учетом изложенного на разрешение судебной дерматоглифической экспертизы [406, с. 171] можно поставить вопрос: имеет ли дерматоглифика участков гребешковой кожи рук и ног погибшего (фамилия, имя, отчество) признаки, свидетельствующие о предрасположенности к суициду, и какие именно?

Однако, следует отметить, что «дерматоглифика как генетический маркер, является лишь предпосылкой для прогноза поведенческой и психической индивидуальности человека. Особенно успешно дерматоглифические критерии используются в спортивной медицине для профессионального отбора

в конкретные виды спорта. Но и в этом случае выявленный дерматоглифический "портрет" не является 80- или 100%-ным гарантом выдающихся спортивных достижений»¹.

В танатологии — отрасли науки, занимающейся аспектами умирания и смерти, — в настоящее время есть ряд нетрадиционных научных исследований, результаты которых требуют тщательной проверки, отработки новых методик [323, с. 92, 118–119]. В настоящее время в судебно-медицинской танатологии используется большой арсенал методов и средств диагностики, но их информативность, достоверность и объективность не всегда удовлетворяют потребности судебных медиков и следователей [353, с. 11–14]. Развитие учения о биоэнергетике организмов позволило специалистам разных стран прийти к выводу, что информационно-энергетические поля не сразу исчезают после гибели их биологического обладателя, а существуют еще некоторое время, что позволяет обнаружить их с помощью специальной аппаратуры и даже попытаться расшифровать определенную информацию, которой ранее обладал живой организм. В данном контексте особый интерес для криминалистов и судебных медиков представляет «эффект Кирлиан». В 1949 г. в СССР супруги Кирлиан зарегистрировали патент на метод фотографирования объектов в высокочастотном электрическом разряде [198]. Хотя способность различных объектов, в том числе имеющих биологическую природу, светиться в электромагнитных полях высокой напряженности известна еще с XIX в.², это явление было названо в честь российских изобретателей, которые долгое время работали над усовершенствованием приборного наблюдения свечения газового разряда, возникающего вблизи поверхности исследуемого объекта при помещении последнего в электрическое поле высокой напряженности.

¹ Письмо № 950 от 20 марта 2013 г. директора Российского Центра судебно-медицинской экспертизы Министерства здравоохранения РФ А. В. Ковалева // Личный архив Р. Г. Ардашева.

² Погорельский М. Электрофотосфены и энергография как доказательство существования физиологической полярной энергии. СПб., 1899.

«Эффект Кирлиан» использовался в экспериментальных исследованиях, проведенных в 1990-х гг. сотрудниками Санкт-Петербургского института точной механики и оптики под руководством профессора К. Г. Короткова. Он утверждает, что информационно-энергетические поля окружают тело умершего человека в течение нескольких суток после наступления смерти, постепенно исчезая. По мнению К. Г. Короткова, физические параметры этих полей с большой степенью достоверности показывают, как ушел из жизни человек: а) от естественных причин, обусловленных состоянием организма; б) от последствий неожиданных катастроф (транспортных и иных); в) вследствие самоубийства или насильственного действия преступника¹.

Все эксперименты на трупах лиц, умерших от разных причин, были проведены в одних и тех же условиях: в одном помещении, с одной и той же аппаратурой, работающей в определенном стабилизирующем режиме. Исследования проводились преимущественно с пятницы по понедельник, то есть включали трое полных суток, дважды эксперименты длились четверо суток. При опытах левую руку трупа помещали в определенном положении на электроде. В течение суток каждый час снимались газоразрядные характеристики левой кисти, указательного, среднего, безымянного и маленького пальца, что определялось конструкцией фиксирующей системы. Для компьютерной обработки каждая газоразрядная фотография снималась сканером, находящимся в определенном режиме. Полученные компьютерные образы обрабатывались при помощи специально разработанного программного обеспечения².

По утверждению К. Г. Короткова, газоразрядные кривые (показатели) трупа, фиксируемые специальной аппаратурой

¹ Валентинов А. Диагноз для покойника // Российская газета. 1995. 24 февраля; Валентинов А. Книга судеб в научной прозе // Российская газета. 1996. 20 дек.; Коротков К. Когда душа расстается с телом? // Наука и религия. 1995. № 8. С. 48–50; Коротков К. Г. Свет после жизни. СПб., 1996.

² Коротков К. Г. Свет после жизни. СПб., 1996.

не менее трех суток подряд с момента наступления смерти, продемонстрировали в экспериментах следующие особенности по названным выше группам случаев.

1. Кривые с относительно небольшой амплитудой колебаний — естественная смерть.

2. Кривые с относительно небольшой амплитудой при наличии одного ярко выраженного пика — смерть в результате катастрофы.

3. Кривые с колебаниями большой амплитуды, продолжающимися в течение длительного времени — суицид или убийство¹.

В 2002 г. К. Г. Коротков объявил о намерении «допрашивать» умерших людей: «...Мы возвращаемся к нашим старым экспериментам с покойниками, но уже на новом уровне. Если раньше мы просто облучали тела, вызывая свечение информационных полей, остающихся после смерти, то теперь попробуем "общаться" с ними, получить и расшифровать информацию, которую они накопили за время жизни человека. Несмотря на кажущуюся фантастичность такой идеи, предварительные изыскания показали, что это возможно»².

На первый взгляд, данные исследования очень перспективны для выявления вероятности вида насильственной смерти в случаях ее неопределенной диагностики. Однако оценка данного научного открытия сотрудниками правоохранительных органов и учеными свидетельствует об ином отношении к нему.

Наши запросы в правоохранительные органы г. Санкт-Петербурга, в котором живет и работает К. Г. Коротков, показали, что ГУ МВД, РУ ФСБ и управление следственного комитета РФ не используют в своей деятельности названную методику

¹ Коротков К. Г. Свет после жизни. СПб., 1996.

² Валентинов А. Разговор с покойником о физике и жизни // Российская газета. 2002. 12 апреля.

«инструментального опроса» трупов¹. О несостоятельности данной методики говорит Е. Шишов, не касаясь порочности технической стороны исследования [396, с. 82]. Академик Е. Б. Александров, возглавляющий Физико-технический институт РАН, пишет: «Надо отдать должное г-ну Короткову — часть представленных им экспериментальных данных вполне говорит сама за себя... Это тенденциозная выборка из последовательности случайных событий... Автор, называющий себя физиком, занимается газоразрядной визуализацией "ауры", всерьез пишет о "Верховном духе" и "Тонком мире", верит в медиумизм... Книга производит крайне тягостное впечатление» [13, с. 27–28].

Иными словами, открытие К. Г. Короткова является псевдонаучным как и «запатентованный» Л. М. Вильдановым способ поиска пропавшего без вести человека (или его трупа) по вещи, принадлежавшей исчезнувшему [81]. В то же время судебными медиками зарегистрирован новый тип электрической активности в органах умершего субъекта, названный медленноволновой электрической активностью (МВЭА). Этот метод используется для разработки экспертных критериев давности наступления смерти². В состоянии умирания мышцы продолжают сокращаться при их электрическом раздражении, данные посмертные реакции органов и тканей получили название суправитальных реакций³.

В целом можно прийти к выводу, что уровень современных научных знаний, прежде всего в области судебной медицины, достаточно высок для того, чтобы следователь смог принять обоснованное правовое решение по факту суицида.

¹ Ардашев Р. Г. Об одной псевдонаучной инновации // В защиту науки. 2012. № 10. С. 94–97.

² Неделько Ф. Н., Бутуханов В. В., Томилова И. Н. Динамика электрической активности некоторых органов экспериментальных животных в позднем посмертном периоде // Судебно-медицинская экспертиза. 1987. № 1. С. 12–14.

³ Локтев В. Е., Федосюткин Б. А. Определение давности наступления смерти на месте происшествия. М., 1992. С. 19.

2.2 Тактические особенности назначения и производства криминалистических экспертиз

Сведения о назначении криминалистических экспертиз при расследовании убийств, замаскированных под суицид, можно найти в работах В. С. Бурдановой, Г. Н. Мудьюгина и некоторых других авторов [265, с. 68–103; 418, с. 12–13]. Однако исследования, посвященные роли криминалистических экспертиз при расследовании убийств, сопряженных с суицидом виновных лиц, в отечественной криминалистике до последнего времени отсутствовали.

В ситуациях очевидного убийства, когда убийца покончил с собой на месте преступления или позже в другом месте, либо, когда убийца покончил с собой при задержании, и в ситуации неочевидного убийства при обнаружении трупов с признаками насильственной смерти, один из которых имеет признаки самоубийства, проводились следующие криминалистические экспертизы: баллистическая, холодного оружия, узлов, восстановления целого по частям, наложения микрочастиц, почерковедческая. О криминалистической экспертизе узлов при расследовании убийств и самоубийств упоминает Н. Майлис [253, с. 48]. При самоубийстве-утоплении в ряде случаев имеет место связывание себе рук и ног [228, с. 61]. Ю. С. Сапожников сообщает о характерных особенностях связывания рук самому себе, обычно очень отличающихся от тех, которые бывают при связывании рук другими людьми [329, с. 213]. Он пишет о таких утопленниках: «Если труп связанный, всегда следует обращать внимание на характер и особенности узлов» [329, с. 215]. Аналогичные наблюдения имеются в работе П. Реефельдта, который описывал даже двойной суицид (утопление) супружеской четы¹.

¹ Реефельдт П. Судебно-медицинское установление преступления: руководство для органов уголовного розыска, дознания и следствия. М., 1928. С. 58.

Из 11 случаев, когда подозреваемый (обвиняемый) в убийстве был задержан (заключен под стражу) и прибегнул к суициду (8 — самоповешение, 3 — вскрытие вен) ни по одному делу не назначалась экспертиза узлов или микрочастиц, находящихся на руках и одежде покойных, с целью исключения возможной инсценировки самоубийства, хотя в литературе такие случаи упоминаются¹. Не назначалась и судебно-почерковедческая экспертиза предсмертных записок, обнаруженных в камере.

В ситуациях, когда обвиняемые в совершении убийства покончили с собой в ходе судебного следствия или после вынесения обвинительного приговора в четырех из пяти случаев (самоповешение) имело место оставление предсмертных записок, которые на криминалистическую экспертизу не направлялись. В целом из 134 уголовных дел в 39 (29%) случаях обнаружены предсмертные письма (записки) убийц, по 27 из которых назначалась почерковедческая экспертиза. В двух случаях письма имели значительный объем (более 300 слов), однако автороведческой экспертизы по ним не назначалось², хотя представлялось важным получить ответ на вопрос, является ли текст спонтанным или подготовленным [129, с. 5].

Ни по одной из 27 экспертиз предсмертных писем убийц не было попыток установления времени исполнения документа, хотя в некоторых случаях судебно-техническая экспертиза документа могла бы, на наш взгляд, исключить инсценировку суицида (использование убийцей текстов, написанных «суицидентом» при раздумьях об уходе из жизни задолго до расследуемого события).

¹ Сайков В. И. Преступления без наказания. Иркутск, 2009. С. 82–84.

² Так произошло в случае с Владимиром Стуйной-Гуськовым, входившим в состав банды, убившей 9 человек. Стуйна покончил с собой и малолетним сыном, оставив прокурору большое предсмертное письмо, содержание которого позволило арестовать и осудить всю преступную группу. См. Уголовное дело № 2-19/2001 // Архив Нижегородского областного суда, 2001; Уголовное дело № 1-24/2001 // Архив Вильнюсского окружного суда, 2001. — *Примеч. Р. Г. Ардашева.*

Назначение указанных экспертиз в отношении происхождения предсмертной записки позволяет проверить следующие версии: 1) записка написана перед смертью и в связи с решением покончить жизнь самоубийством; 2) записка написана ранее, но решение о суициде действительно было и к моменту смерти не изменилось; 3) записка написана другим лицом; 4) записка написана потерпевшим, но текст составлен другим лицом¹.

При расследовании убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом, которые были совершены с применением огнестрельного оружия, назначаются судебно-баллистические экспертизы для выявления пригодности оружия к стрельбе, давности последнего выстрела, расстояния, с которого производились выстрелы и т. п. При сопоставлении с другими материалами уголовного дела эта информация помогает установить картину события, а также разоблачить возможную инсценировку [341, с. 479–480]. Также необходимо проведение комплексных экспертиз снарядов (дробь, пуля).

Так, бывший член фермерского хозяйства Ш. застрелился в своем доме из обрезка охотничьего ружья 12-го калибра. В тот же день на открытой местности (поле) были обнаружены трупы фермеров С. и Ч. с огнестрельными ранениями. Комплексная экспертиза дроби и пуля, извлеченных из трупов Ш., С. и Ч. показала, что они имеют одинаковый качественный элементный состав, как и фрагменты пыжей, внедрившихся в тела покойных. Эксперты-баллисты выявили признаки недавних выстрелов из обрезка Ш. Впоследствии было доказано, что преступление Ш. совершил из мести, поскольку потерпевшие не желали возвращать ему долг².

¹ Квитко Н., Холопова Е. Особенности отдельных видов судебно-психологических экспертиз по факту самоубийства [Электронный ресурс] // Право и жизнь. 2002. № 46 (2). URL: <http://www.law-n-life.ru/index.php/ru/m-arhiv-ru-ru/m-arhiv1-end-ru-ru> (дата обращения: 31.08.2016).

² Уголовное дело № 2007227676 // Архив Каменского межрайонного СО СУ СК РФ по Ростовской области за 2008 г.

На первоначальном этапе расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом, часто назначают дактилоскопические экспертизы с целью установления личности преступника (когда на месте происшествия находятся только трупы потерпевших).

Так, 28 февраля 2013 г. в квартире дома по ул. Аэродромной в г. Санкт-Петербурге были обнаружены с огнестрельными ранениями головы тела проживавших там Сабины Р. и ее малолетней дочери Арины. На причастность к совершению данного преступления сотрудники органов внутренних дел пытались проверить бывшего мужа Сабины – Олега Р., автомобиль которого они остановили в г. Волхове Ленинградской области. После блокировки его автотранспорта Олег Р. покончил с собой, выстрелив себе в голову из обреза двуствольного охотничьего ружья 16-го калибра. Судебная дактилоскопическая экспертиза установила наличие отпечатков пальцев Олега Р. в жилье потерпевших, а в ходе расследования его вина в содеянном была убедительно доказана¹.

При расследовании дел названной категории иногда назначаются трасологические экспертизы следов ног.

Так, ранним утром 10 сентября 2012 г. Петр И., вооружившись охотничьим самозарядным ружьем 12-го калибра, пришел в дом, где находились его дети, жена и родители жены (всего пять человек). На почве неприязненных отношений, обусловленных длительным пьянством И. и твердым намерением супруги расторгнуть с ним брак, Петр И. убил всех пятерых потерпевших, а позднее застрелился сам. В качестве одного из доказательств вины И. следователь привел заключение № 360 трасологической экспертизы: след обуви, обнаруженный на фрагменте доски крыльца дома, где были убиты потерпевшие, мог быть оставлен кроссовком на левую ногу, изъятым с трупа Петра И.²

¹ Уголовное дело № 99139 // Архив следственного отдела по Приморскому району ГСУ СК РФ по г. Санкт-Петербургу за 2013 г.

² Уголовное дело № 560458 // Архив следственного управления СК РФ по Республике Хакасия за 2013 г.

По семи уголовным делам об убийствах могла бы иметь существенное значение реконструкция события, для которой важно было провести комплексные экспертизы по исследованию места происшествия (которые в криминалистической литературе называют ситуалогическими или ситуационными)¹. Однако для проведения таких комплексных экспертиз объективно требуются качественные материалы (подробные протоколы осмотров места происшествия и трупа с множественными цветными фотоснимками и проведенными видеозаписями обстановки; подробные заключения судебных экспертиз, иллюстрированные соответствующими наглядными приложениями) [79, с. 12–13; 326, с. 255], что ни в одном из изученных случаев не имело места. Согласимся с мнением Ю. В. Корневского: «То, что не было сделано в первые дни и даже часы, "по горячим следам", невозможно потом наверстать, восполнить, несмотря на долгие месяцы напряженной кропотливой работы» [221, с. 67].

Следователь всегда должен помнить, что простота механизма некоторых убийств и актов суицида не означает, что простые явления одинаковы. При изучении материальной обстановки и воссоздании по ней механизма преступления приходится сталкиваться со множеством типов и форм процессов, поскольку каждая обстановка места происшествия отличается от других своей структурой, количеством элементов и связей, взаиморасположением этих элементов [190, с. 146]. К сожалению, экспертные криминалистические ситуационные исследования в современной России пока не получили развития, что вызывает немало вопросов у работников правоохранительных органов, в том числе и по исследуемой нами теме [112; 158].

Так, В. Е. Лапшин рекомендует назначать экспертизу места происшествия «либо сразу после следственного осмотра

¹ Хазиев Ш. Возможности судебно-трасологической экспертизы // Социалистическая законность. 1991. № 12. С. 37.

места происшествия, либо параллельно с последним» [452, с. 11]. При этом, по его мнению, «предметом экспертизы места происшествия является установление отдельных элементов события совершенного преступления, отдельных деталей ситуации при решении задач, связанных с исследованием материальных отображений в вещной обстановке места происшествия, объектом — сама вещная обстановка места происшествия» [452, с. 10].

Необходимо отметить, что здесь речь может идти только о криминалистических аспектах и не касаться судебно-медицинских (трупы потерпевших и убийцы, покончившего жизнь самоубийством, должны исследоваться в первую очередь судебными медиками). Кроме того, нередко имеют место случаи, когда при вскрытии трупов, изъятых с места происшествия, выявляется совсем иная судебно-медицинская характеристика содеянного, нежели это представлялось ранее при осмотре места происшествия [304, с. 54–74; 329, с. 59–240]. Анализ следственной практики по делам об убийствах показывает регулярно повторяющиеся недочеты при проведении осмотра места происшествия и трупа [223, с. 22], когда род смерти (убийство) устанавливается не при осмотре, а только после судебно-медицинского исследования трупа. Все это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что ситуалогическая экспертиза по делам об убийствах, сопряженных с суицидом подозреваемого на месте происшествия, может быть только комплексной (медико-криминалистической) [339, с. 480], а ее назначение должно быть обусловлено наличием существенной доказательственной информации, с которой предстоит работать экспертам.

Так, следы крови выступают в качестве объекта исследования криминалистической экспертизы в случаях отражения в них размеров, конфигурации и других особенностей внешнего строения того или иного предмета (его частей). Тогда кровь интересует эксперта-криминалиста только в как краси-

тель, который передает информацию о внешних признаках идентифицируемого предмета. Так, совершенно правы А. А. Протасевич, Д. А. Степаненко и В. И. Шиканов в своем утверждении, что исследование формы следов крови относится именно к компетенции специалистов в области судебной медицины, поскольку в основе их изучения лежат сугубо медицинские знания, позволяющие учитывать свойства телесных повреждений, вызвавших кровотечение, и другие важные сведения анатомического и физиологического характера [312, с. 171].

Удлинение сроков проведения медико-криминалистических (ситуалогических) экспертиз вызвано, как правило, тем, что недостаточно четко проработаны вопросы взаимодействия судебно-экспертных учреждений разных ведомств.

2.3 Проблемы назначения и проведения судебно-психиатрических, судебно-психологических, судебных психолого-психиатрических экспертиз

По подсчетам специалистов в настоящее время теми или иными психическими заболеваниями в России страдает около 30% населения, т. е. примерно 50 млн человек [227, с. 171]. Как отечественными, так и зарубежными авторами выявлена определенная взаимосвязь аутоагрессивности (склонности к самоповреждениям и суициду) и склонности к агрессии [23, с. 91–102]. В. М. Блейхер, И. В. Крук [494] относят стремление к убийству, самоубийству и самоувечью к «неодолимым влечениям», которые вызывают сильнейшее патологическое стремление к их реализации и удовлетворению. По меткому выражению Ж.-Б. Делиля де Саля, «от охоты умереть легко перейти к охоте убивать» [281, с. 294]. Известный психоаналитик К. Меннингер утверждает, что побуждения к самоубийству состоят: а) из желания убить; б) желания быть убитым; в) желания умереть [503, с. 776].

Согласно исследованиям П. М. Попова, многие больные шизофренией, совершившие особо опасные действия (убийства), в дальнейшем при ремиссии обнаруживали выраженные и стойкие суицидальные тенденции [306, с. 36–37]. У подавляющего большинства таких больных опасные действия провоцировались неблагоприятной бытовой ситуацией, конфликтами с окружающими людьми, реже — алкогольным опьянением [405, с. 51]. По наблюдениям П. М. Попова и И. В. Самсоновой, больные шизофренией с суицидальными проявлениями достоверно более склонны к совершению опасных действий, направленных против жизни окружающих [305, с. 64–73]. В. М. Шумаков пишет, что вероятность риска опасных действий в отношении окружающих может теоретически в 142 раза превышать вероятность отсутствия риска опасных действий, если больной имеет мужской пол и возраст до 20 лет, страдает параноидной формой шизофрении, продолжительность которой составляет до 5 лет, имеет начальный уровень образования и занят неквалифицированным трудом¹. Однако такие же действия в отношении себя и других лиц могут совершать и субъекты, чья вменяемость подтверждена судебно-психиатрическими экспертизами [266, с. 45–64; 431]. Риск суицидальности возрастает при некоторых личностных особенностях, например, таких как невротизм и импульсивность, последняя может быть как устойчивой личностной чертой человека, так и состоянием, вызванным употреблением алкоголя [273, с. 26].

В контингенте лиц, совершивших убийство, сопряженное с суицидом, велико число психопатов. Психопатией называется аномалия характера, относящаяся к области психологического дефекта, а не к психопатологическим нарушениям, поскольку кроме врожденных факторов в формировании патологических черт характера принимают участие социальные условия [116,

¹ Шумаков В. М. Клинические и социально-демографические характеристики больных шизофренией, совершавших общественно-опасные действия: автореф. дис. ... д-ра мед. наук. М., 1975. С. 34.

с. 113–114]. Исследователи выделяют две основные группы психопатий: экспансивного круга (истероидный, эпилептоидный, неустойчивый, гипертимный типы) — таких лиц характеризует резкость, напористость, несдержанность, пренебрежение к окружающим, конфликтность, стеничность, резко завышенная оценка своих личностных качеств) и астенического круга (астеноневротический, шизоидный, психастенический, сенситивный типы) — их объединяет стеснительность, уступчивость, социальная робость и проблемы с приспособлением к социуму [199, с. 163–185]. Психопаты бурно реагируют на ничтожные раздражители, легко совершают убийства близких в споре [26, с. 96], могут быть склонны к суициду [152, с. 36].

Для выявления обстоятельств факта самоубийства (посткриминальный суицид и др.) и исключения его криминальной инсценировки, а также для определения возможности доведения до самоубийства назначаются судебные посмертные экспертизы психики (психологические, психиатрические, психолого-психиатрические) [209, с. 38–40].

Объектом судебно-психологической (комплексной психолого-психиатрической) экспертизы по факту самоубийства является психическое состояние подэкспертного лица, предшествовавшее самоубийству [333, с. 560].

Степень выраженности суицидальных проявлений, темп их развития и устойчивость в значительной мере определяются структурой и тяжестью психопатологических расстройств [305, с. 70–71]. При сомнениях относительно рода насильственной смерти, как отмечают Т. П. Печерникова и Т. Н. Туденева, следователи могут принимать во внимание следующие признаки, говорящие о высоком риске завершеного самоубийства: а) наличие депрессивного расстройства незадолго до смерти; б) суицидальные тенденции (особенно попытки) в сходных ситуациях как на протяжении всей жизни, так и в

последнее время; упоминание в высказываниях незадолго до смерти способа суицида; в) значительная представленность субъективно психотравмирующего конфликта в высказываниях или письменной продукции суицидентов незадолго до смерти, относительная «стабильность» этих переживаний, фиксированность на них; г) субъективная оценка невозможности разрешения конфликта несуйцидальным способом [297, с. 19].

Предсмертные письма убийц (п. «в» указанных признаков) могут содержать сведения, позволяющие следователям получить ценную информацию по предмету доказывания, а экспертам-психиатрам — оценить психическое здоровье суицидента [207, с. 2–4; 241, с. 57–62]. Однако далеко не всегда такие письма исследуются должным образом.

Так, И., вооружившись охотничьим ружьем, ножом и топориком, совершил 10 сентября 2012 г. убийства 5 человек (бывшей жены, ее родителей и своих двоих малолетних детей), после чего написал предсмертное письмо с объяснением мотивов содеянного, которое вместе с крупной денежной суммой подбросил на крыльцо дома соседей, а сам застрелился. При проведении посмертной судебно-психиатрической экспертизы, признавшей И. вменяемым психопатом с синдромом алкогольной зависимости, данное письмо не было объектом исследования экспертов¹.

В России за последние 20 лет наблюдается рост актов педофилии, сопряженных с убийством потерпевших, которые нельзя отнести к случаям классического детоубийства². Нередки случаи убийства детей не по сексуальным мотивам, а из хулиганства, по корыстным побуждениям и т. п. Значительное число малолетних умерщвляется невменяемыми лицами, здесь речь идет уже не о мотивации в ее

¹ Уголовное дело № 560458 // Архив следственного управления СК РФ по Республике Хакасия за 2013 г.

² Челищева В. Все больше возбуждается дел // Новая газета. 2012. 25 мая.

истинно психологическом понимании, а о тех побудительных моментах, которые лежат в основе поступков психических больных, в том числе их общественно-опасных деяний. «Это значит, что нужно учитывать иллюзии, галлюцинации, бредовые и "сверхценные" идеи, патологическое усиление или ослабление волевой активности и т. п.»¹. Подобные деяния совершаются и при сумеречном помрачении сознания — негативном изменении нормального функционирования сознания, отличительными чертами которого являются дезориентация в окружающем мире, вызывающие страх галлюцинации и проявление агрессии².

Можно уверенно утверждать, что распространенность в Российской Федерации самоубийств лиц, умертвивших до суицида малолетних, достоверно не изучена³. Нет сведений и о том, сколько таких суицидентов страдали различными психическими заболеваниями и расстройствами, поскольку посмертная судебно-психиатрическая экспертиза в названных случаях назначается далеко не всегда. Нами выборочно была изучена практика правоохранительных органов в 41 субъекте РФ, что позволило прийти к следующим выводам.

1. Посмертная судебно-психиатрическая (психолого-психиатрическая) экспертиза суицидентов, умертвивших детей, в ряде случаев не назначалась, потому что уголовные дела не возбуждались «в связи со смертью виновного лица».

2. Посмертные экспертизы психики не назначались и после возбуждения уголовного дела, поскольку следователь считал, что дело «не имеет судебной перспективы» и что сбор ретроспективных материалов о личности суицидента требует значительного времени и усилий. В то же время существующие пособия и методические указания прямо обязывают следственных

¹ Улицкий С. Квалификация общественно опасных деяний невменяемых // Законность. 2003. № 11. С. 22.

² Большая психологическая энциклопедия. М., 2007. С. 448.

³ Осолкова С. Н., Печенкина О. И. К вопросу о суицидальном поведении больных психозами, совершивших агрессивные общественно опасные деяния // Российский психиатрический журнал. 2009. № 1. С. 10–15.

работников назначать такие посмертные экспертизы, для чего требуется качественная обширная информация¹.

3. В случаях проведения посмертных судебно-психиатрических и психолого-психиатрических экспертиз по делам о суициде лиц, умертвивших детей, при наличии достаточного количества собранных материалов эксперты приходили к самым разным выводам (о личности суицидента, мотивации содеянного и суицида), которые имели научное обоснование.

Так, жительница г. Новокузнецка Л., проживавшая вместе с престарелой матерью и двумя малолетними детьми, была обнаружена повесившейся в своей квартире, где находились трупы задушенных членов ее семьи и две записки, исполненные ее рукой. В процессе посмертной судебно-психиатрической экспертизы (№ 516/11) установлено, что Л. страдала психическим расстройством в форме аффективно-бредового состояния, проявляющегося колебаниями настроения, что стало причиной умерщвления родных и суицида².

Гражданин Т. нанес малолетней Г. ряд ударов топором, причинив смерть, а после задержания сотрудниками МВД утверждал, что «...пытался зарубить черта», вел себя неадекватно. Придя в себя и узнав о совершении им убийства девочки, Т. очень расстроился и повесился в камере изолятора временного содержания. По заключению экспертов-психиатров, Т. находился в просоночном патологическом состоянии. «Находясь в помраченном сознании при отсутствии контакта с окружающими, Т. «гонялся за чертом», наносил ему ранения топором... После содеянного у него наблюдалась реакция растерянности (он не понимал, что совершил), а в последующем — осознание случившегося, что могло послужить причиной суицида»³.

¹ Холодковская Е., Боброва И. Какие материалы нужны для судебно-психиатрической экспертизы // Социалистическая законность. 1979. № 3. С. 45–46; Холодковская Е., Коканбаева Р. Значение материалов уголовных дел для судебно-психиатрического заключения // Социалистическая законность. 1983. № 3. С. 49–50.

² Уголовное дело № 11240172 // Архив следственного отдела по г. Новокузнецку Кемеровской области за 2011 г.

³ Уголовное дело № 11240248. Т. 2. Л. д. 22–24 // Архив следственного отдела г. Новокузнецка СУ СК РФ по Кемеровской области за 2011 г.

Ранее судимый за совершение развратных действий М. похитил 6-летнюю Н., труп которой через полтора месяца был обнаружен в окрестностях г. Иркутска в состоянии сильных гнилостных изменений, что не позволило судебным медикам точно определить причину смерти (предположительно это было удушение руками). При попытке задержания работниками милиции М. демонстративно бросился под колеса двигавшегося грузового автомобиля, отчего погиб на месте. Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза пришла к выводам, что мотивом похищения девочки и ее убийства явились сексуальные побуждения М., находившегося во вменяемом состоянии, а суицид подозреваемого был обусловлен страхом расплаты за содеянное¹.

Более века назад Э. Дюркгейм писал, что если в акте самоубийства и присутствуют какие-либо субъективные аспекты, представляющие отдельный интерес, так это та мотивация, которая толкнула человека на данный поступок [165, с. 39–42]. В контексте сказанного большой интерес представляют возможности судебно-психологической экспертизы при расследовании убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом виновного лица.

В первую очередь мы говорим не об очевидном деянии, совершенном в одном месте и почти в одно и то же время [204, с. 70–72], а когда причастность суицидента к убийству требует обширного комплекса оперативно-разыскных мероприятий и процессуальных действий. В. В. Донцов в диссертационном исследовании указал на трехчленную структуру процесса установления убийц, составными частями которого являются следующие этапы: 1) выявление убийства; 2) выявление лица, совершившего убийство; 3) изобличение указанного лица в совершенном преступлении [425, с. 11–12]. Но в изучаемых нами случаях пункты 2 и 3 следователь должен отрабатывать при отсутствии живого подозреваемого (что нередко является сложнейшей задачей со многими неизвестными).

¹ Уголовное дело № 14284 // Архив прокуратуры Ленинского района г. Иркутска за 1983 г.

Вопросы посмертной судебно-психологической экспертизы суицидентов в нашей стране довольно активно обсуждались процессуалистами, психологами, криминалистами, высказывавшими разные точки зрения. Н. А. Селиванов допускал при ее производстве такую формулировку вопроса: находилось ли данное лицо в период, предшествующий его смерти, в психическом состоянии, предрасполагавшем к самоубийству, и если да, то в чем конкретно это выражалось?¹ М. М. Коченов советовал выяснять у эксперта: если исследуемое лицо находилось в предшествующий смерти период в предрасполагающем к самоубийству состоянии, чем это состояние могло быть вызвано [225, с. 182]. В. Ф. Енгальчев решительно высказывается за активное участие эксперта-психолога в решении вопроса о роде смерти человека [167, с. 420–430].

Ф. С. Сафуанов предлагает назначать посмертную судебно-психологическую экспертизу при наличии доказанности факта самоубийства [332, с. 170–171]. Он не считает нужным ставить перед экспертом вопрос о том, какие индивидуально-психологические особенности подэкспертного лица могли способствовать принятию им решения о самоубийстве. По его мнению, ответ на этот вопрос является обязательным компонентом экспертного заключения при квалификации психического состояния лица в период, предшествующий суициду [332, с. 177–178]. С таким утверждением нельзя согласиться, поскольку выявление индивидуальных психологических особенностей подэкспертных имеет важнейшее диагностическое значение при проведении не только посмертных экспертиз, но и других видов судебно-психологической экспертизы [169, с. 43; 202, с. 15–16].

Ф. С. Сафуанов считает неправильной формулировку вопроса о том, находился ли подэкспертный в период, предшествующий смерти, в психическом состоянии, располагающем

¹ Селиванов Н. А. Некоторые вопросы судебно-психологической экспертизы // Советская юстиция. 1984. № 12. С. 11–12.

к суициду, поскольку «трудно оценивать какое-либо психическое состояние человека как предрасположение к самоубийству» [332, с. 176]. Однако существует немало «трудных» ситуаций, с которыми сталкиваются различные эксперты, к тому же врачами-суицидологами уже давно разработаны методические рекомендации для диагностики суицидального поведения [20], а предпосылки такого поведения на протяжении многих лет являются объектом исследования ученых из разных стран [127, с. 87–91; 196, с. 15–20; 235, с. 29–35; 340, с. 87–89; 373, с. 29–32]. По логике Ф. С. Сафуанова, если уголовно наказуемые действия виновного лица доказаны следователем, то уже нет необходимости в проведении экспертных психологических исследований. Однако роль эксперта-психолога крайне важна в ситуациях расследования гибели людей при отсутствии цельной, убедительной совокупности доказательств, позволяющей представить всю картину события [441, с. 170–171]. Что касается установления мотива суицида, то оно всегда представляло сложность для исследователей, но это не может служить препятствием для квалифицированных экспертов в даче ими заключения.

Таким образом, в постановлении о назначении посмертной судебно-психологической экспертизы или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы по рассматриваемой категории уголовных дел должно быть сформулировано как минимум два вопроса.

1. В каком психическом состоянии находился подэкспертный в период, предшествующий самоубийству?

2. Существует ли причинно-следственная связь между действиями подэкспертного (убийство) и его психическим состоянием в период, предшествующий самоубийству?

Следует согласиться с мнением В. Н. Китаевой, считающей актуальным проведение посмертных судебно-психологических экспертиз по делам об убийствах, в которых:

а) отсутствуют предсмертные письма самоубийц;

б) нет очевидцев убийства и достаточно полной картины, позволяющей судить о событии преступления и его виновнике;

в) следователь и оперативные сотрудники располагают только отрывочной информацией, требующей надлежащей проверки (сведений от агентов МВД, родных, знакомых и сослуживцев лица, покончившего с собой и т. п.) [208, с. 2–3; 209, с. 38–40].

Роль эксперта-психолога здесь трудно переоценить, т. к., по наблюдению С. В. Бородина и А. С. Михлина, «лица, опасющиеся уголовной ответственности, стараются довести свое намерение до конца... Самоубийства даже с предсмертными записками о невинности встречаются и по делам с бесспорно доказанной виной» [102, с. 38].

Важным является и решение вопроса о том, на каком этапе расследования необходимо назначать посмертную судебно-психологическую или комплексную судебную психолого-психиатрическую экспертизу. Общее тактическое правило, позволяющее определить момент назначения любого вида судебной экспертизы, заключается в том, что она должна назначаться своевременно и проводиться без промедления как только: 1) появились вопросы, для разрешения которых требуются специальные знания; 2) собраны материалы, необходимые для дачи заключения экспертом [257, с. 91].

Судебно-психологическую экспертизу (комплексную психолого-психиатрическую экспертизу) нецелесообразно назначать на первоначальном этапе расследования, когда не собраны все необходимые сведения о личности обследуемого, а также в конце предварительного расследования, так как заключение эксперта позволяет определить ряд обстоятельств совершенного преступления, и влияет на формирование следователем окончательных выводов по делу.

В зависимости от того, имеются на момент возбуждения уголовного дела сведения о личности преступника или же

информация о нем появилась к концу первоначального этапа расследования, посмертная судебно-психологическая (комплексная психолого-психиатрическая) экспертиза убийцы-суицидента должна назначаться соответственно либо в конце первоначального этапа расследования, либо на последующем этапе расследования, но не перед самым его окончанием.

Определяющим моментом для вынесения постановления о назначении такой экспертизы является наличие достаточного материала, на основе которого возможно производство посмертной судебно-психологической (комплексной психолого-психиатрической) экспертизы.

Именно поэтому следует признать неверной рекомендацию назначать посмертную судебно-психологическую (комплексную психолого-психиатрическую) экспертизу на этапе проверки сообщения о преступлении (ст. 144 УПК РФ) [332, с. 290].

В соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ, следователь вправе назначить судебную экспертизу, но это неприменимо в отношении судебных экспертиз по исследованию психической деятельности лиц, интересующих органы следствия. Собрать все необходимые для полноценного психологического или психолого-психиатрического исследования материалы без возбуждения уголовного дела и производства необходимых следственных действий (допрос, выемка и др.) практически невозможно.

Эксперты-психологи отмечают, что «практика обращения к экспертам на этапе доследственной проверки, как правило, сопряжена с недостаточной полнотой и качеством источников экспертного исследования, что, в свою очередь, актуализирует проблему доказательности формулируемых психологами и психиатрами выводов» [350, с. 79].

Для разрешения данной ситуации в 2011 г. руководство Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени В. П. Сербского в информационном письме указало на недопустимость подобной практики в работе следственных органов и рекомендовало руководителям судебно-психиатрических экспертных учреждений отказываться от исполнения поручений о проведении исследований на доследственном этапе [399, с. 8].

Однако на тот период времени УПК РФ не предусматривал полномочий следователя назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок в ходе проверки сообщений о преступлениях. Такое право следователь получил, когда Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ была изменена редакция ст. 144 УПК РФ. Однако эти изменения не влияют на практическую возможность следователя собрать полный материал для производства судебно-психологической (комплексной психолого-психиатрической) экспертизы только после возбуждения уголовного дела.

В ситуациях посткриминального суицида убийц особое значение имеют подробные показания очевидцев совершенного преступления, а если свидетелями являются малолетние, то им необходимо назначать судебно-психологическую экспертизу, что окажет существенную помощь следователю в обоснованной оценке показаний данных лиц [206, с. 161].

Так, при расследовании уголовного дела в отношении Т., совершившего жестокое убийство ребенка и затем покончившего с собой, единственным очевидцем деяния был 9-летний К. (внук подозреваемого). Он дал подробные показания, после чего следователь назначил К. психолого-психиатрическую экспертизу. Эксперт-психолог отметил, что у К. нет повышенной склонности к фантазированию и лжи, таких нарушений внимания, восприятия, памяти, мышления, которые препятствовали бы его способности восприни-

мать внешнюю сторону событий. К. мог правильно воспринимать важные для дела обстоятельства и давать о них показания¹. Данное заключение экспертов было учтено следователем при вынесении постановления о прекращении уголовного дела.

И. В. Махова утверждает: «Для того чтобы оценить правдивость показаний свидетеля, нет необходимости в назначении и производстве судебно-психологической экспертизы» [252, с. 85]. Однако, если следователь не будет располагать необходимой индивидуальной характеристикой личности свидетеля, составленной в процессе психологических экспертных исследований, он не сможет надлежаще оценить качество показаний, полученных от допрошенного лица. Поэтому мы солидарны с компетентным мнением О. Д. Ситковской: «При экспертизе свидетельских показаний психолог может предъявить доводы "за" и "против" их психологической достоверности, которые, как и любой другой вывод эксперта, подлежат оценке и проверке следствием и судом. Поэтому речь не идет о подмене деятельности суда в оценке достоверности показаний» [346, с. 56].

Причинами, препятствующими проведению судебно-психологических экспертиз по делам названной категории можно назвать следующие.

1. Невысокая психологическая культура субъектов уголовного процесса, когда психологическая экспертиза подменяется судебно-психиатрической или психолого-психиатрической [206, с. 76–94]. Это обусловлено непониманием возможностей психологической экспертизы, следовательно, и отсутствием правильного толкования ее результатов.

2. Недостаточная организационно-правовая обеспеченность проведения судебно-психологической экспертизы. В большинстве субъектов РФ государственные судебно-

¹ Уголовное дело № 11240248 // Архив СО г. Новокузнецка СУ СК РФ по Кемеровской области за 2011 г. Т. 1. Л. д. 255–258.

экспертные учреждения не имеют должностей экспертов-психологов, которые могут самостоятельно проводить такие исследования (психологи, входящие в комиссии по проведению судебных психолого-психиатрических экспертиз, не принимаются во внимание ввиду их узкой подготовленности и несамостоятельности). Проведение же судебно-психологических экспертиз негосударственными экспертами зачастую влечет получение следователями платных «заказных» заключений, далеких от профессионализма и объективности [384, с. 356–360].

На сегодня учеными выявлены общие нейropsychологические механизмы суицидального и агрессивного поведения, проявляющиеся в преобладании активности правого полушария головного мозга [189, с. 22]. За последние десятилетия были обнаружены некоторые молекулярно-генетические механизмы предрасположенности к суицидальному поведению и его реализации [127, с. 87–91]. Все это, на наш взгляд, может быть использовано при проведении экспертиз психики убийц, совершивших посткриминальный суицид (как посмертных исследований, так и в отношении живых лиц, покушавшихся на самоубийство) [235, с. 29–35]. Существенную помощь для экспертов (психиатров и психологов) в таких ситуациях могут оказать результаты иммуногистохимических исследований, применяемых в судебно-медицинской диагностике депрессивных состояний.

Вышеизложенное позволяет сделать следующие заключения.

1. Для убедительности выводов судебно-медицинской экспертизы трупа убийцы-суицидента в случаях наступления смерти от асфиксии в результате самоповешения необходимо использовать статистико-вероятностный метод, а также морфологические методы исследования. Заключение судебно-медицинской экспертизы трупа, при производстве которой

использовались данные методы, позволит следователю сделать обоснованный вывод о том, наступила ли смерть подозреваемого (обвиняемого) от самоубийства или имело место его инсценировка.

2. Доказательственная ценность заключений судебно-медицинской экспертизы вещественных доказательств по уголовным делам об убийствах, в том числе сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, подтверждается многолетней положительной следственной практикой. Однако в ситуации неочевидного убийства, при отсутствии подозреваемого, вещественные доказательства биологического происхождения хранятся часто в ненадлежащих условиях либо теряются. Следователю, особенно имеющему небольшой опыт работы, необходимо чаще прибегать к помощи специалиста в области судебной медицины для правильного изъятия объектов биологического происхождения, а также обследования мест их хранения и определения, соответствуют ли условия их хранения необходимым требованиям.

3. В ситуациях неопределенности рода смерти для диагностики суицида могут быть привлечены различные методы патолого-анатомических, антропологических исследований. Некоторые из этих методов и методик получили научное обоснование, но еще не внедрены широко в экспертную практику (иммуногистохимические, методы медицинской дерматоглифики). Однако существуют широко пропагандируемые методы исследования трупа, которые, по сути, являются лженаучными («эффект Кирлиан», «методика инструментального опроса» трупа К. Г. Короткова). В связи с этим следователям, назначающим дерматоглифическую судебно-медицинскую экспертизу трупа, нужно иметь представление о современных методах и методиках экспертного исследования, о том, рекомендованы ли они головным государственным судебно-экспертным учреждением РФ определенного профиля

к применению, соответствуют ли предъявляемым к экспертным методам и методикам требованиям, выработанным в судебной экспертологии. Для решения данных вопросов следователю могут понадобиться консультации специалиста в соответствующей области специальных знаний.

4. В процессе расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, как правило, назначаются и проводятся такие виды криминалистических экспертиз, как трасологическая (дактилоскопическая, следов ног, целого по его частям, узлов и др.), судебно-баллистическая, криминалистическая экспертиза холодного оружия, почерковедческая, а также судебные экспертизы из класса КЭМВИ.

Вместе с тем проведенное нами исследование показало, что следователи не всегда, когда это требуется для установления определенных обстоятельств совершенного преступления, используют возможности указанных видов судебных экспертиз. В частности, по ряду изученных уголовных дел об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, не назначались экспертиза узлов, почерковедческая экспертиза посмертных записок, экспертиза микрочастиц (КЭМВИ).

Кроме того, для решения идентификационной задачи по установлению автора предсмертного письма не назначались автороведческие экспертизы, а также не проводилась технико-криминалистическая экспертиза предсмертных записок для установления абсолютной давности документа.

5. Предложения некоторых авторов проводить криминалистическую экспертизу места происшествия нельзя считать обоснованными. По делам об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом убийцы, решение ситуационных задач, когда обстановка места происшествия выступает одним из объектов исследования, возможна в рамках уже существующих

ющих экспертиз, зачастую носящих комплексных характер, например, в рамках медико-криминалистической экспертизы, решающей, в частности, вопросы о возможности причинения определенных повреждений с учетом определенных условий.

6. Для проверки версии о том, что посткриминальный суицид подозреваемого обусловлен совершенным им убийством, необходимо обязательно назначать посмертную психолого-психиатрическую или судебно-психологическую экспертизу. Заключение такой экспертизы позволит установить мотив самоубийства, а также обосновать выводы о мотиве убийства.

7. Нецелесообразно назначать посмертную психолого-психиатрическую или судебно-психологическую экспертизу на стадии проверки сообщения о преступлении. Из-за невозможности провести ряд следственных действий до возбуждения уголовного дела (допрос, выемка, обыск, очная ставка и др.), следователь не соберет достаточно сведений о психическом состоянии подозреваемого. Неполнота материалов о личности подозреваемого приведет либо к отказу экспертов от дачи заключения, либо к ошибкам, что, в свою очередь, может повлечь за собой неправильные выводы следователя.

8. Малолетним свидетелям-очевидцам по делам об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом убийцы, следует назначать судебно-психологическую экспертизу, заключение которой позволит оценить, могли ли они правильно воспринимать обстоятельства совершенного преступления и давать о них показания. При этом эксперт-психолог не подменяет субъекты доказывания в оценке достоверности свидетельских показаний, напротив, его заключение облегчает такую оценку, делает ее объективной.

ГЛАВА 3

Посткриминальный суицид убийц: отдельные направления расследования

3.1 Классификация посткриминального суицида серийных и массовых убийц

Для современных ученых-криминалистов по-прежнему актуальным является углубленное изучение накопленных знаний о преступлениях против жизни и здоровья¹.

В контексте сказанного большой интерес представляет проблема изучения случаев самоубийства серийных убийц, поскольку она не нашла отражения в монографиях и диссертационных исследованиях, посвященных расследованию серийных убийств, В. Н. Исаенко, А. Л. Протопопова, А. С. Фоминой и других авторов².

В указании первого заместителя Генерального прокурора РФ от 17 февраля 2003 г. № 28/5-43-2003 «О введении единого учета серийных убийств и других особо тяжких преступлений» отмечается, что в качестве серийных преступлений надлежит рассматривать совокупности (два и более эпизода), совершенные с разрывом по времени. Данные деяния должны характеризоваться: а) единством мотива; б) совпадением характеристик личностей потерпевших; в) сходством характеристик мест и способов их совершения; г) совпадающими элементами обстановки преступлений и другими криминалистически значимыми обстоятельствами [192, с. 16–17]. В своих работах В. А. Авдеев³, И. Э. Звечаровский⁴,

¹ Антонченко В. В. Охрана жизни человека — приоритет действующего уголовного закона? // Криминологический журнал. 2011. № 4. С. 25.

² Исаенко В. Н. Проблемы теории и практики расследования серийных убийств. М., 2005; Протопопов А. Л. Расследование серийных убийств. СПб., 2006; Фомина А. С. Основные тактические операции при расследовании серийных убийств: дис. ... канд. юр. наук. Воронеж, 2003.

³ Авдеев В. А. Правовое регулирование посткриминального поведения несовершеннолетних: дис. ... д-ра юр. наук. Екатеринбург, 2002.

⁴ Звечаровский И. Э. Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стигмулирование. Иркутск, 1993.

Р. А. Сабитов¹ рассматривают посткриминальное поведение правонарушителя как правовое поведение лица с момента совершения преступления, осуществляемое в рамках и в связи с реализацией охранительного уголовного правоотношения. При этом авторы указывают на два основных вида посткриминального поведения: 1) положительное (явка с повинной, чистосердечное раскаяние, активное содействие раскрытию преступления и т. п.); 2) отрицательное (уклонение от уголовной ответственности, оговор заведомо невиновного, уклонение от отбывания наказания и т. п.). Постпреступный суицид этими исследователями не изучался.

П. И. Ивахов утверждает, что «самоубийство не подлежит криминалистической и уголовно-правовой оценке, поскольку не является преступлением» [436, с. 11]. Такое утверждение неверно, поскольку факт доведения до самоубийства требует доказывания и уголовно-правовой оценки. Кроме того, в ряде случаев суицид может являться инсценировкой, маскирующей убийство.

Классификацию серийных убийств по различным параметрам давали Ю. М. Антонян, С. А. Афанасьев, В. А. Верещагин, В. И. Иванов, В. Н. Исаенко, Н. Н. Китаев, В. В. Новик, В. А. Образцов, А. А. Протасевич, А. Л. Протопопов, Ю. М. Самойлов, И. В. Усенов, А. С. Фомина. При этом каждый из основных криминалистически значимых признаков серийных убийств представляет собой достаточно сложную систему обстоятельств (мотив, объекты посягательств, механизм совершения и др.), исследование которых обеспечивает получение информации, которая может быть использована в раскрытии данных преступлений [192, с. 51].

С учетом специфики исследуемой темы посткриминальный суицид серийных убийц в зависимости от времени его совершения можно классифицировать следующим образом.

¹ Сабитов Р. А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). Томск, 1985.

1. Посткриминальный суицид серийных убийц, личность которых осталась неизвестной, хотя есть основания предполагать, что факт прекращения серии однотипных убийств обусловлен суицидом убийцы. К таким делам можно отнести, по некоторым источникам, серийные убийства проституток в Лондоне (1888), приписываемые лицу, условно названному Джек-потрошитель¹.

2. Посткриминальный суицид, когда личность убийцы была установлена, но он не был задержан правоохранительными органами. Так, Владимир Гуськов (он же Владимирас Стуйна) после ссоры с женой в г. Вильнюсе (1999) написал заявление на имя Генерального прокурора Литовской Республики о том, что он совершил с соучастниками убийства 9 человек на территории Литвы и России. Затем Гуськов-Стуйна позвонил в полицию г. Вильнюса, сообщив на диктофон о своих преступлениях, после чего убил малолетнего сына и сам повесился в гараже. При проверке его предсмертного заявления в прокуратуру и полицию нашла полное подтверждение информация об убийстве 9 потерпевших по корыстным мотивам, что позволило осудить сообщников Гуськова-Стуйны в Литве и России². В США аналогичные преступления совершил Эндрю Кьоненен (31 августа 1969 г. — 23 июля 1997 г.), который за короткое время убил пятерых людей, а затем покончил с собой на личной яхте, где его окружила полиция.

3. Посткриминальный суицид серийного убийцы на стадии предварительного расследования, после его заключения под стражу. Подобные случаи имеют место нередко. Так, в сентябре 2006 г. в г. Калининграде по заявлению потерпевшей К. Крамер был задержан В. Романов, которому следователи предъявили обвинение в совершении 10 убийств девушек по сексуальным мотивам. Через 2 недели после ареста В. Романов повесился

¹ Лаврин А. П. Словарь убийц. М., 1997. С. 147–152.

² Уголовное дело № 2-19/2001 // Архив Нижегородского областного суда, 2001.

в камере следственного изолятора. Аналогично покончил с собой и арестованный 6 октября 2006 г. О. А. Заикин, которому следователи вменяли совершение 9 убийств женщин по сексуальным мотивам в различных регионах России. Обвиняемый признался, продемонстрировав хорошую вину, но 20 октября 2006 г. повесился в следственном изоляторе (г. Уфа).

В Томской области по заявлению потерпевшей, оставшейся в живых, был арестован Е. А. Мельников, совершивший убийства 10 девушек по сексуальным мотивам в г. Северске и Томске. Следователь по особо важным делам прокуратуры Томской области А. Б. Гусев собрал убедительные доказательства вины Мельникова, провел более 50 различных судебных экспертиз. Однако незадолго до окончания расследования Мельникову по его просьбе было предоставлено свидание с его старшим братом, которого он очень уважал. После свидания обвиняемый покончил с собой (повесился)¹.

Оперуполномоченный Чемеровецкого РО МВД Хмельницкой области Республики Украина А. Н. Закрыжевский в 1995 г. совершил серию убийств женщин по сексуальным и корыстным мотивам на территории Хмельницкой и Тернопольской областей. Двое потерпевших, несмотря на ножевые ранения, остались живы, что позволило в ноябре 1995 г. выявить и арестовать преступника, признавшегося в совершении указанных деяний. Однако 28 ноября 1995 г. А. Н. Закрыжевский, находясь на 7-м этаже здания Тернопольского управления МВД Украины в наручниках, применил физическую силу к конвоирам, разбил оконное стекло и погиб от падения на асфальт². Подобным образом покончил с собой член французской партии «зеленых» Ришар Дюрн, которого подозревали в убийстве 8 человек. 28 марта 2002 г. Дюрн

¹ Уголовное дело № 99/1775 // Архив прокуратуры Томской области, 2000.

² Письмо прокурора-криминалиста прокуратуры Тернопольской области (Республика Украина) М. Добрянского № 10/489 от 4 февраля 1998 г. // Личный архив Н. Н. Китаева.

выбросился из окна на 5-м этаже здания Парижской криминальной полиции, когда его вели на допрос.

В ситуациях, когда имеет место группа серийных убийц (как в п. 2, где покончил с собой Гуськов-Стуйна), самоубийство одного из соучастников не является препятствием для доказывания вины остальных обвиняемых. Так, ранее судимые О. И. Панкратов и А. М. Козлов в период с 27 июня по 15 июля 1992 г. совершили на территории Дальнего Востока и Сибири умышленные убийства 7 человек из корыстных побуждений, после чего были арестованы в Тюменской области. Их вина была доказана совокупностью собранных доказательств, в том числе проведенной между ними очной ставкой, во время которой следователь детализировал преступные действия каждого обвиняемого. 30 октября 1992 г. А. М. Козлов повесился в одиночном медицинском боксе № 27 следственного изолятора № 3 г. Тобольска, что подвигло О. И. Панкрата изменить показания, свалив на покойного сообщника вину за все активные действия по умерщвлению потерпевших. Однако к этому времени следствие собрало большой объем улик, который позволил Тюменскому областному суду опровергнуть защитную версию подсудимого О. И. Панкрата и осудить его к исключительной мере наказания¹. Из зарубежных «серийников» данной категории можно назвать Трэвиса Мори, который в своем доме (штат Миссури, США) за период с 2000 по 2002 г. убил не менее 12 проституток, а после своего ареста 10 июля 2002 г. прибегнул к суициду в тюремной камере. Другой убийца из США Леонард Лейк (29 октября 1945 г. — 6 июня 1985 г.) был случайно задержан полицией за нарушение правил хранения оружия, в тюрьме он отравился ядом, спрятым в воротнике рубашки. Только после его смерти правоохранительные органы провели обыск на его ранчо, обнаружив останки примерно 20 жертв обоего пола, хотя при жизни Лейк никогда не подозревался в совершении серии убийств.

¹ Уголовное дело № 2-39/ 1994 // Архив Тюменского областного суда, 1994.

4. Посткриминальный суицид серийного убийцы в ходе судебного следствия. Таким субъектом, например, являлся А. Г. Майструк, совершивший умышленные убийства 8 человек по корыстным мотивам на территории России и Казахстана. Убедившись, что судебный процесс по делу подходит к концу, а предъявленные доказательства изобличают его с большой убедительностью, А. Г. Майструк покончил с собой (повесился) 26 января 1985 г. в СИЗО № 1 г. Иркутска¹.

5. Посткриминальный суицид серийного убийцы уже после вынесения ему обвинительного приговора. Так, Г. С. Федоровский (5 убийств, Томская область, 1987), В. В. Гордовенко (5 убийств, Красноярский край, 1995), Ф. Н. Козлов (5 убийств, Новосибирская область, 1990) повесились в камерах смертников, после того как были приговорены к смертной казни. А. Н. Комин (4 убийства, Кировская область, 1999) и В. И. Малюк (4 убийства, Москва, 2004) покончили с собой, когда их осудили к пожизненному лишению свободы.

Из зарубежных «серийников» к данной категории можно отнести доктора Гарольда Фредерика Шипмана, который ставил пожилым пациентам смертельные инъекции, нередко подделывая завещания умерших, чтобы получить прибыль. Осужденный за свои деяния к 15 пожизненным заключениям, Г. Шипман повесился 13 января 2004 г., за день до своего 58-летия, в Уэйкфилдской тюрьме (Великобритания).

Можно было привести еще достаточно много аналогичных примеров, но эти случаи названы нами главным образом для надлежащей иллюстрации распределения казуистического материала по соответствующим пунктам предложенной классификации посткриминального суицида серийных убийц.

Оценивая данную классификацию с криминалистической позиции, необходимо признать, что наиболее убедительна

¹ Уголовное дело № 2-23/1985 // Архив Иркутского областного суда, 1985.

доказанность вины серийных убийц только в последней группе. Практике известны случаи, когда публично объявленный «серийником» человек, не доживший до суда, оказывался впоследствии невиновным.

Так, 15 августа 1990 г. в г. Павлограде Днепропетровской области (Украина) по оперативной информации был арестован В. Свитличный, которому органы следствия предъявили обвинение в совершении 11 убийств и 7 изнасилований малолетних девочек. Ему вменялось, в частности, убийство с изнасилованием собственной дочери — 9-летней Оли Свитличной. Суда не было, 8 сентября 1991 г. В. Свитличного обнаружили повесившимся в боксе следственного изолятора, что позволило следователям прекратить уголовное дело в связи со смертью обвиняемого¹. Однако аналогичные преступления продолжались. Лишь в 2005 г. был арестован житель г. Пологи Запорожской области С. Ф. Ткач 1952 года рождения, который за длительный период проживания на территории Украины совершил десятки убийств. Все преступления, инкриминируемые повесившемуся В. Свитличному, были совершены именно Сергеем Ткачом, что признал начальник управления уголовного розыска Управления МВД Украины в Днепропетровской области В. Б. Мазан². В декабре 2008 г. Днепропетровским апелляционным судом С. Ф. Ткач был приговорен к пожизненному лишению свободы. Владимир Свитличный стал одной из жертв системы правоохранительных органов, оговорив себя в тех деяниях, которые не совершал.

Серьезные изъяны в оперативно-разыскной и следственной практике при работе с серийными убийствами, приводящие к подобным трагедиям, описаны в работах Н. П. Водько³, А. Л. Протопопова⁴ и других авторов.

¹ Раззаков Ф. И. Бандиты времен социализма. М., 1996. С. 424–425.

² Письмо № 6/17-К-7 от 8 февраля 2006 г. // Личный архив Н. Н. Китаева.

³ Водько Н. П. Почему так долго искали Чикатило? М., 1996. С. 68–69.

⁴ Протопопов А. Л. Расследование серийных убийств. СПб., 2006.

Ситуационные аспекты посткриминального суицида массовых убийц

В современной криминалистической литературе, посвященной расследованию убийств, весьма подробно освещены различные аспекты серийных преступлений, однако при этом недостаточно источников по расследованию так называемых массовых убийств [37, с. 117–119]. В. А. Образцов предлагает считать массовым убийством криминальное лишение жизни более четырех человек в короткий промежуток времени¹. Криминолог Ю. М. Антонян не согласен с данным определением и предлагает термин «множественные убийства». Он утверждает: «Массовое убийство предполагает посягательство на жизнь действительно массы людей — многих десятков, сотен, тысяч, миллионов, как это делали большевики и нацисты, китайские и кхмерские коммунисты, делают современные террористы... Под множественными убийствами я предлагаю понимать серийное и одномоментное преступное лишение жизни трех и более человек...»².

По нашему мнению, дефиниция В. А. Образцова более приемлема, монография Ю. М. Антоняна носит откровенно публицистический и бессистемный характер, включая в себя разные сведения о бандитизме, садизме, некрофилии, аффектах и личности Генриха Гимmlера.

Для проведения исследования нами была выбрана тема суицида массовых убийц исходя из ее особенностей, отраженных в литературных источниках и материалах судебно-следственной практики³. Каждый из основных криминалистически значимых признаков массовых убийств представляет собой весьма сложную систему обстоятельств (мотив, объекты посягательств, механизм совершения и др.), исследование которых

¹ Образцов В. А. Серийные убийства как объект психологии и криминалистики. М., 2003. С. 52.

² Антонян Ю. М. Множественные убийства: природа и причины. М., 2012. С. 8.

³ Берарди Ф. Новые герои: массовые убийцы и самоубийцы. М.: Кучково поле, 2016. 320 с.

обеспечивает получение информации, которая может быть использована в раскрытии данного преступления [192, с. 51].

С учетом специфики названной темы посткриминальный суицид массовых убийц в зависимости от времени совершения можно классифицировать следующим образом.

1. Посткриминальный суицид массовых убийц, личность которых осталась неизвестной. Такие факты имеют место и при расследовании серийных убийств [34, с. 36].

2. Посткриминальный суицид, когда личность убийцы была установлена, но он не задерживался правоохранительными органами. Наиболее распространен в США (известны десятки случаев), где количество зарегистрированного у населения огнестрельного оружия превышает общее число населения страны. Мотивация содеянного может быть различной (месть соученикам в школе, колледже, университете за «плохое» отношение к будущему массовому убийце, который ощущает себя изгоем; месть коллегам; месть родственникам, потерпевшими в таких случаях могут выступать и другие случайные лица, присутствовавшие при убийстве или оказавшиеся поблизости). В ряде случаев будущий массовый убийца и суицидент заготавливает письма, видеообращения, объясняющие мотивацию своего преступления. По многим делам массовые убийцы не прибегали к суициду, а оказывали вооруженное сопротивление правоохранительным органам, в результате чего были убиты (косвенный суицид). Такие случаи известны и в нашей стране, например, когда военнослужащие совершали массовые убийства сослуживцев, после чего вели перестрелку с работниками МВД и министерства обороны, отвергая все предложения сложить оружие¹.

3. Посткриминальный суицид массовых убийц после их поимки и заключения под стражу. Мотивационно и по испол-

¹ Раkitин А. Социализм не порождает преступности (Серийная преступность в СССР: историко-криминалистический анализ). Москва; Екатеринбург, 2016. С. 178–192.

нению он ничем не отличается от случаев самоубийств других категорий насильственных преступников. Так, в США Люн Ин (он же Лой Енг), будучи в состоянии наркотического опьянения, убил 11 человек и ранил еще четверых. После задержания он повесился на полотенце в тюремной камере¹.

Успех расследования по делам задержанных массовых убийц, на наш взгляд, зависит от следующих условий. Во-первых, это постоянная, активная, плановая работа оперативно-следственной группы, нацеленная на обеспечение психологического контакта с задержанным правонарушителем, чтобы за относительно короткий промежуток времени выявить все преступные эпизоды (часть их может быть неизвестной, значиться в числе нераскрытых убийств) и приступить к их процессуальной обработке. Во-вторых, необходимо пресечь возможные предпосылки суицидального поведения подследственного (содержание обвиняемого в условиях, исключающих негативное воздействие на него как со стороны других заключенных, так и отдельных сотрудников ФСИН) [430, с. 127–129].

Вымышленные серийные убийцы Украины

В настоящее время термин «серийные (многоэпизодные) преступления» прочно утвердился в оперативно-разыскной и следственной практике. Обычно под этим термином понимается совершение лицом (или группой лиц) нескольких преступлений, имеющих логическую связь: один и тот же объект посягательства, одинаковые мотивы, способы и места совершения преступления и т. п.

Такая категория преступлений, как серийные убийства, характеризуется большой общественной опасностью, вызывает возмущение и негодование у населения, порождает массу

¹ Маньяки и серийные убийцы [Электронный ресурс]. URL: http://serial-killers.ucoz.com/load/zarubezhnye_manjaki/ljun_in/2-1-0-1245 (дата обращения: 21.12.2019).

ложных, панических слухов. Розыск виновного приходится нередко вести на обширной территории, и в связи с этим процесс установления истины по делу становится очень трудоемким. Как показывает следственная практика, многие из серийных убийц не совершали преступлений в районе своего места жительства (как судимые, так и не судимые), нападали на ранее незнакомых им людей, что чрезвычайно затрудняло работу правоохранительных органов, допускавших ошибки при выявлении подозреваемых.

С учетом вышеизложенного представляется интересным изучить сообщения о серийных убийцах Украины, которые не нашли подтверждения при проверке этой информации.

В мировой практике расследования серийных убийств известны преступления, совершенные неустановленным преступником, условно названным Джеком-потрошителем. Именно такая подпись стояла в издевательском анонимном письме, полученном лондонской газетой «Таймс», хотя не исключено, что послание было отправлено не убийцей, а каким-то любителем розыгрышей.

С 6 августа по 9 ноября 1888 г. в бедных кварталах Лондона (Уайтчепел, Спитлсфилд и Стипни) произошла серия жестоких убийств проституток. Преступления произошли в одно и то же время — с 23 часов вечера до 4 часов утра. Всем потерпевшим преступник перерезал горло наискосок почти до шейных позвонков, а затем потрошил их тела, за что журналисты условно прозвали его Джек-потрошитель (Jack-Ripper). Убийства прекратились так же внезапно, как и начались. За истекшие годы теме личности этого неустановленного серийного убийцы было посвящено более 200 книг, а в качестве подозреваемых назывались имена около ста человек, включая и женщин¹.

Среди возможных кандидатов на роль Джека-потрошителя называли украинца Александра Федорченко. Такой вывод

¹ Лаврин А. П. Словарь убийц, М., 1997. С. 147–152.

сделал бывший следователь Скотланд-Ярда Джон Плиммер, выпустивший в 1998 г. книгу «По следам убийств в Уайтчепел: изучение убийств, совершенных Джеком-потрошителем, с использованием современных приемов полиции»¹.

Несмотря на внешний антураж книги и заявления автора о «современных» методах установления истины, содержание этого «труда» выглядит легковесным и не вызывает доверия. Плиммер утверждает, что в конце 80-х гг. XIX в. в лондонском районе Уайтчепеле жил и практиковал врач из России Александр Федорченко, отличавшийся неуравновешенным характером и склонностью к садизму. Полиция не могла найти против него веских улик, а примерно в 1890 г. он уехал в Россию.

Далее Плиммер сообщает, что для получения «улик» он взял из дела Джека-потрошителя платок, предположительно принадлежавший преступнику, который был найден возле трупа одной из жертв. Якобы этот платок Плиммер привез в Болгарию, где дал поддержать «вещественное доказательство» слепой пророчице Ванге. Последняя будто бы сообщила, что искомый Федорченко уехал из Лондона в Санкт-Петербург, а затем в Полтаву, где убил ряд женщин и покончил с собой.

По утверждению Плиммера, после встречи с Вангой он приехал в Санкт-Петербург, где не смог отыскать в архивах никаких следов Федорченко. Зато в архивах Полтавы он, якобы, нашел уголовные дела, возбужденные в связи с серией убийств, совершенных Федорченко, который затем прибег к суициду (повесился).

Казалось, отставной следователь Скотланд-Ярда более века спустя блестяще раскрыл загадку неуловимого убийцы, идентифицировав его как жителя Украины. Однако о несостоятельности Ванги как «криминалистического экстрасенса» мы уже писали², поэтому нет смысла комментировать ссылки

¹ Plimmer J. F. In the footsteps of the Whitechapel murders : an examination of the Jack the Ripper murders using modern police techniques / John F. Plimmer. Lewes: Book Guild, 1998. XII. 201 p.

² Китаев Н. Н. Несостоятельность экстрасенсов в криминалистике на примере

следователя на контакты с данным «специалистом». Что касается проверки причастности А. Федорченко к серии убийств женщин, то здесь нам пришлось обратиться в государственные архивы и крупные библиотеки.

Так, заведующий отделом Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского Т. В. Дробко сообщил об отсутствии информации про деяния Федорченко¹. Аналогичный ответ получен от директора Центрального государственного исторического архива Украины И. Н. Кисиль². Заведующий отделом справочно-библиографической и информационной работы Национальной исторической библиотеки Украины Г. В. Ефименко сообщил только о кратком дайджесте на английском и украинском языках упоминавшейся выше книги Д. Плиммера³. Такую же информацию предоставил заведующий отделом справочно-библиографического обслуживания Российской государственной библиотеки М. Ю. Нещерет⁴.

Заместитель директора Государственного архива Полтавской области В. В. Гудым прислал такой ответ: «В документах Полтавского городского полицейского управления г. Полтавы Полтавской губернии за 1890–1900 гг., Полтавского окружного суда г. Полтавы Полтавского уезда Полтавской губернии за 1872–1900 гг., прокурора Полтавского окружного суда за 1890–1900 гг., которые хранятся в Государственном архиве Полтавской области, сведений о гр. Федорченко Александре не выявлено»⁵.

Таким образом, сообщения Д. Плиммера о документальном подтверждении причастности А. Федорченко к совершению серии убийств женщин оказались вымыслом.

болгарской прорицательницы Ванги // Ученые записки Таврического национального университета им. В. В. Вернадского. Сер. Юридические науки. Т. 19. (58). №1. 2006. С. 113–123.

¹ Письмо от 24 мая 2012 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

² Письмо № 02-575 от 28 мая 2012 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

³ Письмо № 32 от 27 июня 2012 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

⁴ Письмо № 62/148 от 31 мая 2012 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

⁵ Письмо № 06-13/ 437 от 17 августа 2012 г. // Личный архив Р. Г. Ардашева.

Украинский след Джека-потрошителя относится к числу тех легенд, которые создают склонные к сенсациям авторы книг о «криминальных исторических загадках», теша свое тщеславие и вводя в заблуждение читателей.

Также вымыслом является сообщение в российских источниках об Алексее Сударушкине, который якобы был доктором медицинских наук и талантливым детским врачом, совершившим серию убийств своих пациентов, после чего его расстреляли по приговору суда¹. На самом деле образ Сударушкина создан журналистом В. Логиновым², такого правонарушителя не существовало³.

Другой материал о серийном убийце Украины разместила киевская «Новая интересная газета» в октябре 2006 г. Речь шла о «бесследном исчезновении» в период 1904–1905 гг. молодых девушек «в одном из глухих селений Полтавской губернии». Раскрытием дела занялся полицейский пристав Николай Солово, заподозривший в совершении этих преступлений местную гадалку Наталью Кравченко, одиноко жившую на хуторе. Несмотря на свой 65-летний возраст, гадалка выглядела лет на 40 моложе, увлекалась магической литературой. В ее отсутствие Н. Солово провел на хуторе негласный обыск, обнаружив обескровленные трупы семи пропавших девушек. Арестованная гадалка якобы признала совершение ритуальных убийств для собственного омоложения, но отказалась назвать подробности этой оккультной процедуры. Эксперты-психиатры признали убийцу вменяемой, после приговора она была казнена⁴.

В этом материале настораживало, что фамилия автора не была указана и отсутствовали конкретные сведения, которые должны быть, если текст готовится по документальным

¹ Лаврин А. П. Словарь убийц, М., 1997. С. 348–351.

² Логинов В. Дьявол во плоти // Совершенно секретно. 1991. № 7. С. 10–11.

³ Китаев Н. Н. Проблемы расследования отдельных видов умышленных убийств. Иркутск, 1992. С. 10–11.

⁴ Полтавская ведьма. Чтобы сохранить молодость, она отправляла на тот свет невинных девушек // Новая интересная газета. 2006. № 10 (октябрь). С. 12–13.

источникам. Директор государственного архива Полтавской области А. П. Белоус сообщил: «...Согласно "Алфавитным указателям населенных пунктов Полтавской губернии" (ныне — Полтавская область) за 1900–1910 гг., хутор с названием Кравченя, Кравчени не значится... В газетах за 1903–1912 гг., хранящихся в госархиве, упоминаний о Кравчене Наталье нет... По учетным данным Государственного архива Полтавской области, гр. Кравчене (Кравченя) Наталья не значится, также не значится Солово Николай...»¹.

Директор Полтавской областной универсальной библиотеки им. И. П. Котляревского Т. И. Зеленская сообщила, что работники отдела краеведческой литературы и библиографии по нашей просьбе просмотрели отчеты Полтавской губернской земской управы по 1916 г., журналы «Хуторянин» по 1917 г., обзоры деятельности Полтавской губернской земской психиатрической больницы по 1915 г. «Ни в одном из изданий нет информации подобного плана, а тем более упоминаний о серийной убийце Н. Кравчене... Достоверность публикации в киевской "Новой интересной газете" у нас вызывает сомнения... Во-первых, фамилия "Кравченя". Фамилия, встречающаяся на Украине, звучит как "кравчиня", т. е. портниха. Описываемые события настолько необычны и неординарны, что, если не документальные свидетельства происходящих событий, то хотя бы легенды должны были сохраниться. Сотрудники отдела обращались к краеведам-любителям, но никто до сих пор ни о чем подобном не слыхал»².

Нельзя не согласиться, что публикация о серийной убийце Кравчене является надуманной, ведь в центральных периодических изданиях дореволюционной России об этом громком деле нет никаких упоминаний.

Список вымышленных «серийников» Украины можно расширить при внимательном изучении журналистских

¹ Письмо № 07-12/4 от 18 января 2007 г. // Личный архив Н. Н. Китаева.

² Письмо № 64 от 23 февраля 2007 г. // Личный архив Н. Н. Китаева

материалов. Так, В. Белых сообщал о разоблаченном в 80-х гг. минувшего столетия бывшем сотруднике МВД, который в форме капитана милиции якобы подвозил на личном автомобиле красивых женщин из аэропорта г. Киева, а по дороге насиловал и убивал их¹. Данная публикация была направлена нами для проверки в МВД Украины. Начальник управления информационных технологий Главного управления МВД Украины в Киевской области С. А. Валовой дал ответ, что такого «серийного» убийцы не было вообще².

Подобные сообщения о вымышленных убийцах имели место и в России, что нашло отражение в специальной литературе³. Нет сомнений, что при написании научных работ необходима качественная проверка достоверности источников, в том числе ссылок на газеты или интернет-сайты.

3.2 Криминалистическая биоритмология и посткриминальный суицид убийц

Как известно, универсального преступника не существует: разные виды преступлений совершаются различными категориями людей. В СССР и постсоветской России значительное число исследований посвящено лицам, осужденным за совершение такого особо опасного вида преступлений, как убийство⁴. В то же время в специальной литературе не получили должного освещения личности убийц, прибегнувших к посткриминальному суициду [28].

¹ Белых В. Маньяк выходит на охоту // Труд. 1991. 2 июля.

² Письмо № К-14 от 6 июля 2006 г. // Личный архив Н. Н. Китаева.

³ Китаев Н. Н. Об искажении фактов в специальной литературе по серийным убийцам // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае. Барнаул, 2003. Вып. 2. С. 74–76.

⁴ Комаров М. Ф., Мудьюгин Г. Н., Степичев С. С. Опыт изучения личности осужденных за убийство и эффективности отбытого ими наказания. М., 1968; Антонян Ю. М. Психология убийства. М., 1997; Его же. Множественные убийства: природа и причины. М., 2012; Башкатов И. П. Психология групп несовершеннолетних правонарушителей (социально-психологические особенности). М., 1993; Гурев М. С. Убийства на «разборках» (методика расследования). СПб., 2001; Протопопов А. Л. Расследование сексуальных убийств. СПб., 2001.

Принято считать, что поведение человека по своей природе относится к числу явлений, детерминированных внешними условиями и предшествующим развитием¹. Для методически правильного изучения проблем поведения правонарушителей (в нашем исследовании — убийц, совершивших суицид) необходимо выяснить ряд вопросов о вероятностной природе детерминизации. Вместе с тем нельзя признать причиной любое событие, внешне связанное со следствием. Как правильно отмечал А. А. Пионтковский, «такое понятие причинности отражает лишь внешнее сцепление явлений объективного мира, а не внутреннюю закономерность... не идет дальше внешнего взаимодействия»².

Мы разделяем мнение Г. А. Матусовского, что расследование конкретного преступления, не являясь обобщающим теоретическим исследованием, представляет собой частный случай процесса научно-познавательной деятельности³. При расследовании «сотрудничают представители самых различных специальностей естественных и гуманитарных наук... возникает необходимость в изучении ряда социально-психологических вопросов криминалистического творчества»⁴. Так, представляется перспективным использование при раскрытии и расследовании преступлений против жизни данных биоритмологии (хронобиологии), которая является разделом биологии, изучающим биологические ритмы — периодические изменения функциональной активности различных органов и подсистем организма⁵.

В настоящее время наиболее хорошо изучены суточные (циркадные) биоритмы человека⁶. Исследование изменений

¹ Панкратов В. В. Методология и методика криминологических исследований. М., 1972. С. 22.

² Пионтковский А. А. Проблема причинной связи в праве // Ученые записки ВИОН СССР и ВЮА Вооруженных сил СССР. М., 1949. С. 76.

³ Матусовский Г. А. Криминалистика в системе юридических наук и ее междисциплинарные связи: автореф. дис. ... д-ра юр. наук. М., 1980. С. 26.

⁴ Матусовский Г. А. Криминалистика в системе научных знаний. Харьков, 1976. С. 36.

⁵ Ежов С. Н. Основы концепции биоритмологии // Вестник Тихоокеанского экономического университета. 2008. № 2. С. 104.

⁶ Комаров Ф. И., Захаров Л. В., Лисовский В. А. Суточный ритм физиологиче-

околосуточной ритмики позволило выявить все важнейшие закономерности, которыми оперирует современная биоритмология. Ученые из США Д. Холл, М. Росбаш и М. Янг разобрались в механизме циркадных ритмов и выявили гены, которые регулируют этот процесс; в 2017 г. за исследование циркадных биологических ритмов они получили Нобелевскую премию по физиологии и медицине.

Немало исследований посвящено и годичным биоритмам. Месячные биоритмы (МБР) изучены в наименьшей степени, хотя влияние Луны на процессы, происходящие в живых организмах, также существенно¹.

Исследования МБР показывают, что люди, склонные к делинквентности (отклоняющееся поведение, вызываемое нарушением правовых и нравственных норм), в большинстве своем родились, а, следовательно, и были зачаты в периоды месяца, получившие название неблагоприятных временных интервалов (НВИ). Это дни, близкие к новолунию (ДНЛ) и полнолунию (ДПЛ). Данные периоды занимают около недели, в это время условия для благополучного протекания родов и рождения здорового ребенка неоптимальны: имеется повышенная склонность к ангиоспазму (внезапному сужению кровеносных сосудов, отчего происходит резкое повышение артериального давления), нарушениям свертывания крови — тромбозам (в ДНЛ) и повышенной кровоточивости (в ДПЛ). Полагаем, что нарушения мозгового кровообращения у рождающихся в эти периоды детей приводят к различным аномалиям психики в дальнейшем [416, с. 10–22].

Так, изучение материалов 25 уголовных дел об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом, показало, что 20 из 25 убийц родились в НВИ (10 — в ДНЛ и 10 — в ДПЛ). Суициды у 17 из 25 убийц были совершены во второй фазе месячного биоритма, для которой характерно снижение активности фибринолиза (процесса растворения сгустков

ских функций у здорового и больного человека. Л., 1966.

¹ Дубров А. П. Лунные ритмы человека. М., 1992.

крови внутри сосудов), в силу чего возникает ситуация неконтролируемого тромбоза (закупорка сосудов, затрудняющая ток крови), который, в свою очередь, может привести к гипоксии (кислородному голоданию) и гипогликемии (снижению концентрации глюкозы в крови), резко ухудшающих деятельность головного мозга [65, с. 99–100].

Приведем примеры связей лунного цикла с исследуемыми явлениями.

Елена Л. родилась в полнолуние. Также в полнолуние совершила у себя в квартире убийство трех членов своей семьи и суицид.

Алижон А. родился в новолуние. Убил сожительницу в ее квартире, ее малолетнего сына и покончил с собой (новолуние).

Артем Н. родился в новолуние. В январе (новолуние) изнасиловал и убил незнакомую женщину. В феврале (новолуние) изнасиловал и убил двух незнакомых женщин, после чего покончил собой [65, с. 100].

Необходимо отметить, что перспективы криминалистической биоритмологии почти не отражены в специальной литературе¹, отсутствует информация о ней в учебниках по криминалистике, криминологии, судебной медицине. Представляется многообещающим проведение комплексного исследования указанной темы с привлечением криминалистов, криминологов, акушеров, гинекологов, нейрофизиологов, психологов и психиатров. Для полного биоритмологического анализа при этом потребуются только достоверные сведения о датах рождения родителей преступника и всех тех, кто проживал с ним до совершения им преступления. Перспективным было бы также получение сведений о датах рождения жертв преступников (виктимологический анализ) [93].

¹ Шапошникова В., Китаев Н. Значение хронобиологии для криминалистики // Законность. 1997. № 11. С. 46–48; Ардашев Р. Г., Китаев Н. Н., Шапошникова В. И. Использование данных биоритмологии в криминалистике и оперативно-розыскной деятельности // Закон и жизнь (Республика Молдова). 2012. № 7. С. 20–22.

3.3 Некоторые недостатки в расследовании убийств медицинских работников, сопряженных с посткриминальным суицидом подозреваемых

В последние годы в России, как сообщают различные источники, существенно вырос уровень межличностной агрессии, когда потерпевшими становятся медицинские работники.

Так, с 2010 по 2016 гг. в России 1 226 раз нападали на медиков¹, а в ряде случаев преступник, совершив убийство медицинского работника, прибегал к суициду. Особенности расследования названной категории убийств недостаточно изучены, что отмечается в криминалистической литературе [29, с. 85].

Изучение фактов посткриминального суицида преступников, убивших медицинских работников, на территории Российской Федерации дает основание выделить две категории названных деяний.

Убийство медицинского работника не связано с его профессиональной деятельностью.

Так, в ночь на 1 декабря 2016 г. в городскую больницу г. Режа Свердловской области приехал находившийся на дежурстве сотрудник патрульно-постовой службы ОМВД РФ по Режевскому району К. Он вызвал заведующего реанимационным отделением П., которого убил двумя выстрелами из табельного пистолета Макарова, после чего застрелился сам. В процессе расследования было установлено, что К. прочел на компьютере супруги ее интимную переписку с П. (женщина и доктор работали в одном медицинском учреждении), после чего по мотивам ревности и мести совершил убийство врача и посткриминальный суицид².

¹Елков И. Доктор падает на носилки // Российская газета. 2017. 2 марта.

²Лялин Р. «Отелло в погонах» застрелил любовника жены, увидев измену в «прямом эфире» // Комсомольская правда. 2017. 15 февр.

Убийство медика связано с его профессиональной деятельностью.

Такие случаи в стране происходят ежегодно и обусловлены они, с одной стороны, особенностями психики больных людей, повышенным уровнем их межличностной агрессии и раздражительностью, а, с другой — могут быть спровоцированы поведением самих медицинских работников.

Житель г. Магадана З., неоднократно лечившийся по поводу аденомы предстательной железы в Магаданской областной больнице, настаивал на удалении обнаруженной опухоли, но получил от врачей отказ в проведении операции. Ему рекомендовали поехать в г. Санкт-Петербург, чтобы сделать качественную операцию и получить лечение. 12 августа 2015 г. больной З. в середине дня пришел в кабинет Т., заведующего урологическим отделением указанной больницы, где выстрелами из принесенного с собой обрезка двуствольного охотничьего ружья 16-го калибра совершил убийство Т. и последующий суицид.

Допрошенная в качестве свидетеля супруга больного З. дала показания, что она с мужем неоднократно обращалась к Т. и лечащему врачу-урологу О. с просьбами проперировать З., но они «постоянно наталкивались на непонимание, черствость и безразличие». При этом муж сильно переживал из-за отказа в операции и высказывал намерение расправиться с Т.¹

Другое уголовное дело было возбуждено ГСУ СК РФ по Республике Крым. Так, житель г. Симферополя Н. приехал к зданию подстанции № 2 «Скорой помощи», где произвел из охотничьего ружья шесть прицельных выстрелов в медицинских работников, убив двух человек и причинив ранения еще двум, после чего скрылся на личном автомобиле.

В октябре того же года в безлюдной местности г. Крыма были обнаружены скелетированные останки Н. со следами

¹ Уголовное дело № 53194 // Архив СУ СК РФ по Магаданской обл., 2015 г.

близкого выстрела из находившегося рядом охотничьего ружья, что дало основание следователю после комплекса судебных экспертиз прийти к заключению о посткриминальном суициде Н.

Допрошенные свидетели дали показания, что в мае 2015 г. Н. перенес инфаркт миокарда, что резко изменило его поведение, способствовало его частому обращению к врачам, вызову бригад скорой помощи, и он высказывал недовольство действиями медиков.

На месте совершения преступления Н. оставил записку, написанную собственной рукой, указав в качестве мотива совершенных убийств месть за «неправильное лечение».

Изучение материалов названных уголовных дел показывает, что следователи не собирали материалы для назначения посмертных судебных экспертиз психики подозреваемых (психиатрических, психологических, психолого-психиатрических) с целью выявления мотивов преступлений и способности правонарушителя отдавать отчет в своих действиях и руководить ими. Однако ряд авторов обоснованно указывает на особенности психики у лиц, страдающих разными заболеваниями¹.

По уголовному делу З., совершившему в г. Магадане убийство заведующего урологическим отделением, следователь назначил посмертную судебно-психиатрическую экспертизу, проводить которую комиссия экспертов отказалась, отметив в своем заключении № 530 от 1 октября 2015 г. следующее: «Представленные материалы уголовного дела не содержат сведений о жизни, трудовой деятельности, интеллектуальных достижениях подэкспертного З., в связи с чем невозможно судить о психической деятельности и личности подэкспертного... На поставленные следствием вопросы ответить не

¹ Белкин А. И. Нервно-психические нарушения при заболеваниях щитовидной железы. М., 1973; Блохин Н. Н. Деонтология в онкологии. М., 1977; Ковалев В. В. Психические нарушения при пороках сердца. М., 1974.

представляется возможным. Требуется подробные характеризующие сведения о подэкспертном на протяжении всей его жизни».

Такие сведения следователь собирать не стал и прекратил уголовное дело без проведения посмертной судебно-психиатрической экспертизы.

Фактически по всем названным уголовным делам об убийстве медицинских работников следствие не располагало экспертными заключениями, позволяющими судить о вменяемости (невменяемости) подозреваемых, наличии у них каких-либо психических расстройств, мотивации преступления и суицида, что, на наш взгляд, является существенным недостатком при расследовании этих преступлений.

О недостатках расследования подобных деяний без проведения посмертных судебно-психиатрических и судебно-психологических экспертиз высказывают известные судебные психиатры и юристы [296, с. 15–20; 206, с. 80–89]. Мы полностью разделяем мнение Я. М. Калашника, призывавшего обратить особое внимание на качество следственных материалов, характеризующих личность самоубийцы, для последующего назначения по делу посмертной судебно-психиатрической экспертизы¹. Такие же требования к полноте и качеству указанных материалов предъявляются и при назначении посмертной судебно-психологической экспертизы².

Проблема совершения убийств медицинских работников, сопряженных с суицидом преступника, носит международный характер. Так, летом 2016 г. 35-летний пациент клиники «Маккена» (Министерство по делам ветеранов США) застрелил из короткоствольного ружья 46-летнего врача-хирурга, после чего покончил с собой³.

¹ Калашник Я. М. Судебно-психиатрическая экспертиза при самоубийстве // Вопросы криминалистики. Вып. 8-9. М., 1963. С. 65-78.

² Холопова Е. Н. Особенности взаимодействия эксперта-психолога и следователя при производстве судебно-психологической экспертизы по факту самоубийства // Актуальные проблемы права. 2002. Ч. 2. № 10. С. 62–66.

³ Пациент на западе США застрелил врача в клинике и покончил с собой [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestiya/3367704> (дата об-

В Китае 23 августа 2012 г. в больницу № 1 города Харбина ворвался молодой человек. Он двигался по больничному коридору и наносил удары ножом медицинским работникам, которые ему встречались. Затем он попытался покончить с собой, но его удалось спасти. Через несколько месяцев преступника приговорили к пожизненному лишению свободы за совершенное убийство врача. От смертной казни его спасло то, что он был несовершеннолетним. Преступником оказался 17-летний Ли Мэннань, которого в течение двух лет лечили в этой больнице. Сначала врач неправильно поставил ему диагноз, а потом скрыл появившиеся от неправильного лечения осложнения и настоял на приеме дорогостоящих лекарств, в которых не было необходимости. Через два года такого «лечения» здоровье подростка значительно ухудшилось, за что он решил отомстить врачам. Когда сайт газеты «Женьминь жибао» провел онлайн опрос мнения читателей по поводу деяния Ли, 65% опрошенных выразили одобрение его действиям¹.

В России статистика подобных случаев не ведется, но СМИ регулярно сообщают о нападениях на врачей. Так, 7 сентября 2015 г. в Санкт-Петербурге произошло нападение на заместителя главного врача железнодорожной больницы А. Ремизова. Бывший военнослужащий Ю. Лебедев, перенесший несколько пластических операций, после ряда жалоб на качество работы врачей пришел в больницу, взяв с собой в сумке заряженный обрез, патроны к нему, наручники, ножи и средства для пыток. Он выстрелил в грудь А. Ремизову, что повлекло смерть последнего, а затем застрелился сам².

ращения 12.03.2019).

¹ В Китае пациенты часто нападают на врачей [Электронный ресурс]. URL: <https://www.epochtimes.ru/v-kitae-patsienty-chasto-napadayut-na-vrachej-98935374/> (дата обращения 12.03.2019).

² Убийца врача кроме ружья взял в больницу наручники и средства для пыток [Электронный ресурс]. URL: <https://www.metronews.ru/novosti/peterbourg/reviews/ubiycya-vracha-krome-ruzhya-vzyal-v-olnicu-naruchniki-i-sredstva-dlya-pytok-1174073/?ua=dt> (дата обращения 12.03.2019).

Аналогичное преступление произошло в июне 2010 г. в больнице подмосковного города Пущино. Здесь онкологический пациент А. Забродин застрелил из охотничьего ружья заместителя главного врача А. Мамонова, а затем покончил с собой. Убийца готовился к преступлению более суток, из дома он ушел, оставив предсмертное письмо. Кадры, снятые камерой видеонаблюдения во дворе больницы, позволили реконструировать картину происшедшего: в здание проходит А. Мамонов, его будущий убийца А. Забродин находится неподалеку. Потом он берет спрятанное заранее под скамейкой ружье в холщевом мешке и идет следом. Спустя минуту в кабинете заместителя главного врача прозвучат выстрелы, после чего появившиеся сотрудники больницы обнаружат тела двух погибших. Причиной случившегося, как становится очевидно из ряда многочисленных жалоб А. Забродина, послужили преследующие его мучительные боли, что существенно повлияло на его психическое состояние¹.

3.4 Актуальные вопросы посткриминального суицида лиц, заключенных под стражу

Традиционно самоубийство (суицид) ученые относят к одному из четырех видов смерти, выделяемых из множества причин. Тремя другими видами являются естественная смерть (включая старость и болезни), несчастный случай и убийство [503, с. 775].

Суицидальное поведение обусловлено значительным числом факторов, самоубийство совершается в особых экстремальных ситуациях и предпринимается по разным мотивам и с разными целями². К таким экстремальным ситуациям, несомненно, можно отнести заключение человека под стражу.

¹ Трагедия в Подмосковной больнице: пациент убил себя, а затем застрелился сам [Электронный ресурс]. URL: https://www.itv.ru/news/2010-06-08/145748_tragediya_v_podmoskovnoy_bolnitse_patsient_ubil_vracha_a_zatem_zastrelilsya_sam (дата обращения 12.03.2019).

² Амбрумова А. Г. Суицидальное поведение как объект комплексного изучения // Комплексные исследования в суицидологии. М., 1986. С. 18.

Так, за 2015 г., по информации пресс-служб правоохранительных органов, в отделах полиции и изоляторах временного содержания Российской Федерации скончалось 197 человек, из которых 104 погибло от «внезапного ухудшения самочувствия», 62 — вследствие суицида, пятеро умерло от эпилепсии, трое — от туберкулеза, двое — от белой горячки, один — от отравления неизвестным веществом. По утверждению МВД РФ десять человек умерло от травм, полученных до попадания в правоохранительные органы, пятеро погибло при пожаре, одного убили сокамерники. Четыре человека лишились жизни от рук самих полицейских (незаконные методы дознания)¹.

Изучение деятельности правоохранительных органов в различных регионах России позволяет сделать обоснованный вывод о недостоверности ряда приведенных статистических данных. Так, тяжкие травмы, полученные человеком до момента его попадания в полицию, с одной стороны, являются медицинским препятствием для оформления его задержания (ареста) и нередко препятствуют вообще даже им каких-либо показаний. «Внезапное ухудшение самочувствия» — термин, зачастую маскирующий применение физического насилия к лицу, заключенному под стражу, как со стороны сокамерников, так и со стороны работников ФСИН и МВД РФ.

Общая латентность преступлений в России оценивается криминологами по-разному, но традиционно высоко². Например, в работе авторского коллектива НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ общее число преступлений, совершаемых за год в стране, оценивается примерно в 26 млн, из которых регистрируется немногим более 2 млн (менее 10%)³.

Отдельного внимания заслуживают факты гибели заключенных под стражу, квалифицируемые как самоубийство (в основном путем самоповешения). Существует специальная

¹ Валагин А. Последний допрос // Российская газета. 2016. 22 сент.

² Сокол В. Ю. Кризис отечественной криминалистики. Краснодар, 2017. С. 13.

³ Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности / под ред. С. М. Иншакова. М.: Юнити-Дана, 2012. С. 23.

литература, в которой детально описаны признаки инсценировки самоповешения, маскирующие совершенное убийство¹. Известны способы получения необходимой информации от лиц, спасенных при самоповешении². В настоящее время в открытом доступе имеются источники, наглядно демонстрирующие различные приемы удушения человека как руками, так и подсобными предметами³. К сожалению, эта информация остается не востребовавшей большинством следователей и оперативных работников, поэтому многие преступления не выявляются (инсценировки суицида лиц, заключенных под стражу, или доведение их до самоубийства).

Так, в ночь на 30 марта 2005 г. в своем гараже был убит двумя выстрелами в голову депутат Слюдянской районной думы Б. (Иркутская область). Журналист С. Мальцев с возмущением писал: «Под стражу заключили начальника Байкальской милиции В. Карабанова, а затем и его знакомого С. Журавлева. Последний имел репутацию "настоящего мужика", крепкого человека, никаких показаний в отношении смерти депутата не давал, отчего его нашли через двое суток после ареста мертвым с петлей на шее в камере Иркутского следственного изолятора. Разумеется, никакого уголовного дела по данному факту не возбуждалось... вещественные доказательства по делу (петля, подногтевое содержание пальцев Журавлева, где не было следов вещества петли) затерялись без проведения экспертиз»⁴.

Арестованный по данному делу сотрудник милиции В. Карабанов вспоминал: «Я в то время сидел в камере № 266 на "красном корпусе", а в соседней камере № 267 сидел Журавлев,

¹ Гуковская Н. И., Свешников В. А. Судебно-медицинская экспертиза трупа по делам о насильственной смерти. М., 1957. С. 157; Осмотр трупа на месте его обнаружения / под ред. А. А. Матьшева. СПб., 1997. С. 118–138.

² Козлов В. В., Краюшкин А. И. Отсутствие выраженных постстрангуляционных расстройств у спасенного при самоповешении // Вопросы судебной медицины. 1969. Вып. 4. С. 208–211.

³ Долматов А. И. Специальная физическая подготовка. М., 1989. С. 59–64.

⁴ Сайков В. И. Преступления без наказания. Хроника одного уголовного дела с необходимыми комментариями. Иркутск, 2009. С. 51.

и я ночью слышал, как Журавлева били, он кричал, что его убивают. И потом 19 числа ко мне пришел адвокат Иванов и сказал, что Журавлев умер, что умер он от асфиксии. Я был в шоке, узнав про это»¹. Другой обвиняемый по указанному делу полковник МВД в отставке В. И. Сайков писал: «Никакой проверки по факту смерти Журавлева прокуратурой не проводилось. Свидетели Фомин, Бикеев, Наумович, Краснов и т. д. показали, что в СИЗО проводились избиения и пытки в отношении арестованных, от которых УБОПу нужны были ложные "честные" показания о преступлениях, которые эти несчастные люди не совершали... Прокуроры из областной прокуратуры по всем фактам убийства людей в СИЗО готовили отказы в возбуждении уголовных дел без всякой проверки. Отказные материалы им готовит работник дознания СИЗО-1 Тепляшина С. Р.»².

Иркутский областной суд при вынесении оправдательного приговора подсудимым по названному делу отметил: «Доводы подсудимых в той части, что в ходе предварительного следствия к ним было применено психическое и физическое насилие, в результате которого они признали свою вину в убийстве Б., в судебном заседании не только не были опровергнуты, но и объективно были подтверждены другими доказательствами»³.

Случаи сомнительной смерти подозреваемых и обвиняемых, квалифицируемые как самоубийство, являются нередкими в изоляторах временного содержания и следственных изоляторах России и государств ближнего зарубежья⁴. В СМИ регулярно появляются сообщения о возбуждении уголовных дел в отношении работников правоохранительных органов, применяющих насилие к заключенным под стражу, либо

¹ Там же. С. 62.

² Сайков В. И. Преступления без наказания. Хроника одного уголовного дела с необходимыми комментариями. Иркутск, 2009. С. 51. С. 116–117.

³ Там же. С. 199.

⁴ Алекперова Д. Кто или что доводит заключенных до самоубийства? // Эхо. 2015. 30 янв.

организующих применение такого насилия с помощью негласных сотрудников-конфидентов¹. «Выбивание признательных показаний» у арестованных — весьма распространенное явление в нашей стране. В то же время не подлежит сомнению, что в случаях инсценировки суицида или доведения до него заключенных под стражу необходимо возбуждение уголовного дела, поскольку распознать действительный род смерти без применения научно-технических методов следствия, в частности, различных судебных экспертиз, невозможно.

Мы полностью разделяем авторитетное мнение Г. Н. Мудьюгина о том, что во всех неясных случаях смерти человека, когда она могла быть вызвана убийством или доведением до самоубийства, необходимо проводить расследование в полном объеме, немедленно возбуждая уголовное дело [265, с. 32].

3.5 Суицид пилотов самолетов как способ совершения преступления

В специальной литературе имеется обоснованное утверждение, что самоубийство может быть составляющей способа совершения преступления (совершение террористического акта террористом-смертником)². Имеются криминалистические и психологические исследования, посвященные личностям таких преступников [50, с. 93–94; 352, с. 30–44]. В то же время отмечается отсутствие качественных криминологических работ по названной теме [428, с. 4–7].

Крупнейшим террористическим актом, сопряженным с суицидом правонарушителей, считается серия четырех координированных актов 11 сентября 2001 г. в США. Тогда 19

¹ Костоев И. М., Викторов В. Е. Россия: преступный мир. М., 1998. С. 133.

² Ардашев Р. Г. О некоторых криминалистических аспектах суицида лиц, совершивших преступления террористического характера // Закон и право. 2012. № 9. С. 93–94; Соснин В. А. Психология суицидального терроризма в XXI веке: исторические параллели и современные геополитические тенденции // Психологический журнал. 2011. Т.32. № 4. С. 30–44.

членов террористической организации «Аль-Каида» захватили одновременно четыре рейсовых пассажирских самолета. В каждой из преступных групп имелись лица, прошедшие начальную летную подготовку. Летательные аппараты были направлены на разные цели, в результате чего погибло около трех тысяч человек¹.

В. Ф. Войцех и В. М. Гилод в своей работе рассматривают способы суицида и некоторые характеристики суицидентов, но не касаются такой категории, как пилоты летательных аппаратов². Между тем за последние 30 лет только в США по меньшей мере 44 пилота намеренно направляли свои самолеты в землю, пытаясь покончить с собой. Подобные случаи отмечены и в ряде других стран. Так, в России летчик В. Серков произвел самовольный взлет на АН-2 из аэропорта Северный в г. Новосибирске, сделал круг над городом и направил свой самолет в пятиэтажный жилой дом. В результате погибли Серков и еще четыре жителя этого дома. В ходе расследования выяснилось, что летчик-самоубийца хотел отомстить своей бывшей жене, которая ушла от него к своим родителям, проживавшим в этом доме³.

История авиации знает случаи, когда пилоты намеренно совершали авиакатастрофы, влекущие массовую гибель людей. 19 декабря 1997 г. Боинг-737, летевший по маршруту «Джакарта — Сингапур», был сознательно переведен в пикирующий режим командиром корабля Цу Вай Мингом, что повлекло разрушение аппарата и гибель 104 человек. При расследовании выяснилось, что летчик-суицидент имел большие финансовые долги из-за неудачных биржевых операций. А 31 октября 1999 г. египетский пилот Боинга-767,

¹ Фридман В. 11 сентября: вид на убийство. М., 2009.

² Войцех В. Ф., Гилод В. М. Способ суицида и некоторые характеристики суицидентов // Материалы XIII съезда психиатров России. М., 2000. С. 313.

³ Самсонов А. Таран жилого дома самолетом Ан-2 в Новосибирске [Электронный ресурс] // Военное обозрение. URL: <https://topwar.ru/33817-taran-zhilogo-doma-samoletom-an-2-v-novosibirsk.html> (дата обращения: 05.10.2019).

летевшего из Нью-Йорка в Каир, Камиль Эль Батути направил самолет в Атлантический океан, что повлекло гибель всех 217 человек, находившихся на борту. Мотивацией суицида был скандал на почве сексуальных домогательств, что неминуемо повлекло бы увольнение Эль Батути и его уголовную ответственность¹.

29 ноября 2013 г. пассажирский самолет «Эмбраер 190» с 33 людьми на борту разбился в Мозамбике во время полета в Анголу. Капитан Эрминьо дос Сантос Фернандес заперся один в кабине, настроил автопилот на спрограммированное падение в болота национального парка Бвабвата. Выяснилось, что у капитана были серьезные проблемы в браке, которые он скрывал от своих коллег².

24 марта 2015 г. «Аэробус А 320» вылетел из Барселоны в Дюссельдорф. На борту находилось 144 пассажира и 6 членов экипажа. Все они погибли в результате действий 27-летнего второго пилота Андреаса Любитца, который заперся в кабине и направил летательный аппарат на столкновение с горным массивом Альп³. Следователи установили, что одиноко проживавший Любитц проходил лечение у психотерапевта, скрывал от медицинской комиссии прогрессирующее ухудшение своего здоровья, и испытывал стресс от разрыва отношений со своей невестой. И хотя он проходил ежегодное медицинское обследование, выяснилось, что предусмотренные процедуры не включают психологическую проверку пилотов на склонность к суициду⁴.

¹ Петров А. Летчики-самоубийцы — не редкость [Электронный ресурс] // Вести.ru. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2455999> (дата обращения: 05.10.2019).

² Петров А. Летчики-самоубийцы — не редкость [Электронный ресурс] // Вести.ru. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2455999> (дата обращения: 05.10.2019).

³ Сафронов Ю. А320: душераздирающий полет [Электронный ресурс] // Новая газета. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2015/03/26/63542-a320-dusherazdirayuschiy-polet> (дата обращения: 05.10.2019).

⁴ Евстифеев Д., Маетная Е. «Он мечтал летать» [Электронный ресурс] // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2015/03/26/6615361.shtml?updated> (дата обращения: 05.10.2019).

После этого случая проблема выявления возможного потенциального суицида испытуемых стала особенно острой для авиационных медиков во всем мире. И хотя у специалистов имеются подобные диагностические методики [20, с. 69], приведенные примеры не позволяют считать их достаточно эффективными.

Если охарактеризовать личность пилота-самоубийцы с позиций криминологии, то можно сказать, что это мужчина молодого или зрелого возраста, находящийся в сильной психотравмирующей ситуации, выход из которой он видит только в собственном физическом саморазрушении, для чего им используются специальные летные навыки и возможности (управление летательным аппаратом). Мотивация суицида может быть обусловлена совершением правонарушения, острым переживанием разрыва отношений с женщинами, семейными неурядицами, а также ухудшением собственного здоровья и отсутствием достойной жизненной перспективы. В мотивационном профиле такого преступника потребность избежать уголовного наказания, характерная для большинства правонарушителей, заменяется на осознанную готовность к самоуничтожению¹. К сожалению, в настоящее время у авиационных медиков различных государств отсутствуют эффективные методики выявления потенциальных пилотов-суицидников.

¹Криминальная мотивация / под ред. В. Н. Кудрявцева. М., 1986. С. 126–127.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование позволило сделать ряд теоретических выводов и предложить научно-практические рекомендации.

Посткриминальное поведение преступника традиционно изучается уголовным правом и криминологией. В криминалистике имеются некоторые работы, в которых авторы отмечают значение исследования посткриминального поведения преступника для раскрытия и расследования преступлений. Однако криминалистическое учение о посткриминальном поведении преступника находится еще на стадии формирования.

Одним из видов посткриминального поведения преступника является посткриминальный суицид, который ранее не был предметом научного исследования. Между тем посткриминальный суицид правонарушителя может осложнить расследование особо тяжких и тяжких преступлений, среди которых первое место по опасности занимают убийства.

Анализ специальной литературы и практики расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом убийцы, позволил сформулировать авторское определение посткриминального суицида, под которым следует понимать добровольное, умышленное лишение себя жизни лицом непосредственно после совершения им преступления или спустя некоторое время, причинно обусловленное совершенным преступлением.

Обязательными признаками посткриминального суицида являются:

- 1) совершение самоубийства сразу или через какое-то время после совершения преступления. При этом самоубийство преступника может иметь место как до обнаружения

преступления, так и на досудебных и судебных стадиях, до исполнения приговора;

2) суицид преступника обусловлен совершением преступления, между ними существует причинно-следственная связь. Если суицид преступника обусловлен иными обстоятельствами, а не фактом совершения преступления, то его нельзя рассматривать как посткриминальный.

Изучение феномена посткриминального суицида убийцы необходимо для разработки криминалистических рекомендаций по расследованию убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя.

В связи с этим важным представляется исследование истории возникновения и развития научных знаний о расследовании такой категории уголовных дел. Изучение специальной литературы показало, что в России с древнейших времен и до настоящего времени отсутствовали научные труды по процессуальным и криминалистическим вопросам расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя. Сообщения о фактах убийств, связанных с последующим самоубийством преступника, публиковавшиеся в периодических юридических изданиях в первые два десятилетия XX в., а также отдельные статьи в научно-практическом сборнике «Следственная практика», в которых лаконично освещался положительный опыт расследования этой категории уголовных дел, не могли восполнить отсутствие научно обоснованных криминалистических рекомендаций по расследованию этого вида убийств.

Для более глубокого понимания сущности и значения посткриминального суицида правонарушителя рассмотрено его соотношение с такими понятиями, как противодействие расследованию, сокрытие преступления и улики поведения, что позволило установить следующее. Посткриминальный суицид (посткриминальное покушение на суицид) является

одним из способов противодействия расследованию преступлений, который обладает рядом специфических особенностей, связанных с характеристикой субъекта, оказывающего противодействие, мотивом и целью его поведения, временем, местом оказываемого противодействия. Сокрытие преступления является формой противодействия расследованию, состоящей из таких способов, как утаивание, уничтожение, маскировка, фальсификация следов преступления и преступника и их носителей. Посткриминальный суицид выступает в качестве одного из способов сокрытия преступления, входящих в группу уничтожение, поскольку преступник как носитель доказательственной информации после совершения преступления лишает себя жизни с целью уклонения от уголовной ответственности.

Изучение посткриминального суицида с позиции криминалистической теории противодействия расследованию необходимо для разработки мер предупреждения этого специфического способа противодействия. Основанием для принятия таких мер служит выявление суицидального риска у подозреваемого (обвиняемого).

Посткриминальный суицид целесообразно рассматривать как улику поведения, так как он позволяет установить причинную связь между суицидом и преступлением (убийством), совершенным суицидентом ранее в условиях неочевидности.

В зависимости от времени совершения посткриминального суицида по делам об убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, можно выделить следующие типовые следственные ситуации.

1. Убийство очевидное, убийца покончил жизнь самоубийством сразу после совершения преступления.

2. Убийство очевидное, убийца скрылся с места преступления, а позднее был обнаружен его труп. Имеется информация, что он покончил жизнь самоубийством.

3. Убийство очевидное, убийца скрылся с места преступления, заявив свидетелям о своем намерении в скором времени совершить суицид. Через некоторое время обнаружен труп убийцы с признаками суицида.

4. Убийство неочевидное, обнаружено несколько трупов, среди которых имеется труп с признаками, указывающими на самоубийство.

5. Предполагаемый убийца покончил с собой при задержании.

6. Предполагаемый убийца задержан (заключен под стражу) и прибегнул к суициду в ходе предварительного расследования: а) в СИЗО; б) в другом месте (при производстве следственного действия и др.). Возможен парасуицид, когда покушавшийся выжил.

7. Лицо, обвиняемое в совершении убийства, может покончить с собой также в ходе судебного следствия или после вынесения обвинительного приговора.

Типовыми следственными версиями, которые выдвигаются в перечисленных криминалистических ситуациях, являются следующие: о цели и мотивах убийства, соучастниках — в первой и пятой следственных ситуациях; суицид подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) связан (не связан) с совершенным убийством — во второй и седьмой криминалистических ситуациях; о мотивах убийства, местонахождении скрывшегося преступника — в третьей следственной ситуации; о мотивах убийств, личности убийцы, инсценировке суицида — в четвертой следственной ситуации; суицид (парасуицид) обусловлен (не обусловлен) совершением убийства, в котором лицо подозревается (обвиняется), — в шестой следственной ситуации.

Типичными следственными действиями, которые проводятся для проверки следственных версий в указанных следственных ситуациях, являются осмотр места происшествия и

трупа (трупов), назначение судебно-медицинских экспертиз, допрос свидетелей, обыск, осмотр предметов (документов), назначение криминалистических экспертиз, судебных экспертиз из класса криминалистических экспертиз материалов, веществ и изделий, посмертной психолого-психиатрической или судебно-психологической экспертизы.

В случае покушения на самоубийство лица, подозреваемого (обвиняемого) в совершении убийства, нужно провести допрос подозреваемого (обвиняемого) о мотивах его поступка; допрос свидетелей (лиц, которые пресекли суицид и (или) которым подозреваемый (обвиняемый) говорил о своем намерении совершить суицид); первичную или дополнительную психолого-психиатрическую экспертизу подозреваемого (обвиняемого); судебно-медицинскую экспертизу подозреваемого (обвиняемого).

Об особенностях возбуждения уголовного дела следует говорить в отношении первой следственной ситуации. Зачастую в случае суицида убийцы уголовное дело не возбуждается сразу после совершения убийства, так как, по мнению следователей, оно не имеет судебной перспективы. Однако такая практика является порочной, не дает возможности полно, всесторонне и объективно установить все обстоятельства совершенного преступления и причины самоубийства подозреваемого.

Особенности допроса по делам рассматриваемой категории сводятся к следующему:

1. Необходимо получить максимально полную и подробную информацию о личности убийцы-суицидента от свидетелей, знавших его в разные годы жизни, а также о личности преступника и событии преступления от малолетних свидетелей-очевидцев, если таковые имеются. Такой объем информации позволит в дальнейшем назначить посмертную психолого-психиатрическую экспертизу. Для объективизации показаний

малолетних свидетелей-очевидцев необходимо назначать судебно-психологическую экспертизу, заключение которой позволит оценить, могло ли малолетнее лицо правильно воспринимать обстоятельства совершенного преступления и давать о них показания.

2. Целесообразно безотлагательно допрашивать умирающего потерпевшего по делу об убийстве или умирающего подозреваемого-суицидента, находящихся в медицинском учреждении и способных давать показания. Такой допрос по возможности следует дополнительно фиксировать с помощью технических средств (аудио-, видеозаписи), а протокол допроса составлять с учетом положений ч. 3 ст. 167 УПК РФ.

3. Вопрос о профилактике суицида подозреваемого (обвиняемого) по делам об убийствах необходимо рассматривать на стадии подготовки к допросу и в ходе допроса указанных лиц. При этом следователь может пользоваться информацией, полученной как процессуальным, так оперативным путем.

Особое значение при раскрытии и расследовании убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя, имеет применение специальных знаний. Проведенное исследование позволило определить современные возможности судебно-медицинских, судебных психолого-психиатрических, судебно-психологических, криминалистических и иных экспертиз при расследовании убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя.

ЛИТЕРАТУРА

Нормативно-правовые и иные акты

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.; с учетом поправок, внесенных федеральными конституционными законами от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ, 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, 5 фев. 2014 г. № 2-ФКЗ, 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации : федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ (ред. от 08.03.2015). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
3. О полиции : федеральный закон от 7 фев. 2011 г. № 3-ФЗ (в ред. от 19.12.2016). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) : постановление Пленума Верховного суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015).
5. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный : закон 12 авг. 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 06.07.2016). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
6. Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 20 мая 2013 г. № 72 (ред. от 15.08.2016) (Зарегистрировано в Минюсте России 27.05.2013 за № 28535). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
7. Об утверждении перечня состояний, при которых оказывается первая помощь, и перечня мероприятий по оказанию первой помощи : приказ Минздравсоцразвития России от 04.05.2012 № 477 н (ред. от 07.11.2012) (Зарегистрировано в Минюсте России 16.05.2012 № 24183). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (в ред. от 19.12.2016). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
9. Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 19.12.2016). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

Основная литература

10. Авдеев В. А. Механизм правового регулирования посткриминального поведения несовершеннолетних / В. А. Авдеев; Мин-во образования РФ. Иркут. гос. экон. акад. Иркутск : Оттиск, 2001. 237 с.
11. Авдеев В. А. Правовое регулирование посткриминального поведения несовершеннолетних: история и современность / В. А. Авдеев; Мин-во образования РФ. Иркут. гос. экон. акад. Иркутск: Оттиск, 2001. 151 с.
12. Акопов В. И. Борьба с современной насильственной преступностью: идеальное и реальное / В. И. Акопов, Е. С. Надтока // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы II Международной научно-практической конференции. Москва, 24–25 июня 2009 г. Москва, 2009. С. 10–14.
13. Александров Е. Б. Проблемы экспансии лженауки / Е. Б. Александров // В защиту науки. Москва, 2006. № 1. С. 14–29.
14. Алехин Д. В. Неквалифицированное производство следственных действий как фактор, влияющий на возможность раскрытия и расследования преступлений прошлых лет / Д. В. Алехин // Актуальные проблемы расследования преступлений: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 23 мая 2013 г.). Москва, 2013. Ч. 2. С. 7–11.
15. Алешкина Т. Н. К вопросу об использовании научно-технических средств и методов в розыске без вести пропавших / Т. Н. Алешкина // Ученые-криминалисты и их роль в совершенствовании научных основ уголовного судопроизводства: материалы вузовской юбилейной научно-практической конференции, посвященной 85-летию со дня рождения Р. С. Белкина и юбилеям его учеников (Москва, 25–26 октября 2007 г.). Москва, 2007. Ч. 2. С. 299–307.
16. Алисиевич В. И. К судебно-медицинской диагностике состояния стресса / В. И. Алисиевич // Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы трупа: сборник трудов / ЦНИИ судеб. психиатрии им. В. П. Сербского; под общ. ред. В. И. Прозоровского. Москва, 1977. С. 22–25.
17. Алябьев Ф. В. Морфология надпочечников в случаях завершеного суицида / Ф. В. Алябьев, Ю. М. Падеров, С. Ю. Кладов. Томск: Том. гос. ун-т, 2005. 140 с.

18. Алякринский С. А. Схема предварительного следствия по уставу уголовного судопроизводства с разъяснениями Правительствующего сената, циркулярными распоряжениями Министерства юстиции и руководящими положениями юридической литературы : практическое пособие для судебных следователей и кандидатов на судебные должности / сост. судеб. следователь Владим. окр. суда С. А. Алякринский; под ред. и с доп. исп. обязанности товарища обер-прокурора Угол. кассац. деп. Сената А. В. Скопинского. Москва : Юр. кн. маг. «Правоведение» И. К. Голубева, 1912. 174 с.
19. Амбрумова А. Г. Анализ предсмертных записок суицидентов / А. Г. Амбрумова, Л. И. Постовалова // Научные и организационные проблемы суицидологии : сборник научных трудов / Моск. НИИ психиатрии. Москва, 1983. С. 53–74.
20. Амбрумова А. Г. Диагностика суицидального поведения : методические рекомендации / Амбрумова А. Г., Тихоненко В. А. Москва, 1980.
21. Амбрумова А. Г. Индивидуально-психологические аспекты суицидального поведения / А. Г. Амбрумова // Актуальные проблемы суицидологии : сборник статей / отв. ред. проф. А. А. Портнов. Москва, 1978. С. 44–59 (Труды Московского НИИ психиатрии. Т. 82).
22. Амбрумова А. Г. Психология самоубийства / А. Г. Амбрумова // Социальная и клиническая психиатрия. 1996. Т. 6, № 4. С. 14–20.
23. Амбрумова А. Г. Социально-психологическая дезадаптация личности и профилактика суицида / А. Г. Амбрумова, В. А. Тихоненко, Л. Л. Бергельсон // Вопросы психологии. 1981. № 4. С. 91–102.
24. Амбрумова А. Г. Теоретико-методологические и организационные проблемы суицидологической превенции / А. Г. Амбрумова // Проблемы профилактики и реабилитации в суицидологии : сборник научных трудов / Моск. НИИ психиатрии. Москва, 1984. С. 8–26.
25. Андреев А. С. Содержание и структура криминалистического учения о посткриминальном поведении лиц, связанных с преступной деятельностью / А. С. Андреев // Казанская наука. 2015. № 3. С. 120–123.
26. Антонян Ю. М. Преступное поведение и психические аномалии / Ю. М. Антонян, С. В. Бородин. Москва: Спарк, 1998. 215 с.
27. Ардашев Р. Г. Актуальные вопросы посткриминального суицида лиц, заключенных под стражу / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев // Закон и право. 2018. № 2. С. 141–143.

28. Ардашев Р. Г. Вопросы теории и практики расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя : монография / Р. Г. Ардашев. Иркутск : Изд-во ИрГТУ, 2013. 188 с.
29. Ардашев Р. Г. Вопросы теории и практики расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя : монография / Р. Г. Ардашев. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск : Изд-во ИрНТУ, 2015. 220 с.
30. Ардашев Р. Г. Выявление актов посткриминального суицида при раскрытии преступлений против жизни / Р. Г. Ардашев // Криминалистика — прошлое, настоящее, будущее: достижения и перспективы развития : сборник материалов международной научно-практической конференции, приуроченной к 60-летию образования службы криминалистики. Москва : Академия Следственного комитета РФ, 2014. С. 135–137.
31. Ардашев Р. Г. Использование данных биоритмологии в криминалистике и оперативно-розыскной деятельности / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев, В. И. Шапошникова // Закон и жизнь. 2012. № 7. С. 20–22.
32. Ардашев Р. Г. Использование знаний дерматоглифики при установлении факта истинного самоубийства и его инсценировки / Р. Г. Ардашев // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов международной научно-практической конференции. Иркутск : Изд-во ВСИ МВД России, 2013. С. 191–193.
33. Ардашев Р. Г. Классификация посткриминального суицида массовых убийц : ситуативные аспекты / Р. Г. Ардашев // Закон и право. 2017. № 5. С. 116–117.
34. Ардашев Р. Г. Классификация посткриминального суицида серийных убийц / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 2. С. 35–39.
35. Ардашев Р. Г. Криминалистические аспекты суицида убийц, осужденных к смертной казни / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев // Закон и право. 2013. № 3. С. 102–103.
36. Ардашев Р. Г. Криминалистические экспертизы при расследовании убийств, сопряженных с суицидом виновных лиц / Р. Г. Ардашев // Закон и право. 2013. № 5. С. 98–99.

37. Ардашев Р. Г. Массовые убийства, осложненные посткриминальным суицидом правонарушителя : проблемные вопросы / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев // Закон и право. 2013. № 10. С. 117–119.
38. Ардашев Р. Г. Моделирование действий скрывшихся убийц при их возможном посткриминальном суициде / Р. Г. Ардашев // Закон и право. 2013. № 1. С. 104–105.
39. Ардашев Р. Г. Недостатки прокурорского надзора по фактам убийств, сопряженных с суицидом правонарушителя / Р. Г. Ардашев // Законность. 2013. № 5. С. 57–58.
40. Ардашев Р. Г. Некоторые особенности возбуждения уголовных дел об убийствах, сопряженных с суицидом преступника / Р. Г. Ардашев // Конституция РФ как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений : сборник материалов международной научно-практической конференции. Москва : Буки Веди, 2013. Ч. 2. С.16–20.
41. Ардашев Р. Г. Некоторые особенности допросов при расследовании убийств, сопряженных с суицидом виновных лиц / Р. Г. Ардашев // Закон и право. 2013. № 6. С. 89–90.
42. Ардашев Р. Г. Необходимость проверки ситуации посткриминального суицида при раскрытии серийных и массовых убийств / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев, В. Н. Китаева // Закон и право. 2018. № 5. С. 125–127.
43. Ардашев Р. Г. Несостоятельность использования экстрасенсов для раскрытия и расследования преступлений / Р. Г. Ардашев // Закон и право. 2013. № 11. С. 131–132.
44. Ардашев Р. Г. О возможности экспертной диагностики склонности к суициду / Р. Г. Ардашев // Закон и право. 2012. № 11. С. 97–98.
45. Ардашев Р. Г. О возможностях экспертной диагностики суицида путем самоповешения / Р. Г. Ардашев // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : сборник материалов международной научно-практической конференции. Москва : Проспект, 2013. С. 16–17.
46. Ардашев Р. Г. О вымышленных серийных убийцах Украины / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев // Ученые записки Таврического государственного университета им. В. И. Вернадского. Сер. Юридические науки. 2012. Т. 25 (64). № 2. С.175–179.

47. Ардашев Р. Г. О научных диагностических методах установления предрасположенности субъекта к суициду (выявление криминальных инсценировок) // Актуальные проблемы расследования преступлений : сборник материалов международной научно-практической конференции. Москва : Буки Веди, 2013. Ч. 2. С. 11–15.
48. Ардашев Р. Г. О недостатках в расследовании убийств медицинских работников, сопряженных с посткриминальным суицидом подозреваемых / Р. Г. Ардашев // Закон и право. 2017. № 3. С. 110–112.
49. Ардашев Р. Г. О некоторых процессуальных нарушениях в ситуациях посткриминального суицида убийц / Р. Г. Ардашев // Закон и право. 2012. № 4. С. 95–96.
50. Ардашев Р. Г. О некоторых диагностических признаках самоубийц / Р. Г. Ардашев // Вестник криминалистики. 2012. № 1 (41). С. 46–51.
51. Ардашев Р. Г. О качестве протоколов осмотра трупа и места происшествия при убийствах, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителей / Р. Г. Ардашев // Закон и право. 2012. № 10. С. 84–85.
52. Ардашев Р. Г. О некоторых оперативно-розыскных аспектах раскрытия массовых убийств / Р. Г. Ардашев, В. Н. Туркова // Закон и право. 2014. № 7. С. 131–132.
53. Ардашев Р. Г. О некоторых аспектах криминалистической суицидологии / Р. Г. Ардашев, Н. П. Биленко // Закон и право. 2019. № 3. С. 118–120.
54. Ардашев Р. Г. О нетрадиционных аспектах судебно-медицинской экспертизы трупа при выявлении признаков истинного суицида (склонности к нему) / Р. Г. Ардашев // Методологические, правовые и организационные проблемы новых родов (видов) судебных экспертиз : сборник материалов международной научно-практической конференции. Москва : Проспект, 2014. С. 22–24.
55. Ардашев Р. Г. О конфликте интересов при необходимости опроса тяжелораненого (умирающего) / Р. Г. Ардашев // Закон и право. 2012. № 3. С. 76–77.
56. Ардашев Р. Г. О криминалистическом значении предсмертных писем убийц, осужденных к смертной казни и покончивших суицидом / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев // Уголовное производство: новации процессуальной теории и криминалистической практики : сборник

- материалов международной научно-практической конференции. Симферополь : Диайпи, 2013. С. 75–76.
57. Ардашев Р. Г. О раскрытии массовых убийств, замаскированных инсценировками несчастного случая / Р. Г. Ардашев, В. Н. Туркова // Сохраняя прошлое, определяя настоящее, предвосхищая будущее : сборник научных трудов, посвященных 90-летию доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Беларусь А. В. Дулова. Минск: Бизнесофсет, 2014. С. 159–163.
58. Ардашев Р. Г. Об использовании специальных знаний в ситуациях расследования убийств и суицида / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности : сборник материалов международной научно-практической конференции. Калининград : Изд-во БФУ им. Канта, 2012. С. 237–241.
59. Ардашев Р. Г. Оперативно-следственный аспект суицида как возможного «индикатора» убийства, совершенного ранее / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев // Уголовно-процессуальный закон: состояние и направления совершенствования : сборник материалов межведомственной научно-практической конференции. Руза : Изд-во Московского областного филиала Московского университета МВД России, 2012. С. 75–79.
60. Ардашев Р. Г. Особенности расследования убийства лица, угрожавшего убийством с посткриминальным суицидом // Закон и право. 2019. № 2. С. 142–143.
61. Ардашев Р. Г. Посмертные судебно-психиатрические экспертизы лиц, умертвляющих детей (аспект посткриминального суицида) / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев // Закон и право. 2013. № 4. С. 99–100.
62. Ардашев Р. Г. Посмертные судебно-психологические экспертизы убийц, прибегнувших к суициду / Р. Г. Ардашев // Закон и право. 2013. № 2. С. 107–108.
63. Ардашев Р. Г. Посткриминальный суицид убийцы как способ противодействия расследованию убийств / Р. Г. Ардашев // Закон и право. 2013. № 7. С. 98–100.
64. Ардашев Р. Г. Посткриминальный суицид убийц как улика поведения / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев // Ученые записки Таврического государственного университета им. В. И. Вернадского. Сер. Юридические науки. 2011. Т. 2. № 24 (63). С. 232–236.

65. Ардашев Р. Г. Посткриминальный суицид убийц и проблемы криминалистической биоритмологии / Р. Г. Ардашев, Н. П. Биленко, Н. Н. Китаев // Закон и право. 2017. № 8. С. 99–100.
66. Ардашев Р. Г. Посткриминальный суицид массовых убийц: следственные ситуации / Р. Г. Ардашев // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции. Иркутск: Изд-во ВСИ МВД России, 2019. С. 194–196.
67. Ардашев Р. Г. Посткриминальный суицид убийц в России: недостатки предварительного следствия и прокурорского надзора / Р. Г. Ардашев // Закон и жизнь (Республика Молдова). 2012. № 9. С. 43–44.
68. Ардашев Р. Г. Проблемные вопросы назначения судебно-психологической экспертизы по делам террористов-смертников / Р. Г. Ардашев // Современное состояние и проблемы уголовного и уголовно-процессуального права, юридической психологии : сборник материалов международной научно-практической конференции. Волгоград : Изд-во ВолГУ. 2012. С. 508–512.
69. Ардашев Р. Г. Проблемные вопросы установления серийных убийц / Р. Г. Ардашев, А. Н. Архипова, В. Н. Туркова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра : сборник научных трудов. Иркутск: Изд-во ВСИ МВД России, 2016. Вып. 7. С. 28–31.
70. Ардашев Р. Г. Проблемы восстановления механизма преступления по материальной обстановке места происшествия в ситуациях посткриминального суицида убийц / Р. Г. Ардашев // Современные проблемы юридической науки: материалы IX Международной научно-практической конференции молодых исследователей (Челябинск, 3–4 мая 2013 г.). Челябинск, 2013. Ч. 2. С. 235–236.
71. Ардашев Р. Г. Проблемы раскрытия и расследования убийств, осложненных суицидом подозреваемого / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев // Российский следователь. 2013. № 18. С. 8–10.
72. Ардашев Р. Г. Расследование убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом правонарушителя. Вопросы криминалистической ситуалогии / Р. Г. Ардашев // Закон и право. 2018. № 1. С. 112–115.
73. Ардашев Р. Г. Самоубийство правонарушителей как способ противодействия расследованию преступлений (по материалам уголовных

- дел об убийствах) / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев // Вестник криминалистики. 2013. № 3 (47). С. 84–89.
74. Ардашев Р. Г. Судебные психиатрические и психолого-психиатрические экспертизы при расследовании убийств, осложненных суицидом правонарушителей / Р. Г. Ардашев, В. Н. Китаева // Закон и право. 2013. № 8. С. 86–87.
75. Ардашев Р. Г. Суицид обвиняемых (подозреваемых) в убийстве при проведении следственных действий / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев // Закон и право. 2013. № 9. С. 98–99.
76. Ардашев Р. Г. Суицид пилотов самолетов как способ совершения преступления: криминологические аспекты / Р. Г. Ардашев // Закон и право. 2018. № 12. С. 75–76.
77. Ардашев Р. Г. Терроризм и суицид / Р. Г. Ардашев // Закон и правопорядок в третьем тысячелетии: VII Балтийский юридический форум : электронный сборник материалов международной научно-практической конференции. Калининград: Калининградский филиал СПбУ МВД России, 2019. С. 157–158.
78. Ардашев Р. Г. Украинский след Лондонского «Джека-потрошителя» — художественный вымысел / Р. Г. Ардашев, Н. Н. Китаев // Реформирование системы криминальной юстиции в Украине: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы : сборник материалов международной научно-практической конференции. Ирпень : Изд-во Ирпенской финансово-юридической академии. 2012. С.131–133.
79. Архипова А. Н. Актуальные вопросы судебно-медицинской экспертизы в ситуациях, когда труп потерпевшего не обнаружен или подвергался уничтожению / А. Н. Архипова, Н. Н. Китаев // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Юридические науки. Симферополь, 2009. Т. 22 (61), № 1. С. 255–261.
80. Архипова А. Н. Международная практика расследования убийств при отсутствии трупа потерпевшего / А. Н. Архипова // Криминалистика в системе правоприменения: материалы конференции (Москва, 27–28 окт. 2008 г.). Москва, 2008. С. 203–206.
81. Архипова А. Н. О подмене «нетрадиционных» приемов раскрытия преступлений лженаучными рекомендациями / А. Н. Архипова, Н. Н. Китаев // Вестник криминалистики. 2011. № 1. С. 18–23.

82. Бабаева Э. У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию / Э. У. Бабаева. Москва : Юрлитинформ, 2006. 311 с.
83. Баев О. Я. Основы криминалистики : курс лекций / О. Я. Баев. Москва : ЭКЗАМЕН, 2001. 288 с.
84. Байковский С. Б. Способность к действию при безусловно смертельном повреждении / С. Б. Байковский // Вопросы теории и практики судебной медицины. Чита, 1959. С. 85–87.
85. Банщиков В. М. Медицинская психология: учебник / В. М. Банщиков, В. С. Гуськов, И. Ф. Мягков. Москва : Медицина, 1967. 239 с.
86. Барсегянц Л. О. Современное состояние судебно-медицинского исследования вещественных доказательств и пути развития / Л. О. Барсегянц // Судебно-медицинская экспертиза. 2004. № 5. С. 25–27.
87. Бегалиев К. А. Теоретические вопросы осмотра места происшествия / К. А. Бегалиев, В. И. Попов // Вопросы борьбы с преступностью / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Москва, 1983. Вып. 39. С. 58–66.
88. Бедняков Д. И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений / Д. И. Бедняков. Москва : Юр. лит., 1991. 206 с.
89. Белкин Р. С. Курс советской криминалистики: в 3 т. Криминалистические средства, приемы и рекомендации: пособие для преподавателей, адъюнктов, соискателей и слушателей учебных заведений МВД СССР / Р. С. Белкин. Москва: Изд-во Акад. МВД СССР, 1979. Т. 3. 407 с.
90. Белкин Р. С. Курс криминалистики: в 3 т. / Р. С. Белкин. Москва : Юрист, 1997. Т. 3. 480 с.
91. Белкин Р. С. История отечественной криминалистики / Р. С. Белкин. Москва : Норма, 1999. 486 с.
92. Белкин Р. С. Курс криминалистики : учебное пособие / Р. С. Белкин. 3-е изд., доп. Москва : Закон и право, 2001. 837 с.
93. Биленко Н. П. Медицинские и криминолого-криминалистические аспекты исследований месячных биоритмов (подходы к прогнозу и профилактике патологической агрессивности и суицидов) : монография / Н. П. Биленко. Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2019. 140 с.
94. Биленко Н. П. Значение исследований месячных биоритмов для прогноза и профилактики тромботических осложнений / Н. П. Би-

- ленко // Современные вопросы биомедицины. 2018. Т. 2, № 3 (4). С. 29–37.
95. Биленко Н. П. Месячные ритмы обострений и дебютов некоторых заболеваний и остро возникающих смертельных исходов / Н. П. Биленко // Клиническая медицина. 2001. № 6. С. 19.
96. Биленко Н. П. Подходы к хронопрогнозу и хронопрофилактике остро развивающихся смертельных исходов у детей и взрослых / Н. П. Биленко // Педиатрия. Журнал им. Г. Н. Сперанского. 2004. Т. 83, № 5. С. 109–111.
97. Биленко Н. П. Положительные и отрицательные периоды месяца. Изменения свертывающей системы крови и здоровья человека / Н. П. Биленко, Ю. Т. Драгун // Глобальные проблемы человечества. Краснодар, 1994. С. 58–59.
98. Биленко Н. П. Хронобиологический прогноз и комплексная профилактика некоторых заболеваний и остро развивающихся смертельных исходов / Н. П. Биленко. 2-е изд. Краснодар, 2000. 72 с.
99. Биленко Н. П. Хронобиология гениальности, делинквентности и девиантности / Н. П. Биленко, Ю. Т. Драгун // Образование и здоровье : тезисы докладов IV Всероссийской научно-практической конференции. Калуга, 1998. С. 37–39.
100. Бобров В. Г. К вопросу о делах оперативного учета / В. Г. Бобров // Оперативник (сыщик). 2007. № 3. С. 19–22.
101. Богданова Л. Н. Выявление латентных убийств в ходе прокурорских проверок / Л. Н. Богданова // Уголовное право. 2011. № 5. С. 109–114.
102. Бородин С. В. Мотивы и причины самоубийств / С. В. Бородин, А. С. Михлин // Актуальные проблемы суицидологии : сборник статей / отв. ред. проф. А. А. Портнов. Москва, 1978. С. 28–43 (Труды Московского НИИ психиатрии. Т. 82).
103. Бочков Н. П. Количественный дерматоглифический метод диагностики болезни Дауна / Н. П. Бочков, А. Г. Буланов, Г. Г. Бураковский // Вопросы охраны материнства и детства. 1972. Т. 17. № 6. С. 2–6.
104. Браиловский В. В. Опыт био-социального исследования убийц (по материалам мест заключения Северного Кавказа) / В. В. Браиловский. Ростов н/Д, 1929. 178 с. (Тр. Сев.-Кавказ. ассоц. науч.-исслед. ин-в. № 71, вып. 11).

105. Бруханский Н. П. Самоубийцы: социально-психиатрическое обследование 359 случаев оконченных и неоконченных самоубийств с 1 декабря 1923 г. по 31 мая 1924 г. в городе Москве / Н. П. Бруханский прив.-доц. 1 МГУ; с предисл. Н. А. Семашко и вступ. статьей проф. П. Б. Ганнушкина. Ленинград : Прибой, 1927. 109 с.
106. Булацель П. Ф. Самоубийство с древнейших времен до наших дней : исторический очерк. философских воззрений и законодательства о самоубийстве / П. Ф. Булацель. 2-е изд. Санкт-Петербург : Паровая типо-лит. (бар. Криденер), 1900. 217 с.
107. Бурак О. Б. К вопросу об инсценировке убийств / О. Б. Бурак // Следственная практика. Москва, 1960. Вып. 41. С. 158–162.
108. Бурданова В. С. Использование негативных обстоятельств при расследовании убийств / В. С. Бурданова // Вопросы борьбы с убийствами : материалы научно-практической конференции (Москва, 7–9 февр. 1968 г.) / отв. ред. Ф. Ю. Бердичевский [и др.]. Москва, 1969. С. 85–90.
109. Бурданова В. С. Причины ошибок, допускаемые при осмотре места происшествия и проведении судебно-медицинской экспертизы по делам об убийствах / В. С. Бурданова // Раскрытие тяжких преступлений против личности : материалы научно-практической конференции / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Москва, 1973. Ч. 1. С. 71–73.
110. Бурданова В. С. Следственное значение повреждений на трупах лиц, покончивших жизнь самоубийством / В. С. Бурданова, В. Ф. Коржевская // Актуальные вопросы теории и практики судебной медицины : сборник научных трудов / Ленингр. гос. ин-т усоверш. врачей им. С. М. Кирова; ред.: О. Х. Поркшеян [и др.]. Ленинград, 1975. Вып. 135. С. 23.
111. Бурданова В. С. Процессуальные и тактические вопросы проверки обстоятельств самоубийств / В. С. Бурданова // Вестник Ленинградского университета. Сер. Экономика, философия и право. 1966. Вып. 1, № 5. С. 126–131.
112. Бурька Д. А. Особенности выявления криминальных инсценировок на стадии возбуждения уголовного дела : монография / Д. А. Бурька, Д. А. Глотов. Москва : Юрлитинформ, 2012. 176 с.

113. Валеев М. Х. Осмотр места происшествия и трупа при подозрении на инсценировку самоповешения / М. Х. Валеев, А. Г. Борисова // Южно-Уральские криминалистические чтения / Мин-во образования РФ, Башк. гос. ун-т ; редкол.: Л. Л. Каневский [и др.]. Уфа, 2000. Сб. 8. С. 56–61.
114. Вандер М. Б. Некоторые особенности расследования преступлений в сложной криминальной обстановке / М. Б. Вандер // Труды Санкт-Петербургского юридического института Генеральной прокуратуры РФ. 2001. № 3. С. 114–120.
115. Васильев В. Л. Юридическая психология / В. Л. Васильев. Санкт-Петербург : Питер Ком, 1998. 649 с.
116. Васильева Н. В. О границах понятия «психические нарушения» в контексте применения статьи 22 УК РФ / Н. В. Васильева // Проблемы социальной психологии XXI столетия / под ред. В. В. Козлова. Ярославль, 2001. Т. 1. С. 113–114.
117. Ведерников Н. Т. Личность обвиняемого и подсудимого: понятие, предмет и методика изучения / Н. Т. Ведерников. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1978. 174 с.
118. Видонов Л. Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших убийство без очевидцев: метод. рекомендации / Л. Г. Видонов. Горький : Прокуратура Горьк. обл., 1978. 122 с.
119. Власенко В. Г. Криминалистическая версия и ее значение для раскрытия и расследования преступлений / В. Г. Власенко // Становление правового порядка в Российском государстве : реальность и перспектива (социально-правовые проблемы): сб. науч. ст. Саратов, 1995. С. 200–203.
120. Возгрин И. А. Введение в криминалистику. История, основы теории, библиография / И. А. Возгрин; Ассоц. юр. центр, С.-Петерб. юр. акад. Санкт-Петербург: Юр. центр «Пресс», 2003. 275 с.
121. Волчецкая Т. С. Криминалистическая ситуалогия / Т. С. Волчецкая. Калининград : Калининград. ун-т, 1997. 248 с.
122. Волчецкая Т. С. Генезис, современные тенденции и перспективы развития криминалистической ситуалогии на современном этапе / Т. С. Волчецкая // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности : материалы междуна-

- родной научно-практической конференции, посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуалогии "Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности". Калининград, 2012. С. 15–20.
123. Волчецкая Т. С. Роль, этапы и перспективы ситуационного подхода в современной криминалистике // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД РФ, 2016. С. 3–10.
124. Волынский А. Ф. Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений (проблемы теории и практики) / А. Ф. Волынский, В. П. Лавров // Организованное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и меры по его нейтрализации : материалы научно-практической конференции (Руза, 29–30 окт. 1996 г.). Москва, 1997. С. 93–95.
125. Выдрина Н. В. Особенности мотивации самоубийств / Н. В. Выдрина // Актуальные проблемы правоведения в современный период : сборник статей / под ред. В. Ф. Воловича. Томск, 1993. Ч. 2. С. 133–134.
126. Гавриловский В. П. К вопросу об анатомических изменениях на трупах самоубийц / В. П. Гавриловский // Судебно-медицинская экспертиза / Нар. ком. здравоохранения; под ред. д-ра Я. Лейбовича. Москва, 1929. Кн. 11. С. 59–60.
127. Гайсина Д. А. Генетические факторы риска суицидального поведения / Д. А. Гайсина, З. Л. Халилова, Э. К. Хуснутдинова // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2008. Т. 108, № 1. С. 87–91.
128. Галимов О. Х. Малолетние лица в уголовном судопроизводстве / О. Х. Галимов. Санкт-Петербург : Питер, 2001. 224 с.
129. Галяшина Е. И. Перспективы развития автороведческой экспертизы в России / Е. И. Галяшина, Е. И. Ермолова // Судебная экспертиза. 2005. № 3. С. 5–10.
130. Гвоздев И. М. О самоубийстве с социальной и медицинской точки зрения / И. М. Гвоздев. Казань : Университет. тип., 1889. 45 с.
131. Гельвиг А. Современная криминалистика (методы расследования преступлений) / А. Гельвиг; пер. с нем.; под ред. и с предисл. П. И. Люблинского. Москва : Право и жизнь, 1925. 100 с.

- (Криминалистика / под общ. ред. проф. М. Н. Гернета, П. И. Люблинского, А. Н. Трайнина. № 1).
132. Герасимов И. Ф. Некоторые проблемы раскрытия преступлений / И. Ф. Герасимов; Свердлов. юр. ин-т. Свердловск: Сред. Уральск. кн. изд-во, 1975. 184 с.
133. Гернет М. Н. Преступность и самоубийство во время войны и после нее / М. Н. Гернет. Москва : Изд-во ЦСУ СССР, 1927. 270 с. (Моральная статистика. Вып. 2).
134. Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений» : монография / Я. И. Гилинский. 3-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург : Алеф-Пресс, 2013. 650 с.
135. Гилинский Я. И. Самоубийство как социальный феномен / Я. И. Гилинский // Социологический журнал. 2011. № 2. С. 39–48.
136. Гилинский Я. И. Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория / Я. И. Гилинский // Социс. 1991. № 4. С. 72–78.
137. Гилинский Я. И. Социологические и психолого-педагогические основы суицидологии : учебное пособие / Я. И. Гилинский, Я. И. Юнацкевич. Санкт-Петербург, 1999. 338 с.
138. Гилинский Я. И. Тема смерти — тема жизни: философия социологии / Я. И. Гилинский // Фигуры Танатоса : философский альманах. Санкт-Петербург, 1995. Вып. 5. С. 112–114.
139. Говорин Н. В. Суицидальное поведение: типология и факторная обусловленность / Н. В. Говорин, А. В. Сахаров. Чита: Иван Федоров, 2008. 178 с.
140. Говорин Н. В. Алкогольный фактор в криминальной агрессии и аутоагрессии / Н. В. Говорин, А. В. Сахаров, А. С. Гаймоленко. Чита: Иван Федоров, 2009. 184 с.
141. Голиков Д. Л. «Осложненное» дело / Д. Л. Голиков // Следственная практика. Москва, 1966. Вып. 72. С. 106–124.
142. Голунский С. А. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений / С. А. Голунский, Б. М. Шавер; под ред. А. Я. Вышинского; Ин-т права Акад. наук СССР. Москва : Юриздат, 1939. 372 с.

143. Голунский С. А. Техника и методика расследования преступлений / С. А. Голунский, Г. К. Рогинский; ред. М. С. Строгович. Москва : Сов. законодательство, 1934. Вып. 1. 21 с.
144. Голунский С. А. Методика расследования дел об убийствах / С. А. Голунский // Социалистическая законность. 1937. № 5. С. 57–63.
145. Гольст Г. Р. Осмотр места происшествия и другие неотложные действия / Г. Р. Гольст, Г. Н. Мудьюгин // Расследование убийств : методическое пособие / отв. ред. Г. Н. Александров. Москва, 1954. С. 33–114.
146. Гордон Г. И. Современные самоубийства / Г. И. Гордон // Русская мысль. 1912. № 5. С. 74–93.
147. Гордон Э. С. Факторы, снижающие эффективность применения специальных познаний в форме экспертизы при расследовании дел об убийствах / Э. С. Гордон // Актуальные аспекты судебной медицины / Удм. отд-ние Рос. о-ва судеб. медиков, Ижев. гос. мед. ин-т; под ред. В. И. Витера. Ижевск, 1992. Вып. 2. С. 8–14.
148. Гродзинский М. М. Улики в советском уголовном процессе / М. М. Гродзинский. Москва : Юр. изд-во, 1945. 121 с. (Ученые труды / Всесоюз. ин-т юр. наук НКЮ СССР. Вып. 7).
149. Громов В. Расследование дел об убийствах : пособие для следователей / В. Громов, В. Кочубинский, В. Савицкий; под ред. А. Я. Вышинского; Прокуратура СССР, Метод. совет. Москва : Юр. изд-во, 1938. 186 с.
150. Гросс П. Розыскные меры, принимаемые на основании результатов осмотра места происшествия при убийствах / П. Гросс // Экспертиза при расследовании преступлений. Вильнюс, 1967. Вып. 6. С. 135–156.
151. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики / Г. Гросс. Москва : Лекс Эст, 2002. 1046 с.
152. Гульдан В. В. Основные типы мотивации противоправных действий у психопатических личностей / В. В. Гульдан // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. 1984. № 1. С. 31–45.
153. Густов Г. А. Исследование места происшествия / Г. А. Густов // Вопросы совершенствования предварительного следствия : сборник статей / Ин-т усовершенствования следств. работников органов Прокуратуры и МВД; отв. ред. А. П. Филиппов. Ленинград, 1971. С. 47–60.

154. Густов Г. А. Комплексный подход к раскрытию убийства : учебное пособие / Г. А. Густов. Ленинград : Ин-т усовершенств. следств. работников при Прокуратуре и МВД, 1988. 104 с.
155. Густов Г. А. Программно-целевой метод организации раскрытия убийств : учебное пособие / Г. А. Густов. Санкт-Петербург : Ин-т повышения квалификации прокурор.-следств. работников Ген. прокуратуры РФ, 1993. 122 с.
156. Густов Г. А. О применении специальных знаний при розыске трупов людей / Г. А. Густов, Н. Н. Китаев, Р. Г. Ардашев // Закон и жизнь (Молдова). 2012. № 5. С. 10–12.
157. Дело К. Д. Семенчука и С. П. Старцева : стенографический отчет заседаний Верховного суда РСФСР 16–23 мая 1936 г. / под ред. А. Я. Вышинского [и др.]. Ленинград : Изд-во Главсевморпути, 1936. 560 с.
158. Дементьев В. В. Инсценировка преступления: сущность и методы раскрытия / В. В. Дементьев, В. В. Степанов. Москва : Юрлитинформ, 2009. 169 с.
159. Диагностика суицидального поведения : методические рекомендации / Мин-во здравоохранения, Моск. НИИ психиатрии; сост. А. Г. Амбрумова, В. А. Тихоненко. Москва, 1980. 48 с.
160. Доброгаева М. С. Экспертиза исключительных состояний / М. С. Доброгаева // Социалистическая законность. 1986. № 12. С. 33–35.
161. Доля Е. Формирование и реализация метода доказывания при производстве по уголовным делам / Е. Доля // Законность. 2013. № 5. С. 44–50.
162. Допрос потерпевшего (до наступления смерти или при покушении на убийство) // Справочник следователя : практическое пособие / Н. А. Селиванов [и др.]. Вып. 2. Практическая криминалистика: расследование отдельных преступлений. Москва, 1990. С. 354–355.
163. Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскная деятельность : учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2014. 442 с.
164. Дубровский М. О самоубийствах / М. Дубровский, А. Липкин // Революция и культура. 1929. № 5. С. 33–36.
165. Дюркгейм Э. Самоубийство : социологический этюд / Э. Дюркгейм; пер. с фр. А. Н. Ильинского. Санкт-Петербург : Союз, 1998. 492 с.

166. Егоров Н. Н. Изучение тактических приемов осмотра места происшествия — обязательное условие подготовки экспертов / Н. Н. Егоров // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы международной научно-практической конференции (Москва, 14–15 февр. 2007 г.). Москва, 2007. С. 224–226.
167. Енгальчев В. Ф. Посмертная судебно-психологическая экспертиза / В. Ф. Енгальчев // Прикладная юридическая психология / под ред. А. М. Столяренко. Москва, 2001. С. 420–430.
168. Енгальчев В. Ф. Посмертная судебно-психологическая экспертиза: новые возможности и решения / В. Ф. Енгальчев // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы III Международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 янв. 2011 г.) / Моск. гос. юр. акад. имени О. Е. Кутафина. Москва, 2011. С. 616–617.
169. Ермаков Н. П. Виды судебно-психологической экспертизы / Н. П. Ермаков, Н. Н. Китаев, И. А. Конопак. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1986. 44 с.
170. Железняк Н. С. Ну, кому это надо? (Некоторые размышления об уровне работы по делам оперативного учета в России) / Н. С. Железняк // Оперативник (сыщик). 2012. № 2. С. 11–15.
171. Жилияев В. И. Взаимодействие органов следствия и дознания при раскрытии и расследовании тяжких преступлений / В. И. Жилияев // Криминалистика и судебная экспертиза : республиканский междуведомственный научно-методический сборник / отв. ред. А. Е. Яворский. Киев, 1981. С. 11–15.
172. Загрядская А. П. Судебно-медицинская оценка способности к активным действиям при смертельных механических повреждениях : методические рекомендации / А. П. Загрядская, Д. Е. Джемс-Левин. Горький : ГМИ, 1978. 55 с.
173. Загрядская А. П. Судебно-медицинское исследование изолированных клеток и микрочастиц тканей животного происхождения / А. П. Загрядская, А. Л. Федоровцев, Е. И. Королёва. Москва : Медицина, 1984. 104 с.
174. Зайцева С. А. Достоверность и вероятность доказательств / С. А. Зайцева, Н. А. Громов, В. А. Пономаренков // Следователь. 1999. № 7. С. 11–17.

175. Закатов А. А. Ложь и борьба с нею / А. А. Закатов. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1984. 192 с.
176. Законы Ману / пер. с санскрит. С. Д. Эльмановича, провер. и испр. Г. Ф. Ильиным. Москва : Вост. лит., 1960. 361 с.
177. Захарова В. О. Раскрытие преступлений: к вопросу о понятии / В. О. Захарова // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2007. № 6. С. 292–293.
178. Звертаев Н. А. Формы специальных знаний и основные направления их использования по уголовным делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет / Н. А. Звертаев // Вестник криминалистики. Вып. 2 (46). 2013. С. 76–83.
179. Звечаровский И. Э. Посткриминальное поведение: понятие, ответственность, стимулирование : монография / И. Э. Звечаровский. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1993. 124 с.
180. Звягин В. Н. Судебно-медицинские аспекты дерматоглифики кистей и стоп / В. Н. Звягин, И. Б. Тарасов // Судебно-медицинская экспертиза. 1989. № 2. С. 14–17.
181. Зеленковский С. П. О вероятностно-статистическом моделировании признаков лица, совершившего убийство / С. П. Зеленковский // Криминалистика и судебная экспертиза: республиканский межведомственный научно-методический сборник / отв. ред. А. Е. Яворский. Киев, 1982. Вып. 25. С. 21–35.
182. Зеленковский С. П. Уголовно-процессуальное и криминалистическое значение изучения личности потерпевшего при расследовании убийств / С. П. Зеленковский // Криминалистика и судебная экспертиза : республиканский межведомственный научно-методический сборник / отв. ред. А. Е. Яворский. Киев, 1977. С. 21–28.
183. Зеневич Г. В. Анализ так называемых расширенных самоубийств при меланхолических состояниях / Г. В. Зеневич. Ленинград : Изд-во науч. работ психиатр. больницы им. Балинского, 1938. 21 с.
184. Зинин А. М. Криминалист в следственных действиях / А. М. Зинин. Москва : Экзамен, право и закон. 2004. 144 с.
185. Зискинд Д. И. Дегенерация черепа как фактор, помогающий ставить дифференциальный диагноз между убийством и самоубийством / Д. И. Зискинд // Судебно-медицинская экспертиза / Нар. ком. здра-

- воохранения; под ред. д-ра Я. Лейбовича. Москва; Ленинград, 1930. Кн. 14. С. 48–50.
186. Змановская Е. В. Девиантология: психология отклоняющегося поведения : учебное пособие для студентов высших учебных заведений / Е. В. Змановская. Москва : Академия, 2003. 288 с.
187. Зуйков Г. Г. Развитие криминалистического учения о способе совершения преступления и проблема способа сокрытия преступления / Г. Г. Зуйков / Повышение эффективности расследования преступления и проблема способа сокрытия преступления // Повышение эффективности расследования преступлений. Иркутск, 1986. С. 50–56.
188. Иваненко С. А. Дерматоглифика суицидентов: характеристика и значение в решении экспертных задач / С. А. Иваненко, А. П. Божченко, И. А. Толмачев // Судебно-медицинская экспертиза. 2011. Т. 54. № 5. С. 26–29.
189. Иванов О. В. Агрессия и суицидальное поведение: нейропсихологические аспекты / О. В. Иванов, А. Ю. Егоров // Неврологический вестник им. В. М. Бехтерева. Казань, 2012. Т. 44, № 3. С. 15–28.
190. Ильченко Ю. И. Некоторые вопросы восстановления механизма преступления по материальной обстановке места происшествия / Ю. И. Ильченко // Сборник статей аспирантов и соискателей Казахского гос. университета. Алма-Ата, 1965. Вып. 8, ч. 2. С. 145–147.
191. Исаенко В. Н. Идентификация неопознанных трупов / В. Н. Исаенко // Законность. 2001. № 6. С. 25–29.
192. Исаенко В. Н. Проблемы теории и практики расследования серийных убийств / В. Н. Исаенко. Москва, 2005. С. 51.
193. К проблеме обоснованности вывода о давности наступления смерти / А. А. Александров [и др.] // Российский юридический журнал. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 2012. № 1 (82). С. 164–170.
194. Калиновский К. Б. Презумпция согласия родственников на прекращение дела умершего / К. Б. Калиновский // Уголовный процесс. 2012. № 3. С. 9.
195. Карагодин В. Н. Преодоление противодействия предварительному расследованию / В. Н. Карагодин. Свердловск: УрГУ, 1992. 176 с.
196. Каргин А. М. Личностные факторы суицидального поведения у пациентов кризисного стационара, совершивших суицидальные попытки

- / А. М. Каргин, А.Б. Холмогорова, В. Ф. Войцех // Социальная и клиническая психиатрия. 2009. Т. 19, № 4. С. 15–20.
197. Качаев А. К. Значение материалов уголовных дел для экспертизы исключительных состояний / А. К. Качаев, Н. Н. Иванец // Вопросы организации и проведения судебно-психиатрических экспертиз в уголовном процессе. Москва, 1973. С. 29–34.
198. Качур А. М. Организация розыска лиц, пропавших без вести : учебное пособие / А. М. Качур, В. Ю. Фролов. Омск: ОБШМ МВД СССР, 1987. 90 с.
199. Кербиков О. В. К учению о динамике психопатий // Избранные труды / О. В. Кербиков; отв. ред. Г. К. Ушаков. Москва, 1971. С. 163–185.
200. Кирлиан С. Д. В мире чудесных разрядов / С. Д. Кирлиан, В. Х. Кирлиан. Москва : Знание, 1964. 40 с.
201. Кислов М. А. Программа для установления давности наступления смерти на месте происшествия / М. А. Кислов, М. В. Парешин, Л. М. Курзин // Судебная медицина. 2015. Т. 1. № 2. С. 49–50.
202. Китаев Н. Н. Судебно-психологическая экспертиза при изобличении инсценировок несчастных случаев и самоубийств / Н. Н. Китаев // Законность. 1995. № 12. С. 15–16.
203. Китаев Н. Н. О возможности использования следователем медицинских характеристик арестованных обвиняемых для получения правдивых показаний / Н. Н. Китаев // Сибирские криминалистические чтения : сборник научных трудов. Иркутск, 1998. Вып. 8. С. 19–22.
204. Китаев Н. Н. Посткриминальный суицид убийц / Н. Н. Китаев // Социально-экономические и правовые проблемы Восточно-Сибирского региона на пороге третьего тысячелетия : материалы научно-практической конференции, 13–17 мая 1998 г. / Е. Г. Пугачева [и др.]; редкол.: Г. С. Гаверов [и др.]. Иркутск, 1998. С. 70–72.
205. Китаев Н. Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок / Н. Н. Китаев. Санкт-Петербург: Юр. центр «Пресс», 2004. 388 с.
206. Китаев Н. Н. Экспертные психологические исследования в уголовном процессе: проблемы, практика, перспективы / В. Н. Китаев, В. Н. Китаева. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2002. 427 с.

207. Китаев Н. Н. Криминалистическое значение предсмертных писем убийц, покончивших суицидом / Н. Н. Китаев, Р. Г. Ардашев // Российский следователь. 2012. № 20. С. 2–4.
208. Китаева В. Н. Значение посмертной психолого-психиатрической экспертизы виновного лица по делам об убийствах прошлых лет / В. Н. Китаева // Российский следователь. 2000. № 1. С. 2–3.
209. Китаева В. Н. Судебно-психологическая экспертиза при определении посткриминального суицида как улики поведения / В. Н. Китаева // Законность. 2002. № 1. С. 38–40.
210. Китаева В. Н. Животные и преступления: уголовно-правовое и криминалистическое исследование / В. Н. Китаева. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2010. 282 с.
211. Китаев-Смык Л. А. О стрессе умирания / Л. А. Китаев-Смык // Вопросы психологии. 2008. № 5. С. 121–125.
212. Ковалев А. И. Роль улик поведения в планировании расследования убийств / А. И. Ковалев // Особенности расследования отдельных видов и групп преступлений : межвузовский сборник научных трудов / Свердловский юр. ин-т; ред. И. Ф. Герасимов [и др.]. Свердловск, 1980. С. 72–77.
213. Ковалев А. И. Улики поведения (исторический обзор) / А. И. Ковалев // Развитие советского права : материалы итоговой научной конференции правоведов Новосибирского факультета / Свердл. юр. ин-т. Свердловск, 1972. С. 46–50.
214. Ковалев А. И. Роль улик поведения в планировании расследования убийств / А. И. Ковалев // Особенности расследования отдельных видов и групп преступлений. Свердловск, 1980. С. 72–74.
215. Ковалев М. И. Правовые проблемы защиты жизни, здоровья и генетического достоинства человека / М. И. Ковалев. Екатеринбург : УрГЮА, 1996. 82 с.
216. Козусев А. Ф. Надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности / А. Ф. Козусев // Законность. 1997. № 2. С. 19–22.
217. Колкутин В. В. Случай обнаружения спермы на одежде спустя 70 лет / В. В. Колкутин, Э. Л. Магнушевская // Военно-юридический вестник

- Приволжского региона : сборник научных трудов. Самара, 2005. Вып. 3. Ч. 1. С. 176.
218. Колмаков В. П. Методическое письмо о методах установления личности расчлененного трупа / В. П. Колмаков. Харьков, 1947.
219. Конончук Н. В. О психологическом смысле суицидов / Н. В. Конончук // Психологический журнал. 1989. № 5. С. 95–102.
220. Концевич И. А. Судебно-медицинская диагностика странгуляций / И. А. Концевич. Киев : Здоровья, 1968. 155 с.
221. Кореневский Ю. В. Судебная практика и совершенствование предварительного расследования / Ю. В. Кореневский. Москва : Юр. лит., 1974. 112 с.
222. Корецкий Д. А. Идеологические проблемы борьбы с преступностью / Д. А. Корецкий // Законность. 2004. № 5. С. 2–6.
223. Коржевская В. Ф. Убийства, установленные при судебно-медицинском исследовании трупа / В. Ф. Коржевская // Актуальные вопросы теории и практики судебной медицины : сборник научных трудов / Ленингр. гос. ин-т усоверш. врачей им. С. М. Кирова; ред.: О. Х. Поркшеян [и др.]. Ленинград, 1975. Вып. 135. С. 22.
224. Котов Д. П. Роль логической программы в совершенствовании доказывания обстоятельств, имеющих психологическую природу / Д. П. Котов // Научные и практические проблемы уголовного судопроизводства в свете судебно-правовой реформы : материалы научно-практической конференции 1–2 июля 1988 г. / ВНИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, Удм. гос. ун-т им. 50-летия СССР; отв. ред. Д. А. Бойков. Ижевск, 1989. С. 64–66.
225. Коченов М. М. Судебно-психологическая экспертиза / М. М. Коченов // Справочник следователя : практическое пособие. Вып. 3. Практическая криминалистика: подготовка и назначение судебных экспертиз. Москва, 1992. С. 176–184.
226. Коченов М. М. Психология допроса малолетних свидетелей / М. М. Коченов, Н. Р. Осипова. Москва : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. 34 с.
227. Кочетова Т. А. Законодательные основы защиты прав лиц с психическими отклонениями / Т. А. Кочетова, И. В. Новоженина // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 1. С. 171–174.

228. Красавин С. М. Установление последовательности действий при комбинированном способе самоубийства / С. М. Красавин, Е. Г. Колпащиков // Судебно-медицинская экспертиза. 1987. № 4. С. 61.
229. Крачнаков В. Э. Своевременный и тщательный осмотр места происшествия и трупа — залог успешного раскрытия убийства / В. Э. Крачнаков // Следственная практика. 1976. Вып. 112. С. 79–85.
230. Криминалистика : учебник / под ред. А. Ф. Волынского, В. П. Лаврова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Юнити-Дана; Закон и право, 2008. 943 с.
231. Кручинина И. В. Алиби. Теоретические проблемы и их прикладное значение в уголовном судопроизводстве / И. В. Кручинина, В. И. Шиканов. Иркутск: Иркут. ун-т, 1992. 200 с.
232. Крюков А. И. К вопросу о причинах самоубийства / А. И. Крюков // Неврология и психиатрия : сборник статей. Орел, 1923. С. 286–297 (Тр. Гос. мед. ин-та в Москве. Т. 1, вып. 1).
233. Крюков А. И. О дегенерации черепа / А. И. Крюков // Архив криминологии и судебной медицины. Харьков, 1927. Т. 1, кн. 2–3. С. 706.
234. Кубе Э. К вопросу о вооружении надзирателей / Э. Кубе // Тюремный вестник. 1908. № 5. С. 424–428.
235. Кудрявцев И. А. Клинико-психологические маркеры суицидального риска / И. А. Кудрявцев, Е. З. Декало // Российский психиатрический журнал. 2012. № 4. С. 29–35.
236. Куликов И. В. Разоблаченная инсценировка самоубийства / И. В. Куликов // Следственная практика. Москва, 1960. Вып. 40. С. 104–112.
237. Лаврухин С. В. Понятие криминалистики / С. В. Лаврухин // Государство и право. 1998. № 4. С. 74–80.
238. Лаврухин С. В. Механизм поведения подозреваемого и обвиняемого / С. В. Лаврухин // Вестник криминалистики. 2010. № 1. С. 23–29.
239. Лаврухин С. В. Механизм поведения преступника / С. В. Лаврухин. Москва : Юрлитинформ, 2015. 472 с.
240. Ларин А. М. Криминалистика и паракриминалистика : научно-практическое и учебное пособие / А. М. Ларин. Москва : Бек, 1996. 192 с.
241. Ласый Е. В. Анализ предсмертных записок и протоколов расследования по факту суицида: связь факта употребления алкоголя и анамнеза злоупотребления алкоголем с триггерами и мотивами суицида

- / Е. В. Ласый, М. В. Новодворская, Р. А. Евстигнеев // Социальная и клиническая психиатрия. 2012. Т. 22, № 4. С. 57–62.
242. Лебедев И. П. О самоубийстве в нормальном и болезненном состоянии / орд. С.-Петербург. Николаев. воен. госпиталя И. П. Лебедев. Санкт-Петербург: Типо-лит. П. И. Шмидта, 1888. 39 с.
243. Лебедев И. П. О самоубийстве с медицинской точки зрения / Илья Лебедев, орд. С.-Петербург. Николаев. воен. госпиталя. Санкт-Петербург: Тип. С. Н. Худекова, 1897. 50 с.
244. Леви И. М. О следственном аппарате / И. М. Леви // Вестник советской юстиции. 1928. № 21. С. 635.
245. Левченко Е. А. Косвенные доказательства в деле об убийстве / Е. А. Левченко // Предварительное следствие. Вып. 1 (7). 2010. С. 133–146.
246. Ленц А. К. Криминальные психопаты (социопаты) / проф. А. К. Ленц; с предисл. проф. В. П. Осипова. Ленинград : Рабочий суд, 1927. 59 с.
247. Леонтьев А. Убийство или самоубийство? / А. Леонтьев // Судебно-медицинская экспертиза / Нар. ком. здравоохранения; под ред. д-ра Я. Лейбовича. Москва, 1927. Кн. 5. С. 92–96.
248. Лисиченко В. К. О понятии негативных обстоятельств и механизме их возникновения / В. К. Лисиченко, А. С. Зеленковский // Криминалистика и судебная экспертиза / отв. ред. В. Ф. Бойко. Киев, 1989. Вып. 39. С. 3–10.
249. Лубин А. Ф. Механизм преступной деятельности: методология криминалистических исследований / А. Ф. Лубин; Мин-во внутр. дел Рос. Федерации, Ниж. юр. ин-т. Нижний Новгород : НЮИ МВД России, 1997. 335 с.
250. Лузгин И. М. Способ сокрытия преступления и его криминалистическое значение : методические разработки для слушателей 5 курса вечернего отделения МФЮЗО / И. М. Лузгин, В. П. Лавров. Москва, 1980. 32 с.
251. Лукьянчиков Е. Л. Использование специальных знаний при розыске пропавших без вести лиц / Е. Л. Лукьянчиков, В. П. Цильвик // Криминалистика и судебная экспертиза / отв. ред. В. Ф. Бойко. Киев, 1990. Вып. 40. С. 46–52.
252. Ляшенко В. Е. К вопросу о продолжительности жизни при абсолютно смертельных повреждениях / В. Е. Ляшенко // Сборник трудов науч-

- ного общества судебных медиков и криминалистов Казахстана. Алма-Ата, 1961. Вып. 4. С. 34.
253. Майлис Н. П. Экспертные исследования узлов / Н. П. Майлис // Социалистическая законность. 1982. № 2. С. 48–49.
254. Маковеев Д. В. «Сыворотка правды» / Д. В. Маковеев // Следственная практика / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной Прокуратуре РФ; отв. ред. А. И. Алексеев. Москва, 2004. Вып. 2 (163). С. 98–106.
255. Махова И. В. К вопросу об оценке достоверности показаний / И. В. Махова // Вестник криминалистики. 2009. Вып. 2 (30). С. 79–85.
256. Медицинские технологии, используемые при производстве судебно-медицинских экспертиз : сборник медицинских технологий / сост. В. А. Клевно. Москва: Планета Земля, 2012. 396 с.
257. Мельник В. В. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы / В. В. Мельник, В. В. Яровенко. Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1991. 157 с.
258. Милявский В. А. Раскрытие инсценированного самоубийства / В. А. Милявский // Следственная практика. Москва, 1962. Вып. 57. С. 124–129.
259. Михайлов А. И. Обыск / А. И. Михайлов, Г. С. Юрин. Москва : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1971. 91 с.
260. Михайлов Ф. Самоубийство не освобождает от ответственности / Ф. Михайлов // Суд идет! 1929. № 4. С. 199–202.
261. Молин Ю. А. Судебно-медицинская экспертиза повешения / Ю. А. Молин. Санкт-Петербург: Мир и семья-95, 1996. 333 с.
262. Молин Ю. А. Способность к самостоятельным целенаправленным действиям при повреждениях груди, живота, таза, конечностей / Ю. А. Молин // Осмотр трупа на месте его обнаружения : руководство для врачей / Э. П. Александров [и др.]. Санкт-Петербург, 1997. С. 223–234.
263. Морев М. В. Факторы риска суицидального поведения и их преодоление / М. В. Морев // Проблемы развития территории. 2013. Вып. 1 (53). С. 98–108.

264. Морев М. В. Динамика суицидальной смертности населения России: региональный аспект / М. В. Морев, Ю. Е. Шматова, Е. Б. Лобов // Суицидология. 2014. Т. 5. №1 (14). С. 3–11.
265. Мудьюгин Г. М. Расследование убийств, замаскированных инсценировками / Г. М. Мудьюгин. Москва : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1973. 157 с.
266. Мужчины, обвиненные в убийствах (клинико-социальная характеристика) / Т. Б. Дмитриева [и др.] // Агрессия и психическое здоровье / под ред. Т. Б. Дмитриевой, Б. В. Шостаковича. Санкт-Петербург, 2002. С. 18–22.
267. Муравьев Н. С. Разоблачение инсценировки самоповешения / Н. С. Муравьев // Следственная практика. Москва, 1958. Вып. 34. С. 22– 29.
268. Мухин Г. Н. Криминалистическое моделирование личности неустановленного преступника и его преступного поведения / Г. Н. Мухин, О. Г. Каразей, Д. В. Исютин-Федотков. Москва : Юрлитинформ, 2012. 208 с.
269. Мягков А. Ю. Структура и динамика незавершенных самоубийств / А. Ю. Мягков, Е. Ю. Смирнова // Социологические исследования. 2007. № 3. С. 89–97.
270. Мягков А. Ю. Темпоральные характеристики самоубийств / А. Ю. Мягков // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 83–92.
271. Наставление врачам при судебном осмотре и вскрытии мертвых тел. Москва : Унив. тип., 1830.
272. Наговский В. Л. К вопросу о выявлении замаскированных убийств / В. Л. Наговский // Судебная медицина и пограничные области : сборник / НИИ судебной медицины; отв. ред. Н. В. Попов. Москва; Ленинград, 1934. С. 49–52.
273. Неелеман Й. Суицидальность: расстройство, не признающее границ / Й. Неелеман, М. Х. де Грот // Социальная и клиническая психиатрия. 2007. № 2. С. 25–30.
274. Нечаев В. В. Организационно-правовые основы взаимодействия органов предварительного следствия и органов дознания / В. В. Нечаев. Москва : Юрлитинформ, 2007. 196 с.
275. Николайченко В. В. Пенитенциарные и постпенитенциарные преступления как объект криминалистического исследования / В. В. Ни-

- колайченко; под ред. В. И. Комиссарова. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2005. Ч. 1. 174 с.; 2006. Ч. 2. 250 с.
276. Новик В. В. Криминалистические аспекты процесса доказывания при дефиците доказательств / И. В. Новик // Вестник криминалистики. 2003. Вып. 3. С. 54–62.
277. О причинах неквалифицированного производства первоначальных следственных действий : информационное письмо заместителя председателя Следственного комитета при прокуратуре РФ от 8 июля 2009 г. № 213-75/595-2009.
278. О купеческом сыне Александре Шапошникове, сужденном за покушение на убийство и на самоубийство // Русские уголовные процессы / сост. А. Любавский. Санкт-Петербург, 1867. Т. 3. С. 94–106.
279. Онгирский Б. Статистические итоги самоубийств / Б. Онгирский // Дело. 1873. № 11. С. 1.
280. Овечкин В. А. Общие положения методики расследования убийств, скрытых инсценировками / В. А. Овечкин. Харьков: Харьковский юр. ин-т, 1975. 64 с.
281. Ольхин П. М. Последние дни самоубийц. 2-е изд. кн. «О самоубийстве» (в медицинском отношении) / П. М. Ольхин. Санкт-Петербург : Тип. Б-ки мед. наук д-ра М. Хана, 1863. 451 с.
282. Определение механизма наступления смерти при странгуляционной механической асфиксии морфологическими методами / А. В. Лузин [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. 2005. № 1. С. 3–7.
283. Орлов Ю. К. Современные проблемы доказывания и использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве / Ю. К. Орлов. Москва : Проспект, 2016. 213 с.
284. Осколкова С. Н. К вопросу о суицидальном поведении больных шизофренией, совершивших агрессивные общественно-опасные деяния / С. Н. Осколкова, О. И. Печенкина // Российский психиатрический журнал. 2009. № 1. С. 10–15.
285. Осмотр места происшествия : учебное пособие / под ред. В. Ф. Статкуса. Москва : ЭКЦ МВД России, 1995. 211 с.
286. Осмотр места происшествия : практическое пособие / под ред. А. И. Дворкина. Москва : Юристъ, 2000. 335 с.
287. Осмотр трупа на месте его обнаружения : практическое руководство / под ред. А. А. Матышева. Санкт-Петербург : Лань, 1997. 283 с.

288. Осмотр места происшествия и трупа : справочник / под ред. А. А. Матышева. Санкт-Петербург : Професионал, 2011. 532 с.
289. Остроумов С. Критерии оценки раскрытия преступлений / С. Остроумов, С. Панченко // Социалистическая законность. 1976. № 9. С. 51–53.
290. Панфиленко О. А. О состоянии и деятельности советской судебно-медицинской экспертизы в 20-е гг. / О. А. Панфиленко // Судебно-медицинская экспертиза. 1988. № 4. С. 58–59.
291. Паперно И. Б. Самоубийство как культурный институт / И. Б. Паперно. Москва : Новое лит. обозрение, 1999. 252 с.
292. Перепечина И. О. Недостоверные экспертные заключения и их роль в вынесении ошибочных приговоров / И. О. Перепечина // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы III Международной научно-практической конференции (Москва, 25–26 января 2011 г.) / Моск. гос. юр. акад. имени О. Е. Кутафина. Москва, 2011. С. 263–267.
293. Пермяков А. В. Диагностические, технические врачебно-экспертные ошибки / А. В. Пермяков // Современные вопросы судебной медицины и экспертной практики : сборник статей / под ред. А. В. Пермякова и В. И. Витера; Удм. науч. о-во судебных медиков; Ижев. гос. мед. ин-т. Ижевск, 1975. Вып. 3. С. 192–199.
294. Перспективы медицинской генетики / Р. Витковски [и др.]; под ред. Н. П. Бочкова. Москва : Медицина, 1982. 400 с.
295. Петрухин И. Л. Оправдательный приговор и право на реабилитацию : монография / И. Л. Петрухин. Москва : Проспект, 2009. 192 с.
296. Печерникова Т. П. Исключительные состояния в судебно-психиатрической практике / Т. П. Печерникова, М. С. Доброгаева // Судебно-медицинская экспертиза. 1986. № 3. С. 43–46.
297. Печерникова Т. П. Посмертная судебно-психиатрическая экспертиза «по факту смерти» / Т. П. Печерникова, Т. Н. Туденева // Российский психиатрический журнал. 2004. № 2. С. 15–20.
298. Пиголкин Ю. И. К вопросу о диагностике депрессивных состояний / Ю. И. Пиголкин, В. Д. Гончарук // Судебно-медицинская экспертиза. 1997. Т. 40, № 4. С. 41–42.
299. Пичкалева Г. И. Взаимодействие следователя и работников органа дознания при осмотре места происшествия / Г. И. Пичкалева //

- Деятельность следователя и прокурора на первоначальном этапе расследования убийств. Москва, 1987. С. 40–41.
300. Положий Б. С. Факторы риска повторных суицидальных действий у больных с психическими расстройствами / Б. С. Положий, Н. И. Распопова // Российский психиатрический журнал. 2011. № 5. С. 45–49.
301. Померанц В. Дефекты дознательской работы (заметки практиканта) / В. Померанц // Административный вестник. 1928. № 12. С. 32–36.
302. Пономаренко Ю. В. Применение метода криминалистической ретроспекции при проведении проверок по фактам смерти / Ю. В. Пономаренко // Научные труды молодых ученых, аспирантов, студентов : материалы 58-й научной конференции аспирантов и студентов Белорусского государственного университета (Минск, 25–26 апр. 2001 г.). Минск, 2001. Ч. 2. С. 133–136.
303. Попов В. И. Осмотр места происшествия : учебное пособие / В. И. Попов; ред. В. А. Хван; Казах. гос. ун-т им. С. М. Кирова. Москва : Юр. лит., 1959. 231 с.
304. Попов В. Л. Судебно-медицинская казуистика / В. Л. Попов. Ленинград : Медицина. Ленингр. отд-ние, 1991. 299 с.
305. Попов П. М. Общественная опасность больных шизофренией с суицидальными тенденциями / П. М. Попов, И. В. Самсонова // Судебно-психиатрическая экспертиза : сборник научных трудов / ЦНИИ судеб. психиатрии им. В. П. Сербского; под ред. Г. В. Морозова. Москва, 1979. № 32. С. 64–73.
306. Попов П. М. Особенности судебно-психиатрической экспертизы и принудительного лечения больных шизофренией с суицидальными тенденциями / П. М. Попов // Материалы конференции, посвященной вопросам принудительного лечения и реадaptации психически больных (Москва, 22–23 июня 1970 г.) / Мин-во здравоохранения СССР, Центр. науч.-исслед. ин-т судебной психиатрии им. проф. В. П. Сербского, Моск. гор. психиатр. больница № 5. 1970. С. 36–37.
307. Призов В. С. Способность к активным действиям при смертельных механических повреждениях / В. С. Призов, А. Б. Андрейкин // Судебно-медицинская экспертиза. 1988. № 1. С. 50.

308. Причины преступности: из лекции о психологии преступления и преступников, прочитанной доктором Голлэндером в этиологическом обществе в Англии // Тюремный вестник. 1908. № 4. С. 363–368.
309. Продль Г. Преступление без наказания. Буржуазная юстиция на службе бизнеса : очерки / Г. Продль. Москва : Юр. лит., 1981. 229 с.
310. Продль Г. «Личная катастрофа» Пауля Бломберга // Плата за молчание : сборник очерков о судебных процессах на Западе / Г. Продль. Москва : Моск. рабочий, 1989. С. 375–397.
311. Прозоров Л. А. Самоубийства в тюрьмах и около тюрем по данным 1906/07 г. / Л. А. Прозоров // Медицинское обозрение. 1908. № 12. С. 56–74.
312. Протасевич А. А. Кровь как структурный элемент следовой обстановки на месте происшествия : очерки теории и практики следственной работы / А. А. Протасевич, Д. А. Степаненко, В. И. Шиканов. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998. 189 с.
313. Протасевич А. А. Моделирование в реконструкции расследуемого события : очерки теории и практики следственной работы / А. А. Протасевич, Д. А. Степаненко, В. И. Шиканов. Иркутск : Изд-во ИГЭА, 1997. 208 с.
314. Протопопов А. Л. Прокурорский надзор за расследованием убийств / А. Л. Протопопов. Санкт-Петербург, 2006. 370 с.
315. Протопопов А. Л. Расследование убийств в ситуации сокрытия трупа / А. Л. Протопопов, А. Н. Архипова, Н. Н. Китаев. Иркутск : Изд-во ИРННТУ, 2016. 130 с.
316. Прошутин В. Л. Случай сохранения способности к активным действиям при смертельной черепно-мозговой травме / В. Л. Прошутин, С. И. Ковалев // Актуальные аспекты судебной медицины : сборник статей / Удм. отд-ние Рос. о-ва судеб. медиков, Ижев. гос. мед. ин-т; под ред. В. И. Витера. Ижевск, 1992. С. 87–88.
317. Раскрытие убийств : монография / под ред. С. В. Лаврухина. Москва : Юрлитинформ, 2016. 504 с.
318. Расследование доведения до самоубийства : методическое пособие / авт.-сост. В. С. Бурданова. Ленинград; Москва : Ин-т усовершенствования следственных работников, 1982. 56 с.
319. Расследование многоэпизодных убийств, совершенных на сексуальной почве : научно-методическое пособие / под ред. А. И. Дворкина. Москва : Экзамен, 2003. 416 с.

320. Ратинов А. Р. Судебная психология для следователей : учебное пособие / А. Р. Ратинов. Москва : Высш. шк. МООП СССР, 1967. 292 с.
321. Рубежанский А. Ф. Характер и сроки развития трупных изменений в воде / А. Ф. Рубежанский, С. В. Савченко // Криминалистика и судебная экспертиза / отв. ред. В. Ф. Бойко. Киев, 1990. Вып. 40. С. 92–96.
322. Руководство по расследованию убийств / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности; отв. ред. С. И. Гусев; рук. авт. кол.: А. М. Ларин, Г. Н. Мудьюгин. Москва : Юр. лит., 1977. 608 с.
323. Рязанцев С.В. Танатология — наука о смерти / С. В. Рязанцев. Санкт-Петербург : Восточно-Европейский институт психоанализа, 1994. 380 с.
324. Сабитов Р. А. Теория уголовно-правового регулирования поведения лица после совершения им преступления и вынесения ему приговора / Р. А. Сабитов. Москва : Юрлитинформ, 2013. 368 с.
325. Саврасов Л. А. Мотив в убийстве / Л. А. Саврасов // Пролетарская революция и право. 1918. № 8–10. С. 36–45.
326. Самищенко С. С. Комплексные судебно-медицинские и криминалистические ситуационные исследования при установлении обстоятельств смерти человека / С. С. Самищенко, А. В. Фонарев // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы международной научно-практической конференции (Москва, 14–15 февр. 2007 г.). М., 2007. С. 430–434.
327. Саньков В. Недостатки в первоначальных следственных действиях по делам об умышленных убийствах / В. Саньков // Законность. 2001. № 3. С. 17–19.
328. Сапожников Д. И. Самосожжения в русском расколе (со второй половины XVII века до конца XVIII): исторический очерк по архивным документам / Д. И. Сапожников. Москва : Унив. тип., 1891. 170 с.
329. Сапожников Ю. С. Криминалистика в судебной медицине / Ю. С. Сапожников. Киев : Здоровья, 1970. 267 с.
330. Сафонова Н. А. Спорные вопросы понятия «самоубийство» / Н. А. Сафонова // Российский юридический журнал. 2000. № 4. С. 42–45.

331. Сафронов В. А. К вопросу об удавлении петель и симуляции повешения / В. А. Сафронов // Сборник научных работ кафедры судебной медицины Ленинградского педиатрического медицинского института. Ленинград, 1958. С. 122–129.
332. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе : научно-практическое пособие / Ф. С. Сафуанов. Москва : Смысл; Гардарика, 1998. 190 с.
333. Сафуанов Ф. С. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза лица, окончившего жизнь самоубийством / Медицинская и судебная психология : курс лекций / под ред. Т. Б. Дмитриевой, Ф. С. Сафуанова. 3-е изд. Москва : Генезис, 2009. 606 с.
334. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза / Ф. С. Сафуанов. Москва : Юрайт, 2014. 421 с.
335. Селиванов Н. Типовые версии. Следственные ситуации / Н. Селиванов // Социалистическая законность. 1985. № 7. С. 52–55.
336. Селиванов Н. А. Привлечение специалистов к расследованию (обзор практики по материалам следственных органов прокуратуры) / Н. А. Селиванов. Москва : Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1973. 40 с.
337. Селиванов Н. А. Математические методы в собирании и исследовании доказательств / Н. А. Селиванов. Москва : Юр. лит., 1974. 120 с.
338. Селиванов Н. А. Криминалистические характеристики преступлений и следственные ситуации в методике расследования / Н. А. Селиванов // Социалистическая законность. 1977. № 2. С. 56–59.
339. Семёнов В. В. Использование возможностей судебных экспертиз при расследовании убийств, скрытых инсценировками / В. В. Семёнов // Криминалистика XXI столетия. Харьков, 2010. С. 480–483.
340. Семёнова Н. Б. Предпосылки суицидального поведения коренного населения Республики Тыва / Н. Б. Семёнова // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2010. Т. 110. № 2. С. 87–89.
341. Семенов В. В. Использование возможностей судебных экспертиз при расследовании убийств, скрытых инсценировками / В. В. Семенов // Криминалистика XXI столетия : материалы междуна-

- родной научно-практической конференции (Харьков, 25–26 нояб. 2010 г.). Харьков, 2010. С. 477–480.
342. Сидоров А. С. К вопросу о понятии и содержании раскрытия преступлений / А. С. Сидоров // Вестник криминалистики. 2011. Вып. 2. С. 105–109.
343. Сидоров П. И. Особенности осмотра трупа и места происшествия при сексуальных самоубийствах / П. И. Сидоров, А. Г. Соловьев, Г. Б. Дерягин // Судебно-медицинская экспертиза. 2001. № 1. С. 35–36.
344. Сидоров П. И. Клиническая психология : учебник / П. И. Сидоров, А. В. Парняков. 3-е изд., испр. и доп. Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2008. 879 с.
345. Сикорский И. А. Эпидемические вольные смерти и смертоубийства в Терновских хуторах (близ Тирасполя): психологическое исследование профессора психиатрии и нервных болезней при университете св. Владимира И. А. Сикорского // Вопросы нервно-психической медицины. 1897. № 4. 99 с.
346. Ситковская О. Д. Психология свидетельских показаний / О. Д. Ситковская. Москва : НИИ ГП РФ, 2007. 84 с.
347. Скичко О. Ю. Тактико-психологические основы допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии / О. Ю. Скичко. Москва : Юрлитинформ, 2006. 181 с.
348. Смирнов Н. Предварительное следствие по циркулярам и инструкциям Министерства юстиции, циркулярным указам Правительствующего сената и решениям общих собраний 1-го и кассационных департаментов Правительствующего сената, последовавшим в 1866–1888 гг. : приложение правил об отчетности судебных следователей, правил о приеме и расходовании поступающих к ним сумм и образцов делопроизводства судебных следователей / сост. Н. Смирнов (б. судеб. следователь). Санкт-Петербург : Д. В. Чичинадзе, ценз. 1888. 4, XII. 91 с.
349. Смирнов Н. Частота признаков от самоповешения на вскрытии / Н. Смирнов // Судебно-медицинская экспертиза. Москва, 1928. Кн. 9. С. 41–44.
350. Смирнов В. П., Смирнова Т. Г. Актуальные вопросы комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (КСППЭ) суицида

-
- / В. П. Смирнов, Т. Г. Смирнова // Криминалистика. 2013. № 1 (12). С. 78–80.
351. Современные возможности исследования следов-наложений на вещественных доказательствах / А. Л. Федоровцев [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. 2005. Т. 48, № 1. С. 39–43.
352. Соснин В. А. Психология суицидального терроризма в XXI веке : исторические параллели и современные геополитические тенденции / В. А. Соснин // Психологический журнал. 2011. Т. 32, № 4. С. 30–44.
353. Состояние и перспективы разработки вопросов судебно-медицинской танатологии / В. Г. Науменко [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. 1989. № 3. С. 11–14.
354. Спиридонов В. А. Установление рода насильственной смерти – это компетенция судебно-медицинской экспертизы? / В. А. Спиридонов, Ю. Г. Забусов // Актуальные аспекты судебной медицины / Ижев. гос. мед. акад; под ред. В. И. Витера. Ижевск, 1995. Вып. 4. С. 9–11.
355. Статкус В. Ф. Кто в России обязан раскрывать преступления? / В. Ф. Статкус // Вестник криминалистики. 2006. № 3. С. 54–58.
356. Строгович М. С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе : научное издание / М. С. Строгович. Москва : Изд-во АН СССР, 1955. 383 с.
357. Судебная медицина / под ред. проф. В. М. Смольянинова. Москва : Медицина, 1975. 344 с.
358. Судебно-медицинская трактовка повреждений, возникших в ближайшее время до и после наступления смерти / А. Б. Гребеньков [и др.] // Современные вопросы судебной медицины / под ред. Т. М. Федченко. Владивосток, 2001. С. 100–103.
359. Судебно-медицинские аспекты исследований кожных узоров как маркеров предрасположенности к наркомании и сопровождающим ее суицидам / О. М. Зороастров [и др.] // Судебно-медицинская экспертиза. 2009. № 4. С. 41–42.
360. Татаренко В. А. Статистико-вероятный метод определения степени достоверности экспертных выводов / В. А. Татаренко // Судебно-медицинская экспертиза. 1990. № 2. С. 47–48.
361. Телегина Т. Д. Использование специальных знаний в современной практике расследования преступлений : монография / Т. Д. Телегина. Москва : Юрлитинформ, 2011. 148 с.

362. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) / под ред. Е. Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма; Инфра-М, 2016. 368 с.
363. Типовые версии по делам об убийствах : справочное пособие / Н. А. Селиванов, Л. Г. Видонов; Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупр. преступности. Горький, 1981. 56 с.
364. Тишин В. С. Функциональное состояние высших отделов центральной нервной системы перед наступлением насильственной смерти и содержание углеводов в печени трупа / В. С. Тишин // Судебно-медицинская экспертиза. 1961. № 2. С. 6–10.
365. Тишутина И. В. Об общей характеристике противодействия расследованию / И. В. Тишутина // Вестник криминалистики. 2013. Вып. 1 (45). С. 24–31.
366. Толстолицкий В. Ю. Выдвижение версий с помощью компьютерной программы «ФОРВЕР» / В. Ю. Толстолицкий, А. М. Шувалова // Актуальные проблемы расследования преступлений : материалы международной научно-практической конференции (Москва, 23 мая 2013 г.): в 2 ч. Москва, 2013. Ч. 2. С. 357–361.
367. Трегубов Л. З. Эстетика самоубийства / Л. З. Трегубов, Ю. Р. Вагин. Пермь : Капик, 1993. 267 с.
368. Трофимов А. А. О практике расследования уголовных дел об убийствах и причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, по которым трупы потерпевших не обнаружены / А. А. Трофимов // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае : материалы региональной ежегодной научно-практической конференции / Алт. гос. ун-т. Барнаул, 2006. Вып. 6. С. 146–150.
369. Туребаев О. Н. Установление давности образования пятен крови / О. Н. Туребаев // Судебно-медицинская экспертиза. 1986. № 1. С. 47–49.
370. Учеватов А. Самоубийства и органы дознания / А. Учеватов // Рабоче-крестьянская милиция. 1924. № 7–8. С. 21–23.
371. Федоров М. И. К вопросу об амнезии после странгуляционной асфиксии / М. И. Федоров // Судебно-медицинская экспертиза. 1958. № 3. С. 41–44.

372. Федоров Ю. Д. Выдвижение и проверка версий в ходе осмотра места происшествия при раскрытии убийств / Ю. Д. Федоров // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы : материалы научной конференции / Науч.-исслед. лаб. суд. экспертизы при Тадж. гос. ун-те им. В. И. Ленина; отв. ред. Я. М. Яковлев. Душанбе, 1962. Сб. 2. С. 122–124.
373. Фетисова Л. Н. Влияние семейных факторов на формирование суицидального поведения подростков / Л. Н. Фетисова // Альманах сестринского дела. 2011. Т. 4, № 1–2. С. 29–32.
374. Франк Л. В. О самоубийстве и его предупреждении (опыт конкретно-социологического микроисследования) / Л. В. Франк, Н. А. Ин // Вопросы криминалистики и криминологии / отв. ред. Я. М. Яковлев. Душанбе, 1968. С. 61–80.
375. Фролкин Н. П. К вопросу о понятии взаимодействия следственных и оперативно-розыскных подразделений при расследовании преступлений / Н. П. Фролкин, В. Ф. Козлов // Оперативник (Сыщик). 2010. № 4 (25). С. 16–18.
376. Фролов В. М. Умышленное убийство с инсценировкой несчастного случая / В. М. Фролов // Следственная практика / НИИ проблем укрепления законности и правопорядка Ген. прокуратуры РФ; гл. ред. А. И. Алексеев. Москва, 2003. Вып. 1(158). С. 59–68.
377. Фрейд З. Мы и смерть / З. Фрейд // Танатология (учение о смерти) / пер. С. Рязанцева. Санкт-Петербург: Вост.-Европ. ин-т психоанализа, 1994. 382 с.
378. Фрейд З. Печаль и меланхолия / З. Фрейд // Суицидология. Прошлое и настоящее. Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах / сост. А. Н. Моховиков. Москва : Мысль, 2001. С. 225–269.
379. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности / Э. Фромм. Москва : Республика, 1994. 447 с.
380. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм // Суицидология. Прошлое и настоящее. Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах / сост. А. Н. Моховиков. Москва : Мысль, 2001. 565 с.
381. Хазиев Ш. Н. Возможности судебно-трасологической экспертизы / Ш. Н. Хазиев // Социалистическая законность. 1991. № 12. С. 35–37.

382. Халиков А. Н. Оперативное сопровождение предварительного расследования / А. Н. Халиков // Законность. 2004. № 8. С. 25–27.
383. Халиков А. Н. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности / А. Н. Халиков. Москва: Юрлитинформ, 2007. 301 с.
384. Халиков А. Н. Психологические псевдоэкспертизы / А. Н. Халиков // Судебная экспертиза: российский и международный опыт : материалы международной научно-практической конференции (Волгоград, 23–24 мая 2012 г.) / Волгогр. акад. МВД России. Волгоград, 2012. С. 356–360.
385. Халфин В. С. Самоубийство (по материалам ЦАУ НКВД) / В. С. Халфин // Рабоче-крестьянская милиция. 1924. № 1. С. 17–19.
386. Хитров А. А. Определение самоубийства по следам на руках / А. А. Хитров // Судебная медицина и пограничные области : сборник / НИИ судебной медицины; отв. ред. Н. В. Попов. Москва; Ленинград, 1934. С. 166.
387. Холодковская Е. Значение материалов уголовных дел для судебно-психиатрического заключения / Е. Холодковская, Р. Коканбаева // Социалистическая законность. 1983. № 3. С. 49–50.
388. Холопова Е. Н. Судебно-психологическая экспертиза : монография. Москва : Юрлитинформ, 2010. 416 с.
389. Хоменок В. П. Исследование пятен крови 46-летней давности / В. П. Хоменок, А. Ф. Друзь, Т. О. Хоменок // Судебная травматология и новые экспертные методы борьбы с преступлениями против личности : тезисы докладов Пятой расширенной научно-практической конференции Научного общества судебных медиков и криминалистов ЛитССР (Вильнюс, 25–26 авг. 1981 г.). Каунас, 1981. С. 168–169.
390. Целибеев Б. А. Психиатрическое обследование лиц, совершивших суицидальную попытку / Б. А. Целибеев // Судебно-медицинская экспертиза. 1966. № 1. С. 30–34.
391. Цимбалист Л. Д. Разоблаченная инсценировка самоубийства / Л. Д. Цимбалист // Следственная практика. Москва, 1963. Вып. 58. С. 91–97.
392. Ципковский В. П. Осмотр места происшествия и трупа на месте его обнаружения : пособие / В. П. Ципковский. Киев: Госмедиздат, 1960. 320 с.

393. Черваков В. Ф. Вопросы судебной медицины и экспертизы в трудах Амбруаза Паре / В. Ф. Черваков // Сборник трудов бюро Главной судебно-медицинской экспертизы и кафедры судебной медицины Ереванского мединститута. Ереван, 1956. С. 36–48.
394. Чистова Л. Е. Пространственно-временные отношения и причинная связь в расследовании преступлений / Л. Е. Чистова // Вестник криминалистики. 2010. Вып. 1 (33). С. 137–142.
395. Шаламов М. П. О роли версий при расследовании убийств / М. П. Шаламов // Вопросы борьбы с убийствами : материалы научно-практической конференции (Москва, 7–9 февр. 1968 г.) / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности; отв. ред. Ф. Ю. Бердичевский. М., 1969. С. 82–84.
396. Шишов Е. Об использовании специальных познаний для получения криминалистически значимой информации в ходе расследования / Е. Шишов // Уголовное право. 2001. № 4. С. 80–82.
397. Шнейкерт Г. Тайна преступника и пути к ее раскрытию / Г. Шнейкерт. Москва : Право и жизнь, 1925. 64 с.
398. Шохин Т. Случай с «немыми свидетелями» / Т. Шохин // Вестник полиции. 1908. № 26. С. 8–9.
399. Щукина Е. Я. О практике привлечения специалистов судебно-психиатрических экспертных учреждений (отделений) к участию в доследственной проверке материалов (в порядке ст. 144 УПК РФ) : информационное письмо / Е. Я. Щукина, А. А. Ткаченко, С. Н. Шишков. Москва, 2011. 8 с.
400. Эдель Ю. П. Исследование причин ошибочной диагностики смертельных травм (по судебно-медицинским материалам) / Ю. П. Эдель // Судебно-медицинская экспертиза. 1958. № 4. С. 34–36.
401. Эритс Х. Г. Значение заболеваний при суицидальных случаях / Х. Г. Эритс // Актуальные вопросы судебной медицины и патологической анатомии : материалы четвертой расширенной научно-практической конференции судебных медиков и патологоанатомов ЭССР / отв. ред. А. А. Лукаш; Тарт. гос. ун-т; Ин-т эксперим. и клинич. медицины Мин-ва здравоохранения ЭССР, Науч. о-во судебных медиков ЭССР, Науч. о-во патологоанатомов ЭССР. Таллин, 1975. С. 134–136.

402. Юм Д. О самоубийстве : пер. с англ. / Д. Юм. 2-е изд., доп. Москва : Мысль, 1996. Т. 2. 799 с.
403. Яблоков Н. П. Способы преодоления противодействия следствию при раскрытии и расследовании преступлений, совершенных организованными преступными формированиями / Н. П. Яблоков // Основы борьбы с организованной преступностью / под ред. В. С. Овчинского [и др.]. Москва : Инфра-М, 1996. С. 282–296.
404. Якимов И.Н. Криминалистика : руководство по уголовной технике и тактике / И. Н. Якимов. Москва : НКВД РСФСР, 1925. X, 430 с.
405. Яновская Э. В. О предупреждении общественно опасных действий, совершаемых больными шизофренией по бредовым мотивам / Э. В. Яновская // Судебно-медицинская экспертиза. 1966. № 3. С. 47–52.
406. Яровенко В. В. Криминалистическая дерматоглифика : монография / В. В. Яровенко. Владивосток: Изд-во Дальневост. федер. ун-та, 2011. 237 с.
407. Яровенко В. В. Место криминалистической дерматоглифики в криминалистике / В. В. Яровенко // Актуальные проблемы уголовного процесса и криминалистики : сборник статей научно-практической конференции. 2015. С. 244–250
408. Яровенко В. В. Характеристика дерматоглифических лиц, склонных к серийным преступлениям / В. В. Яровенко, Н. Н, Китаев // Право и политика. 2014. № 11. С. 1756–1767.

Диссертации и авторефераты диссертаций

409. Аистов И. А. Использование следов биологического происхождения при расследовании преступлений : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / И. А. Аистов; Саратов. юр. ин-т МВД РФ. Саратов, 2000. 24 с.
410. Аменицкая Н. А. Взаимодействие следователя и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в раскрытии и расследовании преступлений (в ОВД) : диссертация на соискание кандидата юридических наук / Н. А. Аменицкая; Нижегор. акад. МВД России. Нижний Новгород, 2006. 201 с.
411. Андреев А. С. Ложное алиби и криминалистические методы его разоблачения : диссертация на соискание кандидата юридических наук / А. С. Андреев; Юр. ин-т МВД РФ. Ростов на Дону, 2001. 195 с.

412. Ардашев Р. Г. Расследование убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом лица, совершившего преступление : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / Р. Г. Ардашев; БФУ им. И. Канта. Калининград, 2017. 22 с.
413. Ардашев Р. Г. Расследование убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом лица, совершившего преступление : диссертация на соискание кандидата юридических наук / Р. Г. Ардашев; БФУ им. И. Канта. Калининград, 2017. 232 с.
414. Баранов Е. В. Криминалистическая сущность инсценировок и методы их разоблачения при расследовании преступлений : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / Е. В. Баранов; Акад. МВД СССР. 1977. 22 с.
415. Березутский Е. Ю. Актуальные вопросы теории и практики исследования материальной обстановки места убийства : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / Е. Ю. Березутский; Моск. гос. юр. акад. Москва, 2001. 27 с.
416. Биленко Н. П. Хрономедицинские аспекты прогноза и профилактики социально значимых заболеваний у детей : диссертация на соискание ученой степени доктора медицинских наук / Н. П. Биленко; Рос. гос. мед. ун-т. Москва, 2005. 203 с.
417. Болдырева О. В. Значение влияния микроорганизмов на следы крови при судебно-медицинской экспертизе вещественных доказательств : автореферат диссертации на соискание кандидата медицинских наук / О. В. Болдырева; 2-й Моск. гос. мед. ин-т им. Н. И. Пирогова. Москва, 1989. 15 с.
418. Бурданова В. С. Расследование уголовных дел об убийствах, замаскированных инсценировкой самоубийства и дел о доведении до самоубийства (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование) : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / В. С. Бурданова; Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Ленинград, 1966. 15 с.
419. Быстряков Е. Н. Криминалистические и организационные основы деятельности следователей, органов дознания и сведущих лиц на первоначальном этапе расследования тяжких преступлений против личности : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / Е. Н. Быстряков. Саратов, 1988. 19 с.

420. Варфоломеев Е. В. Противодействие расследованию убийств, совершаемых военнослужащими, и криминалистические методы его преодоления: диссертация на соискание кандидата юридических наук / Е. В. Варфоломеев; Юр. ин-т МВД РФ. Москва, 2002. 184 с.
421. Гельманов Г. А. Криминалистическое значение способа сокрытия преступления против жизни и здоровья граждан и методы его разоблачения : диссертация на соискание кандидата юридических наук. Москва, 1982.
422. Гилод В. М. Клинико-социальные и клинико-психопатологические характеристики вариантов суицида у пациентов кризисного стационара : автореферат диссертации на соискание кандидата медицинских наук / В. М. Гилод; Моск. науч.-исслед. ин-т психиатрии. Москва, 2002. 24 с.
423. Дамов Ю. В. Правовые и организационно-тактические вопросы раскрытия аппаратами уголовного розыска умышленных убийств : диссертация на соискание кандидата юридических наук / Ю. В. Дамов. Москва, 1987. 156 с.
424. Дементьев В. В. Научные и практические проблемы расследования инсценировки как способа сокрытия преступления : диссертация на соискание кандидата юридических наук / В. В. Дементьев; Саратов. гос. акад. права. Саратов, 2004. 224 с.
425. Донцов В. В. Теоретические и методические основы установления лица, совершившего убийство : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / В. В. Донцов; ВНИИ пробл. укрепления законности и правопорядка. Москва, 1989. 19 с.
426. Дуткин М. П. Гносеологические основания изучения суицида : автореферат диссертации на соискание кандидата философских наук / М. П. Дуткин; Акад. наук Респ. Саха (Якутия). Якутск, 2006. 26 с.
427. Еремин С. Н. Заключение специалиста как новый вид доказательства в уголовном судопроизводстве (уголовно-процессуальное и криминалистическое исследование) : автореферат диссертации кандидата юридических наук / С. Н. Еремин; Кубанский гос. ун-т. Краснодар, 2004. 28 с.
428. Ермолаева Е. Г. Суицид и преступность: диссертация на соискание кандидата юридических наук / Е. Г. Ермолаева; Саратов. юр. ин-т МВД России. Саратов, 2007. 236 с.

429. Есин С. Н. Криминалистическое обеспечение розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / С. Н. Есин; Моск. ун-т МВД России. Москва, 2009. 30 с.
430. Жардецкий А. Н. Аутоагрессивное поведение обвиняемых (типология, судебно-психиатрическая оценка, прогноз) : диссертация на соискание кандидата медицинских наук / А. Н. Жардецкий; Гос. науч. центр соц. и судеб. психиатрии им. В. П. Сербского. Москва, 2003. 234 с.
431. Жардецкий А. Н. Аутоагрессивное поведение обвиняемых (типология, судебно-психиатрическая оценка, прогноз) : автореферат диссертации на соискание кандидата мед. наук / А. Н. Жардецкий; Гос. науч. центр соц. и судеб. психиатрии им. В. П. Сербского. Москва, 2003. 28 с.
432. Звягин А. И. Противодействие расследованию убийств по найму и криминалистические методы его преодоления : диссертация на соискание кандидата юридических наук / В. Н. Звягин; Акад. упр. МВД РФ. Москва, 2004. 195 с.
433. Зимин Р. В. Содействие органов дознания следователю при производстве предварительного следствия : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / Р. В. Зимин. Москва, 2008. 24 с.
434. Змановская Е. В. Психология девиантного поведения : структурно-динамический подход : автореферат диссертации на соискание доктора психологических наук / Е. В. Змановская; Петерб. ун-т МВД РФ. Санкт-Петербург, 2006. 49 с.
435. Зороастров М. О. Судебно-медицинские аспекты динамики и генетических основ самоубийств у жителей Тюменского региона : автореферат диссертации на соискание кандидата медицинских наук / М. О. Зороастров; Моск. гос. мед.-стоматолог. ун-т. Москва, 2006. 25 с.
436. Ивахов П. И. Криминалистические проблемы расследования и предупреждения убийств в современных условиях : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / П. И. Ивахов; Калинингр. юр. ин-т МВД России. Калининград, 2003. 28 с.
437. Кагин Е. К. Криминалистические основы розыска лиц, скрывшихся от следствия и суда : автореферат диссертации на соискание

- кандидата юридических наук / Е. К. Кагин; Свердлов. юр. ин-т им. Р. А. Руденко. Свердловск, 1982. 18 с.
438. Каплан Л. С. Взаимодействие следователя с органами дознания : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / Л.С. Каплан; Удмурт. гос. ун-т. Ижевск, 2000. 26 с.
439. Карагодин В. Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия предварительному расследованию : диссертация на соискание доктора юридических наук / В. Н. Карагодин; УрГЮА. Екатеринбург, 1992. 353 с.
440. Килессо Е. Г. Методика расследования убийств, сопряженных с безвестным исчезновением потерпевшего: первоначальный этап расследования : диссертация на соискание кандидата юридических наук / Е. Г. Килессо; С.-Петерб. юр. ин-т генер. прокуратуры РФ. Санкт-Петербург, 2004. 219 с.
441. Китаева В.Н. Судебно-психологическая экспертиза при расследовании тяжких преступлений против личности: диссертация на соискание кандидата юридических наук / В. Н. Китаева; Байкал. гос. ун-т экон. и права. Иркутск, 2002. 241 с.
442. Ковалев А. И. Улики поведения и их роль в расследовании преступления: автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / А. И. Ковалев; Свердлов. юр. ин-т. Свердловск, 1974. 26 с.
443. Ковалев А. И. Улики поведения и их роль в расследовании преступлений : диссертация на соискание кандидата юридических наук / А. И. Ковалев; Свердлов. юр. ин-т. Свердловск, 1974. 175 с.
444. Комлев В. А. Прогнозирование аутоагрессивного поведения осужденных в исправительных учреждениях : диссертация на соискание кандидата психологических наук / В. А. Комлев; С.-Петерб. ун-т МВД РФ. Санкт-Петербург, 2010. 215 с.
445. Королько Л. Ф. Морфологические изменения некоторых тканей и органов при повешении с различными положениями петли : автореферат диссертации на соискание кандидата медицинских наук / Л. Ф. Королько. Ленинград, 1976. 22 с.
446. Корчагин А. А. Расследование убийств, связанных с исчезновением лиц женского пола : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / А. А. Корчагин; Алт. гос. ун-т. Барнаул, 2003. 25 с.

447. Котов В. В. Организационные и тактические основы взаимодействия следователя и органов дознания при производстве отдельных следственных действий : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / В. В. Котов. Екатеринбург, 2007. 36 с.
448. Кудрявцева А. В. Проблемы использования судебно-медицинских познаний в расследовании преступлений : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / А. В. Кудрявцева. Алматы, 1993. 22 с.
449. Кузнецов В. В. Инсценировка как способ сокрытия преступления : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / В. В. Кузнецов. Москва, 1977. 23 с.
450. Кузнецов В. Е. Этапы развития отечественной дореволюционной суицидологии: психиатрический и междисциплинарный аспекты : автореферат диссертации на соискание кандидата медицинских наук / В. Е. Кузнецов; Моск. НИИ психиатрии. Москва, 1987. 22 с.
451. Лапин И. А. Факторы риска повторного суицидального поведения женщин с умеренно выраженными и тяжелыми депрессивными расстройствами : автореферат диссертации на соискание кандидата медицинских наук / И. А. Лапин; Моск. науч.-исслед. ин-т психиатрии. Москва, 2005. 27 с.
452. Лапшин В. Е. Место происшествия как объект экспертного исследования : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / В. Е. Лапшин; Нижегор. акад. МВД России. Нижний Новгород, 2003. 28 с.
453. Лопатин А. А. Суициды и парасуициды (клинико-эпидемиологические и социально-организационные аспекты) : автореферат диссертации на соискание доктора медицинских наук / А. А. Лопатин; Кемер. гос. мед. акад. Москва, 2000. 38 с.
454. Лубин А. Ф. Взаимодействие участников идентификационно-поисковой деятельности : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / А. Ф. Лубин; МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 1981. 16 с.
455. Малыхина Н. И. Криминалистические методы и средства установления лица, совершившего преступление : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / Н.И. Малыхина; Саратов. гос. акад. права. Саратов, 2007. 26 с.

456. Мальцев А. С. Особенности расследования убийств, связанных с безвестным исчезновением граждан : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / А. С. Мальцев; Рост. юр. ин-т МВД РФ. Ростов-на-Дону, 2012. 26 с.
457. Мартыненко Р. Г. Коммуникативное противодействие расследованию: способы, выявление, преодоление : диссертация на соискание кандидата юридических наук / Р. Г. Мартыненко; Кубан. гос. ун-т. Краснодар, 2004. 25 с.
458. Миронова Е. А. Поведение преступника: криминалистический и процессуальный аспекты : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / Е. А. Миронова. Москва, 1997. 32 с.
459. Мишин Е. С. Прижизненное течение странгуляционной асфиксии при различных положениях петли (экспериментальное исследование): автореферат диссертации на соискание кандидата медицинских наук / Е. С. Мишин; Ленингр. сан.-гигиен. мед. ин-т. Ленинград, 1975. 22 с.
460. Мишин Е. С. Судебно-медицинская экспертиза удушения петлей: автореферат диссертации на соискание доктора медицинских наук / Е. С. Мишин. Санкт-Петербург, 1997. 30 с.
461. Мудьюгин Г. Н. Расследование убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / Г. Н. Мудьюгин; МГУ им. М. В. Ломоносова. Москва, 1962. 17 с.
462. Надоненко О. Н. Криминалистическое значение следов биологического происхождения : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / О. Н. Надоненко; Ур. гос. юридических акад. Екатеринбург, 2002. 22 с.
463. Нечепаяев В. В. Особенности раскрытия и расследования убийств, совершаемых по найму с учетом пространственно-временных факторов : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / В. В. Нечепаяев. Воронеж, 2008. 24 с.
464. Пелипас В. Е. Суицидальные явления в клинике некоторых форм психопатии : автореферат диссертации на соискание кандидата медицинских наук / В. Е. Пелипас; Центр. науч.-исслед. ин-т судебной психиатрии им. В. П. Сербского. Москва, 1971. 22 с.

465. Петросян В. О. Использование криминалистических методов и средств в розыске без вести пропавших граждан : диссертация на соискание кандидата юридических наук / В. О. Петросян; Юр. ин-т МВД России. Москва, 1998. 186 с.
466. Пирбудагов Г. Н. Противодействие расследованию преступлений против жизни и здоровья : диссертация на соискание кандидата юридических наук / Г. Н. Пирбудагов; Моск. ун-т МВД РФ. Москва, 2010. 195 с.
467. Подпоронова Е. Э. Судебно-медицинская экспертиза удушений руками : автореферат диссертации на соискание кандидата медицинских наук / Е. Э. Подпоронова; С.-Петерб. гос. мед. акад. Санкт-Петербург, 1997. 21 с.
468. Полтавцева Л. И. Интеграция достижений психологии в криминалистику : диссертация на соискание доктора юридических наук / Л. И. Полтавцева; Волгогр. акад. МВД России. Волгоград, 2003. 381 с.
469. Полякова И. В. Особенности ситуационных реакций и психогенных депрессий в суицидологической практике : автореферат диссертации на соискание кандидата медицинских наук / И. В. Полякова; Моск. НИИ психиатрии. Москва, 1987. 19 с.
470. Пономаренко Ю. В. Применение метода криминалистической ретроспекции при расследовании преступлений : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / Ю. В. Пономаренко; Акад. Мин-ва внутр. дел Республики Беларусь. Минск, 2003. 21 с.
471. Прокопенко Б. Л. Особенности расследования убийств, совершенных осужденными в местах лишения свободы : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / Б. Л. Прокопенко; Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2009. 24 с.
472. Решняк М. Г. Деятельность следователя и органа дознания по розыску и установлению местопребывания обвиняемого : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / Акад. управления МВД России. Москва, 1998. 23 с.
473. Рывкин С. Ю. Особенности расследования и предупреждения убийств, совершенных военнослужащими : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / С. Ю. Рывкин; Волг. акад. МВД России. Волгоград, 2005. 30 с.

474. Рывкин С. Ю. Особенности расследования и предупреждения убийств, совершенных военнослужащими : диссертация на соискание кандидата юридических наук / С. Ю. Рывкин; Волг. акад. МВД России. Волгоград, 2005. 178 с.
475. Спиридонов В. А. Комплексное судебно-медицинское и социально-гигиеническое исследование самоубийств (по материалам Республики Татарстан) : автореферат диссертации на соискание кандидата медицинских наук / В. А. Спиридонов; Рос. гос. мед. ун-т. Москва, 1996. 24 с.
476. Стулин О. Л. Тактические основы преодоления умышленного противодействия расследованию преступлений : диссертация на соискание кандидата юридических наук / О. Л. Стулин; С.-Петерб. юр. ин-т. Санкт-Петербург, 1999. 171 с.
477. Тарасов М. Ю. Расследование уголовных дел об убийствах: процессуальные и криминалистические вопросы : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / М. Ю. Тарасов; Моск. гос. юр. акад. Москва, 2003. 25 с.
478. Терещук Ф. А. Особенности расследования насильственных преступлений с летальным исходом потерпевшего в больнице : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / Дальневост. гос. ун-т / Ф. А. Терещук. Владивосток, 2006. 21 с.
479. Тимонина И. В. Установление заказного характера убийства и использование моделей при его расследовании : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / И. В. Тимонина; Саратов. гос. ак. права. Саратов, 2007. 22 с.
480. Тимофеева А. В. Криминалистическое моделирование неизвестного преступника по признакам и свойствам, отображаемым в следах преступления : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / А. В. Тимофеева; Юж.-Ур. гос. ун-т. Челябинск, 2010. 26 с.
481. Травкин Е. А. Взаимодействие следователей Следственного комитета Российской Федерации с органами дознания при раскрытии и расследовании преступлений : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / Е. А. Травкин. Москва, 2011. 23 с.

482. Фадеев В. И. Расследование инсценировок преступных событий : диссертация на соискание кандидата юридических наук / В. И. Фадеев: Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 1998. 183 с.
483. Фирсов Г. Е. Организационно-тактические основы раскрытия убийств прошлых лет органами внутренних дел : диссертация на соискание кандидата юридических наук / Г. Е. Фирсов. Москва, 1975. 177 с.
484. Хараев А. А. Преодоление противодействия расследованию преступлений против собственности : диссертация на соискание кандидата юридических наук / А. А. Хараев; Кубан. гос. аграр. ун-т. 2005. Нальчик, 2005. 179 с.
485. Цильвик В. П. Правовые и организационно-тактические проблемы розыска пропавших без вести лиц (по материалам Украинской ССР) : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / В. П. Цильвик; Киев. высш. шк. МВД СССР им. Ф. Э. Дзержинского. Киев, 1987. 25 с.
486. Чайка А. Ю. Организация взаимодействия органов предварительного расследования и дознания по расследованию и раскрытию преступлений : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / А. Ю. Чайка; Акад. упр. МВД России. Москва : 2002. 19 с.
487. Чегодаева С. С. Криминалистическое исследование улик поведения : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / С. С. Чегодаева; Юр. ин-т МВД России. Москва, 2000. 22 с.
488. Шмидт А. А. Тактические основы распознавания ложных показаний и изобличения лжесвидетелей (криминалистическое и криминологическое исследование) : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / А. А. Шмидт; Свердлов. юр. ин-т. Свердловск, 1973. 20 с.
489. Шошин С. В. Расследование умышленных убийств, совершенных на бытовой почве : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / С. В. Шошин; Саратов. гос. акад. права. Саратов, 2000. 24 с.
490. Яровенко В. В. Доказывание следователем субъективной стороны убийств : автореферат диссертации на соискание кандидата юридических наук / В. В. Яровенко; Свердл. юр. ин-т. Свердловск, 1979. 15 с.

491. Яшин А. В. Постпреступное поведение : диссертация на соискание кандидата юридических наук / А. В. Яшин; Саратов. юридический ин-т МВД РФ. Саратов, 2005. 197 с.

Справочная литература

492. Библиографический указатель литературы по советской криминалистике за 1966–1986 гг. / Л. В. Батищева [и др.]; под ред. проф. Н. С. Селиванова; НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка. Москва : НИИ пробл. укрепления законности и правопорядка, 1990. 244 с.
493. Белкин Р. С. Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. Москва, 1997. 336 с.
494. Блейхер В. М. Толковый словарь психиатрических терминов / В. М. Блейхер, И. В. Крук. Воронеж: Модэк, 1995. 639 с.
495. Большая психологическая энциклопедия / А. Б. Альмуханова [и др.]. М.: Эксмо, 2007. 543 с.
496. Гацихо О. И. Библиографический алфавитно-предметный указатель к сборникам по обмену опытом следственной работы «Следственная практика» (выпуски 61–73) / О.И. Гацихо // Следственная практика : сборник статей / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности; гл. ред. Г. И. Кочаров. Москва, 1967. Вып. 76. С. 74–118.
497. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. Даль. 2-е изд., испр. и знач. умнож. по рукописи авт. Санкт-Петербург; Москва : М. О. Вольф, 1882. Т. 4. Р–V. 704 с.
498. Еникеев М. И. Общая и социальная психология : энциклопедия / М. И. Еникеев. Москва : Приор, 2002. 559 с.
499. Измайлова Ф. Ш. Библиографический алфавитно-предметный указатель к сборникам «Следственная практика» (вып. 86–95) / Ф. Ш. Измайлова // Следственная практика : сборник статей / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности; ред. А. И. Михайлов. Москва, 1972. Вып. 96. С. 134–167.
500. Капица Л. В. Библиографический алфавитно-предметный указатель к сборникам «Следственная практика» (вып. 116–125) / Л. В. Каица //

- Следственная практика : сборник статей / Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности; отв. ред. Н. В. Жогин. Москва, 1980. Вып. 126. С. 49–103.
501. Криминалистическая энциклопедия : справочное пособие для курсантов, слушателей и преподавателей учебных заведений МВД, адъюнктов, докторантов, научных сотрудников и практических работников органов внутренних дел / сост. Р. С. Белкин. Москва : Бек, 1997. 341 с.
502. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 72 500 слов и 7 500 фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. Москва : Азъ, 1992. 955 с.
503. Психологическая энциклопедия / под ред. Р. Корсини, А. Ауэрбах. 2-е изд. Санкт-Петербург : Питер, 2003. 1096 с.
504. Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 гг. / Центр. стат. упр. СССР, сектор соц. статистики; сост. М. Н. Гернет; предисл. М. П. Красильников. Москва : ЦСУ СССР, 1929. 57 с.
505. Самоубийства в СССР. 1922–1925 гг. / Центр. стат. упр. СССР, отд-ние моральной статистики; вступ. ст. Д. П. Родин; предисл. М. Н. Гернет. Москва : Тип. М. К. Х. им. Ф. Я. Лаврова, 1927. 77 с. (Статистика СССР. Т. 35, вып. 1).
506. Сборник действующих приказов и инструкций Генерального прокурора СССР / Прокуратура СССР. Москва : Юр. лит., 1958. 524 с.
507. Систематический алфавитный указатель неофициального отдела журнала «Тюремный вестник» за XV лет (1893–1907) / сост., под ред. Н. Ф. Лучинского. Санкт-Петербург : Типо-лит. С.-Петербур. тюрьмы, 1908. 96 с.
508. Систематический библиографический указатель литературы по криминалистике / сост. проф. М. Н. Гернет. Минск : Тип. Акад. наук БССР, 1936. 62 с.
509. Справочная книга криминалиста / Генер. прокуратура Рос. Федерации, Науч.-исслед. ин-т проблем укрепления законности и правопорядка; отв. ред. Н. А. Селиванов. Москва : Норма; Инфра-М, 2000. XIV. 712 с.
510. Степанова Т. С. Библиографический указатель литературы по советской криминалистике за 1956–1960 гг. / Т. С. Степанова,

- Н. Б. Алексеева; под ред. А. И. Винберг. Москва : Юр. лит., 1964. 144 с.
511. Убийства, замаскированные различными инсценировками // Библиографический предметный указатель к сборникам по обмену опытом следственной работы «Следственная практика» (вып. 1–60) / сост. М. М. Буклан, М. И. Арсеньева. Москва, 1966. С. 130–131. (Следственная практика. Вып. 70).
512. Шумилов А. Ю. Оперативно-розыскной словарь : учебное пособие / А. Ю. Шумилов. Москва : Изд. дом Шумиловой И. И., 2008. 174 с.
513. Энциклопедия юридической психологии / под общ. ред. А. М. Столяренко. Москва : Юнити-Дана; Закон и право, 2003. 607 с.

Литература на иностранных языках

514. Bourdin C. E. Du suicide considéré comme maladie / par C. E. Bourdin. Batignolles : Hennuyer et Turpin, 1845. 95 p.
515. Esquirol J. E. D. Des maladies mentales considérées sous les rapports médical, hygiénique et médico-légal / Etienne Esquirol. Paris: J.-B. Baillière, 1838. 2 v. and atlas: plates.
516. Lombroso C. L'homme criminel: étude anthropologique et médico-légale: atlas / C. Lombroso, A. Bournet, G. Regnier. Paris : Félix Alcan, 1887. XXIV, 684 p.
517. Winslow F. The Anatomy of Suicide / by Forbes Winslow. London : H. Renshaw, 1840. XV, 340 p.
518. Yekeen A. Aderibigbe, Violence in America: A Survey of Suicide Linked to Homicides // Journal of Forensic Sciences. 1997. No. 4. Pp. 662–665.

Аналитическая справка

по итогам опроса следователей СК РФ по проблемам расследования убийств, сопряженных с посткриминальным суицидом подозреваемого (обвиняемого)

Опрошено 63 следователя, ответы опрошенных распределились следующим образом.

1. Приходилось ли вам расследовать убийства при ситуации посткриминального суицида подозреваемого (обвиняемого)?

- а) да — 43% (27 чел.);
- б) нет — 57% (36 чел.).

2. Ваше образование:

- а) высшее юридическое — 100% (63 чел.);
- б) высшее иное — 0% (0 чел.).

3. Стаж вашей работы в указанной должности:

- а) менее года — 9,5% (6 чел.);
- б) от 1 года до 5 лет — 55,5% (35 чел.);
- в) от 5 до 10 лет — 35% (22 чел.).

4. В чем, по вашему мнению, заключаются трудности при расследовании убийства, сопряженного с посткриминальным суицидом подозреваемого (обвиняемого):

- а) в сложности установления личности потерпевшего и убийцы, трупы которых обнаружены на месте преступления — 11,1% (7 чел.);
- б) в отсутствии очевидцев события преступления — 28,5% (18 чел.);
- в) в необходимости одновременного обнаружения на месте происшествия доказательств и убийства и самоубийства — 57% (36 чел.);
- г) иные трудности: _____ 39,7 % (25 чел.).

5. Является ли, по вашему мнению, методически правильно проведенный осмотр места происшествия практически единственным способом соби-

рания доказательств по убийствам, сопряженным с посткриминальным суицидом подозреваемого (обвиняемого):

- а) да — 8% (5 чел.);
- б) нет — 92% (58 чел.).

6. В каких случаях, производя осмотр места происшествия, можно предположить, что произошло убийство с посткриминальным суицидом подозреваемого (обвиняемого):

- а) наличие двух и более трупов — 4,8% (3 чел.);
- б) двери и окна заперты изнутри — 33,3% (21 чел.);
- в) найдена предсмертная записка виновного — 88,8% (56 чел.);
- г) орудие совершения преступления находится в руках предполагаемого убийцы или непосредственно рядом с ним — 71,4% (45 чел.);
- д) иные обстоятельства: _____ 50,7% (32 чел.).

7. Обязательно ли, по вашему мнению, фотографирование места происшествия:

- а) да — 95,2% (60 чел.);
- б) нет — 4,8% (3 чел.).

8. Какие вопросы могут выясняться при проверке версии о совершении убийства с последующим посткриминальным суицидом подозреваемого (обвиняемого):

- а) мог ли кто-либо слышать или видеть события преступления — 100% (63 чел.);
- б) мог ли кто-либо совершить на месте происшествия убийства с инсценировкой посткриминального суицида? — 23,8% (15 чел.);
- в) имеется ли предсмертная записка убийцы, в которой сообщается о мотивах убийства и самоубийства — 100% (63 чел.);
- г) кому первому нанесены смертельные ранения — 100% (63 чел.);
- д) что является орудием совершения убийства и самоубийства — 100% (63 чел.);
- е) не делал ли убийца после совершения деяния попыток к сокрытию преступления? — 25,4 % (16 человек);

ж) пытался ли убийца оказать после совершения преступления помощь потерпевшему? — 28,5 % (18 человек);

з) иные вопросы: _____ 55,5 % (35 чел.).

9. Какие виды судебных экспертиз должны назначаться, по вашему мнению, при расследовании убийства, сопряженного с посткриминальным суицидом подозреваемого (обвиняемого):

а) судебно-медицинская экспертиза — 100% (63 чел.);

б) психолого-психиатрическая экспертиза – 76,2 % (48 чел.);

в) судебно-биологическая экспертиза вещественных доказательств — 100 % (63 человека);

г) трасологическая экспертиза — 46% (29 чел.);

д) баллистическая экспертиза — 43% (27 чел.);

е) иные виды судебных экспертиз: _____ 12,7% (8 чел.).

10. Какие признаки инсценировки суицида вы можете назвать?

а) при нахождении трупа в петле (самоповешении):

б) при наличии колото-резаных повреждений на трупе:

в) при обнаружении трупа с огнестрельным ранением и огнестрельного оружия рядом:

При ответе на вопрос 10:

*на пункт «а» только 8% (5 чел.) дали удовлетворительный ответ;
на пункт «б» удовлетворительно ответило 11,1% (7 человек);
на пункт «в» достаточно полно ответили 74,6% (47 человек)¹.*

11. Хранятся ли в организации, где вы работаете, вещественные доказательства по убийствам прошлых лет (нераскрытым; подозреваемый находится в розыске), на которых могут находиться следы биологического происхождения:

- а) да — 76,2 % (48 человек);
- б) нет — 23,8 % (15 человек).

12. Какие лица, по вашему мнению, подлежат допросу при расследовании убийства, сопряженного с посткриминальным суицидом подозреваемого (обвиняемого):

- а) родственники потерпевшего и подозреваемого — 100% (63 чел.);
- б) соседи потерпевшего и подозреваемого — 100% (63 чел.);
- в) сослуживцы потерпевшего и подозреваемого — 92% (58 чел.);
- г) знакомые потерпевшего и подозреваемого — 100% (63 чел.);
- д) медицинские работники — 17,4% (11 чел.);
- е) иные лица _____ 19% (12 чел.).

13. Что, на ваш взгляд, может побудить убийцу совершить суицид:

- а) страх перед уголовным наказанием и его неотвратимостью – 88,8 % (56 чел.);
- б) внезапное раскаяние в совершенном убийстве — 39,7 % (25 чел.);
- г) бесцельность попыток сокрытия совершенного убийства — 28,5 % (18 чел.);
- д) иные причины _____ 23,8% (15 чел.).

¹ При оценке ответов следователей источники: Мудьюгин Г. Н. Расследование убийств, замаскированных инсценировками, М., 1973. С. 68–103; Сапожников Ю. С. Криминалистика в судебной медицине. Киев, 1970. С. 71–222; Концевич И.А. Судебно-медицинская диагностика strangulating. Киев, 1968; Татаренко В. А. Статистико-вероятный метод определения степени достоверности экспертных выводов // Судебно-медицинская экспертиза. 1990. № 2. С. 47–48; Ципковский В. И. Осмотр места происшествия и трупа на месте его обнаружения. Киев, 1960. С. 107–132, 161–197, 235–251; Осмотр трупа на месте его обнаружения: практическое руководство / под ред. А. А. Матышева. СПб., 1997. С. 97–112, 118–138. — *Примеч. Р. Г. Ардашева.*

14. Какие документы могут указать на мотивы совершения убийства и самоубийства правонарушителя:

- а) предсмертная записка — 93,6% (59 чел.);
- б) дневник — 25,4% (16 чел.);
- в) медицинская документация (история болезни, амбулаторные карты) — 14,3% (9 чел.);
- г) личное дело — 17,4% (11 чел.);
- д) письма (иная корреспонденция) — 20,6% (13 чел.);
- е) иные документы _____ 44,4% (28 чел.).

15. Считаете ли вы законным не возбуждать уголовное дело по факту убийства, если правонарушитель покончил с собой на месте преступления или вблизи от него:

- а) да – 23,8 % (15 чел.);
- б) нет – 76,2 % (48 чел.).

Аналитическая справка

по итогам опроса оперативных работников МВД РФ
по проблемам расследования убийств с посткриминальным суицидом
подозреваемого (обвиняемого)

Опрошено 56 оперативных сотрудников, ответы опрошенных распределились следующим образом.

1. Приходилось ли вам участвовать в расследовании убийств в ситуации посткриминального суицида подозреваемого (обвиняемого):

- а) да — 32,1% (18 чел.);
- б) нет — 67,9% (38 чел.).

2. Приходилось ли вам проводить оперативно-разыскные мероприятия по делам об убийствах и фактах суицида:

- а) да — 100% (56 чел.);
- б) нет — 0% (0 чел.).

3. Ваше образование:

- а) высшее юридическое — 53,6% (30 чел.);
- б) высшее иное — 19,6% (11 чел.);
- в) неоконченное высшее — 21,4% (12 чел.);
- г) среднее специальное — 5,3% (3 чел.).

4. Стаж вашей работы в указанной должности:

- а) менее года — 7,1 % (4 чел.);
- б) от 1 года до 5 лет — 62,5 % (35 чел.);
- в) от 5 до 10 лет — 30,4 % (17 чел.).

5. В каких случаях при проведении осмотра места происшествия можно предполагать, что произошло убийство с последующим посткриминальным суицидом подозреваемого (обвиняемого):

- а) наличие двух и более трупов — 8,9 % (5 чел.);
- б) двери и окна заперты изнутри — 41,1 % (23 чел.);
- в) найдена предсмертная записка виновного — 94,6 % (53 чел.);
- г) орудие совершения преступления находится в руках предполагаемого убийцы или непосредственно рядом с ним — 85,7% (48 чел.);
- д) иные обстоятельства _____ 44,6% (25 чел.).

6. Какие лица, по вашему мнению, подлежат допросу (опросу) при расследовании убийства, сопряженного с посткриминальным суицидом подозреваемого (обвиняемого):

- а) родственники потерпевшего и подозреваемого — 100% (56 чел.);
- б) соседи потерпевшего и подозреваемого — 89,9% (47 чел.);
- в) сослуживцы потерпевшего и подозреваемого — 80,3% (45 чел.);
- г) знакомые потерпевшего и подозреваемого — 100% (56 чел.);
- д) медицинские работники — 21,4% (12 чел.);
- е) иные лица _____ 14,3% (8 чел.).

7. Какие сведения о потерпевшем и предполагаемом убийце необходимо выяснять у лиц, с которыми они общались ранее:

- а) сведения биографического характера — 100 % (56 чел.);
- б) иные личностные сведения о потерпевшем и предполагаемом убийце (физические, психологические, иные) — 100 % (56 чел.);
- в) обстоятельства и возможные причины убийства и самоубийства — 100% (56 чел.);
- г) способен ли предполагаемый убийца на совершение данного преступления — 80,3% (45 чел.);
- д) были ли ранее знакомы потерпевший и предполагаемый убийца — 100% (56 чел.);
- е) в каких отношениях были потерпевший и предполагаемый убийца — 100 % (56 чел.);
- ж) иные сведения _____ 60,7% (34 чел.).

8. Приходилось ли вам прибегать к опросу тяжелораненых (умирающих) лиц:

- а) да — 57,1% (32 чел.);
- б) нет — 42,9% (24 чел.).

9. Сталкивались ли вы с категоричным запретом медицинских работников опрашивать тяжелораненых (умирающих), что впоследствии завершилось смертью пострадавших лиц, усугубившей процесс установления истины:

- а) да — 25 % (14 чел.);
- б) нет — 75 % (42 чел.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ардашев Роман Георгиевич

кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела — начальник отделения психологического обеспечения отдела морально-психологического обеспечения Управления по работе с личным составом Министерства внутренних дел по Республике Бурятия. Автор и соавтор более 100 научных работ, изданных в России и за рубежом. Награжден за научную деятельность ведомственными наградами МВД России, Беларуси, Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Министерства обороны Беларуси, Следственного комитета Беларуси, министерств образования и науки Армении, Киргизии и Таджикистана, Федеральной службой исполнения наказания РФ, поощрен Почетной грамотой Ассоциации юристов РФ.

E-mail: ardashev.roman@gmail.com

Китаев Николай Николаевич

кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист РФ, почетный работник прокуратуры РФ, старший советник юстиции в отставке, доцент кафедры юриспруденции Иркутского национального исследовательского технического университета (ИРНИТУ). Автор и соавтор более 300 научных работ, изданных в России и за рубежом. Награжден за многолетнюю практическую работу ведомственными наградами Прокуратуры СССР и России, Минюста России, МВД России, Министерства обороны России, дипломант высшей юридической премии «Фемида». В область интересов входят криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность, юридическая психология.

E-mail: valentusis@inbox.ru

DATA ABOUT AUTHORS

Ardashev Roman Georgievich

Cand. Sci. (Law), Deputy Head of Department — Head of Psychological Support Division of Moral and Psychological Support Department in Personnel Administration of the Ministry for Internal Affairs of Buryatia. The author and co-author of more than 100 research papers published in Russia and abroad. Awarded for scientific work by the Ministry of Internal Affairs of Russia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Belarus Defense Ministry, Investigative Committee of Belarus, the ministries of education and science of Armenia, Kyrgyzstan and Tajikistan, the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation. Law Society of the Russian Federation presented R. G. Ardashev with a Certificate of Appreciation.

Kitaev Nikolay Nikolaevich

Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honorary Worker of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Retired Senior Counselor of Justice, Associate Professor of Law Department of Irkutsk National Research Technical University (IRNITU). Author and co-author of more than 300 research papers published in Russia and abroad. Awarded for many years of practical work by the Prosecutor's Office of the USSR and Russia, the Ministry of Justice of Russia, the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Ministry of Defense of Russia, diplomate of the Higher Legal Award "Femida". The area of his interest includes Forensics, Law Enforcement Intelligence Operations, and Legal Psychology.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Введение	5
Глава 1 Проблемы раскрытия и расследования убийств, осложненных суицидом лица, совершившего преступление	
1.1 Особенности возбуждения уголовного дела, типовые ситуации и версии.....	12
1.2 Тактические аспекты осмотра места происшествия и трупа.....	22
1.3 Особенности допросов при выявлении и расследовании убийств, сопряженных с суицидом лица, совершившего преступление.....	39
1.4 Взаимодействие следователя и органа, осуществляющего ОРД, при расследовании убийств, сопряженных с суицидом виновного лица.....	52
Глава 2 Использование экспертизы при расследовании убийств, сопряженных с суицидом правонарушителя	
2.1 Тактика назначения и проведения судебно-медицинских экспертиз.....	66
2.2 Тактические особенности назначения и производства криминалистических экспертиз.....	92
2.3 Проблемы назначения и проведения судебно-психиатрических, судебно-психологических, судебных психолого-психиатрических экспертиз.....	98

Глава 3 Посткриминальный суицид убийц: отдельные направления расследования

3.1 Классификация посткриминального суицида серийных и массовых убийц.....	115
3.2 Криминалистическая биоритмология и посткриминальный суицид убийц.....	130
3.3 Некоторые недостатки в расследовании убийств медицинских работников, сопряженных с посткриминальным суицидом подозреваемых.....	134
3.4 Актуальные вопросы посткриминального суицида лиц, заключенных под стражу.....	139
3.5 Суицид пилотов самолетов как способ совершения преступления.....	143
Заключение.....	147
Литература.....	153
Приложения.....	205
Сведения об авторах.....	212

Научное издание

*Роман Георгиевич Ардашев
Николай Николаевич Китаев*

**ПОСТКРИМИНАЛЬНЫЙ СУИЦИД УБИЙЦ:
КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ
РАССЛЕДОВАНИЯ**

Монография

Дизайн обложки А. Г. Мельникова

Редактор С. В. Сазонова

Компьютерная верстка С. В. Сазоновой

Свидетельство о государственной аккредитации
№ 2670 от 11 августа 2017 г.

Подписано в печать 12.03.20. Формат 60x84 1/16.
Уч.-изд. л. 10,63. Усл. печ. л. 12,56. Тираж 500. Заказ 12.
Цена договорная.

Монография издана за счет средств авторов

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сүхэ-Батора, 3а